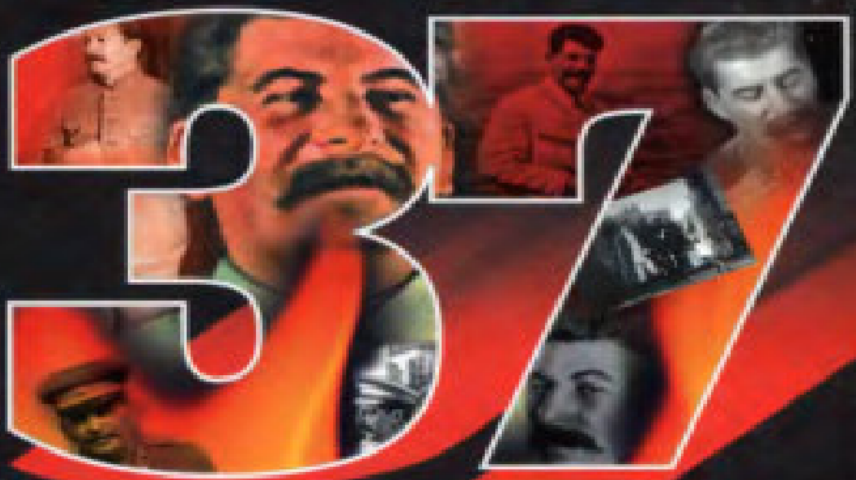
ЗАГАДКА 37 ГОДА



ВЛАДИМИР СУХОДЕЕВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О СТАЛИНЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге дается оценка личности И.В. Сталина. Автор подкрепляет свои выводы выдержками из произведений Сталина, ссылками на многочисленные мемуары и личные беседы с участниками описываемых событий. В результате начисто опровергаются лживые мифы об И.В. Сталине, прежде всего, бесконечно повторяемая «демократами» всех мастей ложь Хрущева о «культе личности» вождя. Кроме того, автором разоблачаются многие другие вздорные выдумки о И.В. Сталине: о том, что Сталин был агентом царской охранки, что он убил свою жену Надежду Аллилуеву, а через пять лет жену Ленина — Надежду Крупскую; убил Кирова, унизил полководцев Жукова и Рокоссовского, приписал себе победу в Великой Отечественной войне и т. д.

- Владимир Суходеев
  - Предисловие
  - Часть 1
    - Тайна рождения И. В. Сталина
    - Дата рождения И. В. Сталина
    - Особая мета
    - Семинарист Иосиф Джугашвили
    - Сквозь строй
    - В ссылке
    - Екатерина Семеновна Джугашвили
    - Яков Иосифович Джугашвили
    - Надежда Сергеевна Аллилуева-Сталина
    - Василий Иосифович Сталин (Джугашвили)
    - Светлана Иосифовна Аллилуева (Сталина)
    - Артем Федорович Сергеев
    - Мифическая «третья жена»
  - Часть 2
    - Боевое революционное крещение
    - Экспроприация
    - Безосновательная фальшивка
    - Член Политбюро ЦК
    - «Правда»
    - На почве творческого марксизма
    - Царицын
    - Опыт гражданской войны
    - О Закавказье
    - Орден Красного Знамени

- Часть 3
  - Встреча с Лениным
  - Чудесный грузин
  - Генеральный секретарь ЦК партии
  - Архиконспиративная просьба Владимира Ильича
  - Персональная ответственность
  - Причина конфликта
  - Сталин и Крупская
  - Великая клятва
  - Споры о бальзамировании
  - «Завещание»
  - О личном моменте и о «завещании» Ленина»
  - Решение XIII съезда
  - Ленинский призыв
- Часть 4
  - ГОЭЛРО
  - Об экономической независимости России
  - Стратегия социалистической индустрии
  - О колхозах и совхозах
  - Две системы хозяйства
  - Либо мы сделаем, либо нас сомнут
  - Итоги первой пятилетки
  - Плановость и коллективизм
  - Стахановское движение
- Часть 5
  - Сталин и Троцкий
  - Докатились
  - Не быть застигнутым врасплох
  - Сталин и Киров
  - Политическая беспечность
  - Об агентах влияния буржуазных разведок
  - Какая правда?
  - Процессы
  - Московские процессы
  - Два вызова
- Часть 6
  - Пакт о ненападении
  - Итоги советско-финляндской войны
  - Прием в Кремле
  - О начальном периоде войны
  - Три дня
  - 22 июня и 3 июля
  - Слово, зовущее в бой
  - Великий призыв

- Полк охраны
- На вас смотрит весь мир
- Почувствовалась его твердая рука
- Мыслил стратегически
- Заместитель верховного
- О личностях и неличностях
- Решение Верховного — закон
- Встреча с Верховным
- Партизанские рейды
- Ни шагу назад!
- Иное решение
- Срочный вызов с фронта
- Трудный выбор
- Не скрывал своего удовлетворения победой
- Хитросплетения союзников
- Меч
- Курская дуга
- Памятный разговор
- Операция «Багратион»
- О жестокости Сталина
- За боевое творчество и инициативу командиров
- Политическая необходимость
- Польский вопрос
- За Польшу дрался как лев
- Стремление к сотрудничеству
- Ялта
- Берлинская операция
- Кто первый ворвется — тот пусть и берет Берлин
- Стратег, политик
- Срочное сообщение
- День великой победы
- За здоровье русского народа!
- Парад Победы
- Генералиссимус
- Подготовка японской кампании
- Мы победили
- Карта СССР

○ Часть 7

- Денежная реформа
- О Лысенко и генетике
- Философская дискуссия
- О призвании художественной интеллигенции
- Вопросы языкознания
- Учебник политэкономии

        - Октябрьский пленум
        - Расширенный президиум ЦК
    - Часть 8
        - Заключение консилиума
        - Обращение ЦК КПСС по поводу смерти И. В. Сталина
        - Причина смерти Сталина
    - Часть 9
        - Энциклопедические познания
        - Человек мысли
        - Простота
        - Магическая сила вождя
        - Лишних слов не любил
        - Слово Сталина
        - Стиль работы
        - Собранность и четкость
        - Подбор и расстановка кадров
        - Скромность
        - Нельзя же так
        - Вредная теория
        - Не занимайтесь эсеровщиной
        - Культ личности
        - Густо подчерненная правда
    - Послесловие
    - Библиография
- notes
    - 1

Владимир Суходеев
Легенды и мифы о Сталине

Посвящаю любимому внуку — милому тезке
Владимиру Васильевичу Суходееву

Предисловие

Клятву хранить и выполнять заветы Ленина от имени партии дал Сталин на II Всесоюзном съезде Советов после смерти 21 января 1924 года Владимира Ильича Ленина — основателя и вождя большевистской партии. Именно Сталин продолжил дело Ленина, творчески развил марксистско-ленинское учение. На продолжение дела Ленина, на строительство социализма оказались не способны ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Каменев, ни Бухарин, хотя они были близки к Ленину, на каких-то этапах революции и борьбы за Советскую власть даже поддерживали его, правда, не были последовательны, допускали нерешительность и колебания, то совершали левацкие заскоки, то, напротив, становились откровенными ренегатами.

Уже при жизни Ленина, особенно когда стало ясно, что Ленин не сможет из-за болезни вернуться к активной политической жизни, руководству партией и страной, Троцкий, Зиновьев и Каменев развернули ожесточенную борьбу против Сталина. При этом коварство и изуверство этой борьбы проявлялись в том, что против последовательного и твердого ленинца Сталина было использовано имя Ленина, конкретно — его так называемое «Завещание». На самом деле письма и диктовки Владимира Ильича носили характер сугубо внутриорганизационных советов и предназначались исключительно для делегатов партийного съезда, но никак не для печати. Нарушив фактическую волю Ленина и тем самым интересы созданной им партии, Троцкий, Зиновьев и Каменев к тому же извратили содержание ленинских документов. Ленин писал о возможном перемещении Сталина с поста Генерального секретаря, они же добивались устранения члена Политбюро ЦК, члена Оргбюро ЦК, члена Центрального Комитета Сталина. В то же время скрывали оценку Лениным «небольшевизма» Троцкого, «октябрьского эпизода» Зиновьева и Каменева, непонимания диалектики Бухариным, администраторства Пятакова.

Ленин называл Сталина «вернейшим и деятельнейшим революционером», высоко отзывался о его организаторском таланте и марксистской подготовленности; это наше счастье, что, два десятилетия шедший рядом с Лениным, его друг и соратник Сталин стал вождем ленинской большевистской партии, повел страну по ленинскому пути. Тогда как троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, встав на путь борьбы с партией большевиков-коммунистов, потерпели полное морально-политическое поражение.

История, как известно, если и повторяется, то уже как фарс. Таким фарсом, отрыжкой троцкистского прошлого стала атака на мертвого Сталина со стороны Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева. Он при жизни Сталина льстил ему. В 1939 году, в 60-летний юбилей Сталина, член Политбюро ЦК ВКП(б) Хрущев говорил: «Трудящиеся всего мира будут писать и говорить о нем с любовью и благодарностью. Враги трудящихся будут писать и говорить о нем со злобной пеной у рта». За пять месяцев до XX съезда Хрущев в варианте Отчетного доклада ЦК КПСС утверждал, что Ленин и Сталин «обеспечили нам победу, что Сталин — великий продолжатель дела Ленина». Но в «Секретном докладе» на XX съезде КПСС Хрущев политическое рассмотрение значения деятельности Сталина подменил грубой ложью о нем и личной неприязнью.

Стремление устранить Сталина из истории и народной памяти проявилось в трех конкретных акциях Хрущева:

— в феврале 1956 года на закрытом заседании XX партийного съезда представил Сталина убийцей партийно-государственных деятелей, ответственным за провалы в социалистическом строительстве и виновным в военных поражениях в первые месяцы Отечественной войны;

— приказал убрать имя Сталина из названий областей и городов, предприятий и институтов; отчитывал крупных военачальников за признание ими Сталина полководцем Великой Отечественной войны; запретил издание произведений Сталина и книг о нем;

— в октябре 1961 года по его указанию было сфабриковано постановление XXII съезда КПСС о выносе тела И. В. Сталина из Мавзолея В. И. Ленина, и под покровом ночи оно было тайком захоронено у Кремлевской стены.

А самое главное — Хрущев насаждал волюнтаризм в решении жизненно важных внутриполитических и международных проблем, что на практике приводило к отступлению от принципов, заложенных Лениным и продолженных Сталиным.

Следующий Первый, Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев формировался как крупный руководитель партии при Сталине. Именно Сталин ввел его в 1952 году в числе молодых партийных и государственных работников кандидатом в члены расширенного состава Президиума ЦК КПСС, членом Секретариата ЦК КПСС. Брежнев свои статьи и речи выпустил в нескольких томах под общим названием «Ленинским курсом». Но за 1964–1982 годы так и не определил своего отношения к наследству Сталина, не отказался от хрущевских измышлений о нем. Брежнев ограничился упоминанием Сталина по случаю 20-

летия Победы как полководца Великой Отечественной войны, а в связи с 50-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции отметил «временные неудачи и ошибки» в сталинский период.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев уже вовсе не имел ни марксистской, ни партийной закалки. А призывы «перестройка», «больше социализма» и другие использовал для маскировки личных амбициозных планов, для затаенного развала КПСС и преступного разрушения социалистического Советского Союза и социалистического лагеря, для него марксист и политик Сталин был и враждебен, и в не меньшей мере опасен. Любое упоминание о Сталине разоблачало внешне благородные горбачевские лозунги и вскрывало пагубный характер горбачевских практических действий.

Получается, что Коммунистическая партия застряла на определении «культ личности» Сталина, которым не исчерпывается марксистский анализ более чем полувековой революционно-созидательной деятельности Сталина, его теоретических взглядов. Всесторонняя и глубокая оценка Сталина важна еще и потому, что без этого нельзя получить верного представления о Коммунистической партии, Советском Союзе и его народе, истории строительства социализма.

Вакуум же заполняют всякие домыслы про Джугашвили-Сталина. И от рождения он со сросшимися пальцами на ноге. И не революционер-подпольщик, а провокатор царской охранки. И что в «Завещании» Ленин предлагал «убрать» Сталина. И что Сталин сначала убил свою жену — Надежду Аллилуеву, а через пять лет жену Ленина — Надежду Крупскую. И что убил конкурента Кирова, хотя и называл братом. И унизил полководцев Жукова и Рокоссовского, приписав себе победу в Великой Отечественной войне. И напутал в теории, навязывал свои вкусы в литературе и музыке. И все эти грязные домыслы ради того, чтобы представить Сталина наиболее жестоким диктатором XX века, утвердившим тоталитарную систему в нашей стране.

Так Сталина рисовали и продолжают разрисовывать не недоучки-школяры, а лица, выдающие себя за серьезных политиков, крупных ученых и известных писателей. И весь этот бред разных Яковлевых, исказителя Радзинского и приснопамятного Волкогонова внедряется электронными и печатными средствами информации, навязывается массовыми тиражами лживых книг. Этому мутному потоку все нет никаких ощутимых преград.

Надо признать, что давним и особенно нынешним противникам Сталина, а вместе с тем и противникам Ленина, ибо

Ленина и Сталина, Сталина и Ленина нельзя разрывать, тем более — противопоставлять, так вот этим противникам удалось, и не без успеха, внедрить в массовое сознание образ Сталина не просто как жестокого человека, но руководителя-тирана, безжалостно убирающего всех несогласных или просто-напросто не понравившихся ему людей. И эта ложь усиленно все время раскручивается.

Такой образ Сталина как человека и государственного деятеля, в принципе столь же искажающий, как и чрезмерные славословия его при жизни, названные впоследствии культом личности, который, кстати сказать, пресекал сам Сталин, будучи в жизни человеком скромным и просто порядочным. Что касается жестокости, то революции, войны, тем более такая, как Великая Отечественная война, не обходились без жестокости. Был жесток и Ленин, был жесток и Сталин, был жесток и Жуков, были жестоки и такие тактичные маршалы, как Шапошников и Василевский. Советская власть столкнулась с таким классовым сопротивлением и таким сильным внешним врагом, что без жестокой, бескомпромиссной борьбы нельзя было обойтись, нельзя было одержать победу. Если быть честным и объективным, то невозможно не видеть, что тогда борьба велась не ради борьбы, не в силу драчливости коммунистов, а борьба шла ради победы социалистической революции, ради утверждения социализма в Советском Союзе. Старая истина — крепости легче всего берутся изнутри. Процессы 1937–1938 годов в Москве, при признании допущенных перегибов, сорвали расчеты гитлеровской Германии на наличие «пятой колонны» в СССР, что им удавалось насадить в покоренных странах Западной Европы.

Сегодня власть имущие радуются, что Россию пристегнули восьмой к «семерке» капиталистических государств, всегда агрессивно настроенных против нашей страны, и когда мы были царской Россией, и когда мы были социалистическим Советским Союзом, и теперь, когда мы стали урезанной Россией, обкрадываемой Россией. Сегодня власть имущие радуются, что Россию пристегнули двадцатой к агрессивному военно-политическому Североатлантическому альянсу, не скрывающему своих планов продвижения на Восток и грозящему расправиться с нами в случае непокорства американской гегемонии. А при уничтожаемом ими Сталине присоединиться к Сталину — борцу против фашизма, борцу за мир — считали за честь и Черчилль, и Рузвельт, и де Голль, и другие капитаны буржуазного мира. И как восторгались мощью руководимой Сталиным Советской страны и боеспособностью и героизмом Советской Армии!

При рассмотрении жизни и деятельности Сталина предстает

грандиозная панорама эпохи, охватывающей конец XIX века, весь бурный XX век с его великими событиями — социалистической революцией 1917 года в России и разгромом Советским Союзом при содействии англо-американских союзников гитлеровской Германии, стремившейся установить мировое господство и ввергнуть мир в рабство и бескультурье, начало нового, XXI столетия, нового, третьего тысячелетия; эпохи, раскрывающей роль России, оказывающей в силу своего евразийского положения огромное воздействие на все мировые процессы, России, явившей новый вид цивилизации — советской цивилизации; эпохи, испытавшей революционно преобразующую деятельность одного из величайших исторических деятелей человечества — Сталина.

Такова была обстановка в стране и мире в эпоху Сталина, и таковы были императивы его действий. Как никто другой из современных ему политиков и из политиков нынешних, Сталин понимал ход всемирной истории, понимал и то, что может и должен сделать именно он, Сталин. А как раз этого-то обстоятельства не могут, точнее — не хотят понять и признать его многочисленные враги и ниспровергатели. Больше того, эти хитрецы сосредоточивают, зачастую довольно умело, весь огонь именно на Сталине, бессовестно извращая его дела, чтобы таким способом увести людей от главного — понимания того, почему же им так ненавистен Сталин — Сталин-революционер, Сталин — марксист-ленинец, Сталин-политик, Сталин — государственный деятель, Сталин-полководец, Сталин — борец за мир и демократию.

Теперь, когда разрушена КПСС — великая направляющая и руководящая сила советского общества, когда развален могучий Союз ССР, а в возникших юридически независимых Российской Федерации и других государствах — членах Содружества Независимых Государств происходит падение промышленного и сельскохозяйственного производства, власть оторвана от народа, народ не доверяет власти, господствует политический и идейный разброд, когда так зыбко и раздираемо национальными противоречиями все постсоветское пространство, когда прежде сильная и самостоятельная Россия все больше втягивается в орбиту стремящихся и уже во многом достигающих мирового господства США, теперь, когда, вступив в двадцать первое столетие, наш народ не видит перспектив своего будущего, — только теперь все яснее становится, за что боролись и что утверждали Ленин со Сталиным, а после смерти Ленина возглавляемое Сталиным руководящее ядро партии коммунистов, только теперь начинаем понимать, каких высот добилась страна за годы Советской власти и в какую пропасть бросили

прокапиталистическую Россию.

А нынешние цивилизованные на западный манер руководители сдают одну позицию за другой, не видя будущих тяжелых последствий для России и населяющих ее народов.

Сегодня в разных уголках страны немало людей говорят: «Родной Сталин! Встань, наведи порядок во власти и в стране, образумь нынешних правителей!» Вот она, народная оценка Сталину. А глас народа — глас божий!

Ушедшие из жизни исторические личности не имеют возможности ответить своим оппонентам и злобствующим критикам. Но время истории — самый беспристрастный и правдивый судья уже далеких событий и их творцов. Устоявшиеся оценки и дают в конечном итоге понимание подлинного значения деятельности и значимости исторической личности, политика, мыслителя.

Сегодня нужна книга о Сталине — книга, обстоятельно раскрывающая смысл его жизни, его подвижнической деятельности и, без преувеличения, его подвига во имя утверждения социальной справедливости, высоких духовно-нравственных начал. К Сталину в полной мере применимы проникновенные слова Энгельса, сказанные о себе и своем великом друге Марксе: «Мы прожили не напрасно и можем с гордостью и удовлетворением оглянуться на свои дела».

Сталин не просто принадлежит истории. При всей трансформации нашего общества все совершенное при нем и под его руководством давно стало и является ныне неотъемлемой частью нашей жизни. Сталин учит нас любви и преданности великим идеалам человечества — миру и труду, братству и свободе. Сталин учит нас патриотическому долгу и защите чести и независимости нашей Родины. Сталин учит нас быть людьми высокообразованными и духовно богатыми.

Благодарю друзей — ученых, политиков и ветеранов Великой Отечественной войны, — разделивших замысел этой книги, прочитавших некоторые ее части и высказавших полезные советы и пожелания. Признателен жене Валентине Павловне за подсказ сюжетов и помощь в подготовке рукописи к печати.

Документы и материалы, выдержки из работ и выступлений Сталина даются постольку, поскольку это позволяет реализовать замысел данной книги. Заглавия по большей части принадлежат мне.

Владимир Суходеев

Часть 1
Биография Сталина, его семья

Тайна рождения И. В. Сталина

О рождении И. В. Сталина сложено немало легенд.

В книге «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», лично им просмотренной и частично отредактированной, изданной в 1947 году, написано:

«Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович родился 21 декабря 1879 года в городе Гори, Тифлисской губернии. Отец его — Виссарион Иванович, по национальности грузин, происходил из крестьян села Диди-Лило, Тифлисской губернии, по профессии сапожник, впоследствии рабочий обувной фабрики Адельханова в Тифлисе. Мать Екатерина Георгиевна — из семьи крепостного крестьянина Геладзе села Гамбареули».

Сведения об отце Сталина Виссарионе (Бесо) Джугашвили теряются где-то около 1890 года, к тому же достаточно противоречивы: то он владелец сапожной мастерской, то был неисправимым пьяницей, то погиб в пьяной драке. Это породило разные легенды о рождении И. В. Сталина.

Рассказывают, будто грузинскому меньшевику Нестору Менабде во время красноярской ссылки сам Иосиф Виссарионович Джугашвили назвал имя своего настоящего отца — Якова Егнаташвили. Был он купцом 2-й гильдии. Жил в Гори. Нанял прачкой юную Екатерину (Кэто) Геладзе из села Гамбареули. Чтобы покрыть свой грех, Егнаташвили выдал Екатерину замуж за бедного сапожника Виссариона Джугашвили, а дабы тот не артачился, купил для него сапожную мастерскую. И не мать, а Егнаташвили, как глубоко религиозный человек, определил Иосифа в православное духовное училище, потом в семинарию. В подтверждение этой легенды приводится сомнительный факт, якобы в советское время И. В. Сталин благосклонно относился к родным сыновьям Егнаташвили — членам Верховного Совета Грузинской ССР.

Есть версия, что вообще не известно, кто был отцом Иосифа Джугашвили. А основывается эта версия на том, что у двадцатилетней Екатерины Георгиевны был Иосиф, по одним сведениям, третьим ребенком, а по другим — четвертым. Грузинки замуж выходят рано — лет в семнадцать. Виссарион Джугашвили все пропивал, Екатерине приходилось прислуживать в разных богатых семьях — печь хлеб, стирать белье, убирать помещение. И на этом бесцеремонные авторы строят гнусные спекуляции. А ведь в грузинских селениях семейная честь почиталась раньше да и теперь почитается превыше всего.

Время от времени вспоминается парадоксальная легенда,

основанная на фантастическом сходстве И. В. Сталина и выдающегося ученого и путешественника Н. М. Пржевальского. Сходство действительно потрясающее. Между прочим, после XX партсъезда местные руководители подчас приводили командировочных в городской парк, к памятнику Пржевальскому, и не менее редко слышали восклицание: «Как, у вас сохранился памятник Сталину?! Ну, смельчаки!»

Однако, кроме внешнего сходства, данных никаких нет. Утверждают, что после изнурительной и опасной Тибетской экспедиции Н. М. Пржевальский то ли отдыхал, то ли лечился в Гори. По времени такое могло быть. Даже если он и находился в городе, это еще не доказательство отцовства. Правда, в доказательство приводят якобы поступавшие от ученого и путешественника деньги на обучение семинариста Иосифа Джугашвили. Но и здесь никаких документальных подтверждений нет. К тому же другие авторы также пишут о каких-то деньгах, но поступавших уже от Егнаташвили или кого-то из состоятельных людей. Версию о Пржевальском раскручивают даже до того, что утверждают: отцом Николая Михайловича был великий князь, и, следовательно, Иосиф Виссарионович имеет-де царское происхождение.

Всем таким легендам — грош цена. И кто бы их ни выдумывал, и сколько бы их ни измышлялось — они не смогут заслонить рождения великого сына Родины и человечества — Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили).

Дата рождения И. В. Сталина

В энциклопедиях, изданных биографиях, официальных документах значится, что Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) родился 21 декабря 1879 года (9 декабря 1879 года старого стиля), и при его жизни и ныне этот день отмечается как знаменательная дата.

Однако в первой части метрической книги Горийской Успенской церкви отмечено, что в 1878 году, 6 декабря, у жителей Гори православных крестьян Виссариона Ивановича и его законной жены Гавриловны (так в документе. — *Авт.)* Джугашвили родился сын Иосиф. 17 декабря того же года он был крещен в церкви протоиереем Хахановым и причетником Квиникадзе. Эта же дата имеется и в документах Горийского духовного училища, которое Иосиф Джугашвили окончил с отличием в июне 1894 года. Мать Сталина — Екатерина Георгиевна (во всех материалах и воспоминаниях о И. В. Сталине. — *Авт.)* не называла точного дня и года рождения Иосифа Виссарионовича.

В досье царской жандармерии, департаменте полиции, которые вели тщательную слежку за «неблагонадежными» гражданами, революционерами, по поводу даты рождения И. В. Джугашвили (с 1912 года — Сталина) имеются расхождения.

В декабре 1920 года И. В. Сталин собственноручно заполнил анкету для шведской «Ежедневной Народной Политической Газеты», издававшейся в Стокгольме. Дату рождения он указал— 1878 год.

С 1921 года в анкетах к партийным съездам и конференциям, других материалах дата рождения только 1879 год. Дело в том, что такие анкеты составлялись помощниками Сталина или регистраторами совещаний. На этих документах иногда ставилось факсимиле подписи Сталина.

С середины 20-х годов из биографических документов И. В. Сталина окончательно исчезает 1878 год и официальной датой его рождения утверждается 1879 год. «Эта дата, — отмечают «Известия ЦК КПСС», — фигурирует во всех издававшихся в 20-е и последующие годы энциклопедиях и биографических справочниках о партийных и советских руководителях. К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют с достоверностью утверждать, сознательно ли И. В. Сталин изменил дату своего рождения, и если да, то с какой целью, возможно, ответы на эти вопросы будут найдены позднее (если такие ответы вообще существуют)».

Известия ЦК КПСС. 1990. № 11.

Особая мета

Желая представить Сталина деспотом либо злодеем, говорят, что бог отметил его то ли сросшимися двумя пальцами на ноге, то ли отсутствием одного пальца на ноге.

Царская полиция особо тщательно составляла неповторимые приметы неблагонадежных, подпольщиков-революционеров. Ни в одном из документов царской полиции упоминаний об этом не обнаружено, хотя «Описание примет» требовало внесения сведений об особенностях формы ног, размере обуви, походке и др. Телохранитель И. В. Сталина, долгие годы проработавший с ним, А. Т. Рыбин в своих записках пишет, что ему и другим охранникам приходилось купаться вместе с И. В. Сталиным в озере Рида и лежать на прибрежном песке, но никто из них ничего ненормального с пальцами ног не видел.

Семинарист Иосиф Джугашвили

В семинарии постоянно возникали конфликты между преподавателями и учащимися из-за того, что многие книги, которые приносили семинаристы, считались запрещенными. Этих конфликтов не избежал и Иосиф Джугашвили, поскольку много читал, регулярно посещал городскую библиотеку. Начиная с 1896 года он получал за чтение книг то выговор, то наказание продолжительным карцером. С ноября 1896 года по март 1897 года Джугашвили, рапортовал помощник инспектора семинарии, «в чтении книг из «Дешевой библиотеки» замечается уже в тринадцатый раз».

Уже в то время Иосиф Джугашвили читал произведения Щедрина, Гоголя, Чехова, любил Толстого. Был знаком с творениями Теккерея, Гюго, Бальзака. Наряду с художественной литературой читал научные книги, например, «Сущность христианства» Фейербаха, «Историю цивилизации в Англии» Бокля, «Этику» Спинозы, «Основы химии» Менделеева. Познакомился с «Капиталом» Маркса. А под влиянием труда Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» стал атеистом.

Упрямый по характеру Иосиф Джугашвили часто спорил с товарищами по семинарии о художественных произведениях, по общественным и научным проблемам. В дискуссиях отстаивал свою точку зрения. Возненавидел социальное неравенство: сверстники из богатых семей имели большие возможности для образования.

По настоянию двух своих знакомых, Саши Цулукидзе и Ладо Кецховели, Иосиф Джугашвили начинает систематически читать социалистическую марксистскую литературу. В 1897 году он становится членом тайного марксистского кружка, действовавшего в духовной семинарии. В 1898 году Джугашвили вступает в грузинскую социал-демократическую организацию «Месами-даси». Тогда же начинает руководить рабочим марксистским кружком в Главных тифлисских железнодорожных мастерских. Вспоминая рабочих железнодорожных мастерских, Сталин в 1926 году писал, что здесь «получил первые уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молодым человеком. Может быть, я был тогда немного больше начитан, чем многие из этих товарищей, но как практический работник я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение… моими первыми учителями

были тифлисские рабочие».

Весной 1899 года молодой Джугашвили все чаще и чаще вступал в конфликты с дирекцией семинарии. И после нескольких замечаний его исключили из семинарии.

Сквозь строй

За революционную пропаганду и организацию стачек рабочих нефтяной промышленности Кобу-Джугашвили в 1908 году арестовали и посадили в Баиловскую тюрьму (Баку). Политические арестованные выступили с протестом против невыносимых условий заключения. Их решили пропустить сквозь строй тридцати двух солдат, каждый из которых должен нанести арестованному удар шомполом. Коба шел не сгибаясь, с раскрытой книгой в руках.

В ссылке

В письме от 22 марта 1914 года к Л. И. Бессер «из заполярных краев» Яков Свердлов так описывает обстановку в Курейке: «Устроился я на новом месте значительно хуже. Одно то уже, что я живу не один в комнате. Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с кот[орым] мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда. Но это не так важно. Гораздо хуже то, что нет изоляции от хозяев. Комната примыкает к хозяйской и не имеет отдельного хода. У хозяев — ребята. Естественно, торчат часами у нас. Иногда мешают».

Екатерина Семеновна Джугашвили

В родном селе отца Диди-Дило жила красавица Екатерина Сванидзе. Иосиф Джугашвили влюбился в нее, как говорится, без памяти. В июне 1906 года они поженились. Екатерина Георгиевна настояла, чтобы их брак был церковным. Венчал их одноклассник Джугашвили по семинарии. Мать полюбила добрую и работящую супругу сына, радовалась, что и он к ней относится с нежностью и заботливостью. В 1907 году у них родился сын Яков.

Екатерина разделяла революционные настроения мужа. Распространяла ленинскую газету «Искра». Хотя недруги Сталина пишут, что она была просто портнихой, не понимавшей мужа.

Маленький Яков был для Екатерины (Кэто) все, а Иосиф «как полубог»: романтически воспринимала его деятельность революционера-подпольщика. Счастливы они были менее двух лет. Екатерина Семеновна Джугашвили скончалась от воспаления легких (есть утверждения, что от тифа). Смерть молодой любящей жены потрясла Иосифа Виссарионовича. Двухлетнего Яшу отдали на воспитание близкой родственнице — А. С. Сванидзе. Семь арестов, пять побегов из тюрем, ссылок, разумеется, разлучали Сталина с Яковом.

Яков Иосифович Джугашвили

До четырнадцати лет Яков воспитывался в семье родной тети А. С. Сванидзе. В 1921 году Якова привезли в Москву. У Иосифа Виссарионовича была новая семья, родился сын Василий. Надежда Сергеевна тепло приняла старшего сына мужа. Отец был более чем суров, а узнав, что тот тайно покуривает, лупил его. Первое время Якову трудно давалась учеба в русской школе — плохо понимал по-русски. Но он был усидчив и трудолюбив. Окончив среднюю школу, без посторонней помощи успешно сдал экзамены в МИИТ. И лишь тогда, когда Сталин поинтересовался, правда ли, что Яков Джугашвили зачислен в институт, ректор узнал, чей это сын. В институте Якова любили за простоту и справедливость. Он проявил себя способным шахматистом, активным общественником.

Едва Якову исполнилось девятнадцать лет, он решил жениться. Родные убеждали, что семью заводить надо после окончания института, крепко встав на ноги. Сталин не одобрил и его выбор невесты. В знак протеста Яков пытался застрелиться, хотя тяжело ранил себя, но остался жив, долго лечился. Яков увлекся балериной Юлией Мельцер, намного старше его и уже бывавшей замужем. Сталин отнесся к этому спокойно. Сказал: «Мужчина любит ту женщину, которую любит. Да и вспомните, что уже было».

22 июня 1941 года Сталин напутствовал Якова: «Иди и сражайся!» В конце июня артиллерийский полк, в котором старший лейтенант Я. Джугашвили командовал батареей, был отправлен на фронт. 4 июля батарея попала в окружение. В бою под Витебском 16 июля после тяжелой контузии Яков Иосифович Джугашвили был пленен фашистами. Своего настоящего имени он не открывал, но кем-то был выдан. Геббельсовская пропаганда пыталась использовать факт нахождения в плену сына И. В. Сталина для разложения Красной Армии. На наши передовые позиции уже в августе немецкие самолеты тысячами сбрасывали листовки-пропуска с фотографией Я. И. Джугашвили и призывом к красноармейцам добровольно сдаваться в плен. Но эта фашистская затея провалилась.

Одновременно следует сказать, что неверны утверждения иных сегодняшних авторов, будто за чтение немецких листовок-пропусков подвергали суровым наказаниям, арестовывали и проч. Все дело в том, что мы, красноармейцы, рвали и сжигали их и тогда думали не о сдаче в плен, а о разгроме фашистских агрессоров.

Я. И. Джугашвили на допросах вел себя мужественно, держался с достоинством советского офицера. Он наотрез отказался написать отцу и жене. Яков Джугашвили убежденно заявлял, что не верит в падение Москвы, что фашистам никогда не победить Советский Союз.

По одним сведениям, из сообщений фашистского радио, по другим — от Вильгельма Пика И. В. Сталин узнал, что его старший сын Яков попал в плен. Известно, что у Сталина были свои тайные каналы, по которым он получал любую информацию.

Как-то маршал Г. К. Жуков спросил у И. В. Сталина, есть ли у него сведения о судьбе Якова. «На этот вопрос он ответил не сразу, — вспоминал Георгий Константинович. — Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом: «Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине». Помолчав с минуту, твердо добавил: «Нет. Яков предпочтет любую смерть измене Родине».

В. Ф. Аллилуев в книге «Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин» пишет: «Как известно, Сталин отверг предложение нацистов обменять сына на Паулюса. Председателю шведского Красного Креста графу Бернадотту он ответил лаконично: «Я солдат на фельдмаршала не меняю». Думаю, эта фраза стоила ему глубокой зарубки на сердце. Такие раны не заживают». «Отец, — вспоминала Светлана Аллилуева, — вдруг сказал во время одной из встреч: «Немцы предлагают обменять Яшу на кого-нибудь из своих. Стану я с ними торговаться! Нет, на войне — как на войне». В. М. Молотов говорил: «Сталин не стал его выручать, сказал: «Там все мои сыны».

Не поменял, чтобы народ, армия видели: как сыновья других отцов и матерей, так и его сын погибает в борьбе с фашистами. Не поменял, чтобы не разрушить веру народа в Сталина.

А насчет обмена немецких генералов Сталин высказался кратко:

— Пусть за всех своих генералов Гитлер отдаст нам одного человека — Эрнста Тельмана!

Яков Иосифович Джугашвили мужественно перенес все ужасы многочисленных гитлеровских концлагерей — Хаммельбурга, Любека, Заксенхаузена. Ни психологические обработки и жестокие допросы, ни льстивые обещания фашистов не сломили его. Бывшие узники концлагерей в один голос говорят о достойном поведении Я. И. Джугашвили в немецком плену, что он, как мог, оказывал сопротивление фашистам, всякий раз выступал в защиту своей страны и был твердо убежден, что

русские победят в войне. Я. И. Джугашвили погиб мученической смертью 14 апреля 1943 года.

От старшего лейтенанта артиллерии Якова Иосифовича Джугашвили на Родину дошла лишь одна весточка: «Если не придется увидеть уже своей Родины, прошу заявить моему отцу Иосифу Виссарионовичу Сталину, что я никогда его не предавал, а то, что сфабриковала гитлеровская пропаганда, является явной ложью. *Яков Джугашвили*».

В 1977 году по ходатайству многих лиц Яков Иосифович Джугашвили был награжден орденом Отечественной войны 1 степени (посмертно). Орден передан на хранение его дочери Галине Яковлевне Джугашвили.

Надежда Сергеевна Аллилуева-Сталина

Случай этот произошел в 1903 году. Играя на набережной в Баку, двухлетняя Наденька вдруг упала в море. Мать страшно растерялась. Ее собеседник, не раздумывая, бросился в волны. Быстро подхватил тонущую девочку и вынес ее на берег. Мать была полна благодарности спасителю. Им был… Иосиф Джугашвили. И повзрослев, Надежда никогда не забывала, кому она обязана жизнью.

Февральская революция 1917 года освободила немало революционеров. Из далекой Курейки, что почти у самого Полярного круга, в Петроград вернулся И. В. Сталин. Он сразу же направился к Сергею Яковлевичу Аллилуеву. Его семья жила в четырехкомнатной квартире, имела дачу. Шестнадцатилетняя Надя училась в гимназии. Брала уроки музыки, много читала, особенно русских писателей.

Летом Надю с сестрой и братом, как всегда, отправили на дачу. Ее комнату занял В. И. Ленин, скрывавшийся от Временного правительства. Здесь Владимир Ильич провел совещание с участием Ногина, Орджоникидзе, Сталина и других своих соратников. Обсуждался вопрос — надо ли Ленину по требованию властей отдать себя в руки буржуазного правосудия. Сталин высказался категорически:

— Товарищу Ленину надо скрыться. Юнкера не доведут его до тюрьмы. Убьют по дороге.

Со Сталиным согласились. И на него была возложена задача — проводить Ленина, переодетого и загримированного, на вокзал и посадить в поезд, идущий в Сестрорецк.

Надежда Аллилуева приветствовала «выступление большевиков» — Великую Октябрьскую социалистическую революцию. В 1918 году она вступила в партию большевиков. Начала работать с Лениным: секретарем-машинисткой в Управлении делами Совнаркома в Москве.

Ленин направил Сталина в Царицын чрезвычайным уполномоченным по продовольственному снабжению Восточного фронта. В составе секретариата Сталина Надежда Аллилуева вместе с отцом сопровождает его в Царицын. И хотя Иосиф Виссарионович был на двадцать с лишним лет старше Надежды, они полюбили друг друга. 24 марта 1919 года был зарегистрирован их брак. Но до сих пор вокруг их свадьбы гуляют разные сплетни, вплоть до самых грязных.

У Сталиных в конце февраля 1921 года родился сын Василий. По указанию Ленина молодым предоставили квартиру в Кремле.

К ним переехал Яков, которого тепло приняла Надежда Сергеевна. В 1926 году родилась Светлана. «Моему брату и мне, — писала Светлана в книге «Двадцать писем к другу», — посчастливилось, мама добывала откуда-то замечательных воспитательниц… Вся эта образовательная машина крутилась, запущенная маминой рукой. Мамы же никогда не было дома возле нас. В те времена женщине, да еще партийной, вообще неприлично было проводить время около детей…» Сталин иногда за это укорял жену.

После смерти Ленина Надежда Сергеевна стала работать в редакции журнала «Революция и культура», который издавался при газете «Правда». Оттуда партией была откомандирована на учебу в Промышленную академию. Она много занималась. Слушателями Промакадемии были партийные и хозяйственные работники, прибывшие из разных концов страны. Среди тех, кому она помогала преодолевать малограмотность, был Н. С. Хрущев — секретарь партячейки академии.

Праздновалась 15-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. 7 ноября, по сложившейся традиции, состоялись парад военных, демонстрация трудящихся. На трибуне Мавзолея Ленина — руководители партии и правительства. Сталин, как обычно, в солдатской шинели.

На гостевых трибунах около Мавзолея — передовики производства, деятели культуры, приглашенные. Надежда Сергеевна Аллилуева стояла рядом с Н. С. Хрущевым. Было холодно. Разговаривая, она посматривала на Сталина. Увидела, что крючки шинели расстегнулись, полы распахнулись, и сказала:

— Вот мой не взял шарф, простудится и опять болеть будет.

Вышло, вспоминал Хрущев, очень по-домашнему и никак не вязалось с представлением о Сталине, о вожде, уже вросшем в наше сознание. Хрущев часто приподнимал Светлану, чтобы она могла лучше рассмотреть все происходящее на Красной площади.

В ночь на 8 ноября в большой кремлевской квартире Ворошиловых продолжалось празднование Октябрьской годовщины. Надежда Сергеевна вернулась к себе в комнату раньше Иосифа Виссарионовича. Теперь трудно сказать, что она делала в последние минуты своей жизни. Одни утверждают, что писала предсмертную записку, другие не менее основательно это оспаривают, поскольку такой записки не найдено. Выстрела из маленького пистолета «вальтер» никто не слышал. Надежду Сергеевну, лежащую в крови возле своей кровати, обнаружила вошедшая няня Светланы. Теряясь, не зная, что делать, женщина побежала звонить начальнику охраны, жене Молотова Полине Семеновне, близкой подруге Надежды Сергеевны. Вскоре

прибежали В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов. Иосиф Виссарионович спал в своей маленькой комнатке, где был телефон. Когда Сталин проснулся, потрясенные присутствующие только и могли сказать:

— Иосиф, Нади больше нет с нами.

Ходит много слухов и сплетен об обстоятельствах и причинах самоубийства Н. С. Аллилуевой. Пересказывать их — дело весьма неблагодарное, да и ни к чему. Но об одном вымысле сказать надо. Это будто Надежду Сергеевну убил Сталин. Такой черный навет отвергал даже Н. С. Хрущев. Подобную злобную ложь отвергает и С. И. Аллилуева, ссылаясь на исповедальный рассказ своей няни о том страшном дне, а няне, подчеркнула она, «я верю больше, чем кому-либо другому». «Отец, — пишет С. И. Аллилуева, — был потрясен, потому что не понимал: за что? почему ему нанесли такой ужасный удар в спину?»

И. В. Сталин вместе с родственниками, товарищами по партии и близкими друзьями был на гражданской панихиде. Перед закрытием гроба попросил подождать и не закрывать крышку. Иосиф Виссарионович приподнял голову Надежды Сергеевны из гроба и стал целовать. Он шел рядом с гробом к Новодевичьему кладбищу. Когда опускали гроб в могилу, по русскому обычаю бросил горсть земли.

После похорон жены Сталин попросил Бухарина поменяться с ним квартирой. Он не мог оставаться жить там, где все ему напоминало о Надежде Сергеевне. Просьбу его Бухарин выполнил. Вскоре началось строительство дачи в районе Кунцево, больше известной как Ближняя дача, или Волынское.

Василий Иосифович Сталин (Джугашвили)

Детские годы Василия — родился он в 1921 году — прошли на даче родителей в Зубалово. Учиться начал в московской опытно-показательной школе. К занятиям относился легкомысленно. Любил спорт, мечтал стать кавалеристом, как Семен Михайлович Буденный. Был одним из трудных учеников, дерзил учителям. В одиннадцать лет остался без матери. Причинял Сталину немало огорчений. И. В. Сталин писал в июне 1938 года учителю Василия Б. В. Мартышину:

> «Ваше письмо о художествах Василия Сталина получил. Спасибо за письмо.
>
> Отвечаю с большим опозданием ввиду перегруженности работой. Прошу извинения. Василий — избалованный юноша средних способностей, дикаренок (тип скифа!), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких «руководителей», нередко нахал, со слабой, или — вернее — неорганизованной волей.
>
> Его избаловали всякие «кумы» и «кумушки», то и дело подчеркивающие, что он «сын Сталина».
>
> Я рад, что в Вашем лице нашелся хоть один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят директора вроде упомянутого Вами, люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуску капризному барчуку.
>
> Мой совет: требовать построже от Василия и не бояться фальшивых, шантажистских угроз капризника насчет «самоубийства». Будете иметь в этом мою поддержку.
>
> К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за шиворот.
>
> Привет!
>
> *И. Сталин».*

Василия потрясла гибель кумира того времени Валерия Чкалова. После окончания девятого класса Василий вместе со

своими одноклассниками поступил в Качинскую военную школу летчиков. В июне 1941 года он был назначен на должность инспектора-летчика Военно-Воздушных Сил.

Летчик Василий Сталин храбро сражался с гитлеровскими асами под Сталинградом, на других фронтах. Однако обстановка лести и попустительства вышестоящего начальства избаловала его. Он начал увлекаться застольями, рукоприкладством к подчиненным, грубо относиться к отдельным офицерам. Узнав от Берии о пьяных выходках Василия, Сталин немедля продиктовал приказ:

> «Командующему ВВС Красной Армии Маршалу авиации тов. Новикову.
>
> Приказываю:
>
> 1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника Сталина В. И. и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.
>
> 2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.
>
> 3. Исполнение донести.
>
> *Народный комиссар обороны И. Сталин.*
>
> *26 мая 1943 г.»*

Это был суровый урок. Уже в марте 1944 года В. И. Сталина утвердили в должности командира истребительной авиационной дивизии, правда, оставив в звании полковника. В том же году дивизия полковника В. И. Сталина трижды отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего. В победном 1945 году в приказе Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина отмечалось: «…В боях за овладение Берлином отличились… летчики Главного маршала авиации Новикова, Главного маршала авиации Голованова, генерал-полковника авиации Руденко, генерал-полковника авиации Красовского, генерал-лейтенанта авиации Савицкого, генерал-лейтенанта авиации Белецкого, генерал-майора авиации Токарева, генерал-майора авиации Крупского, генерал-майора авиации Каравацкого, генерал-майора авиации Скока, генерал-майора авиации Сиднева, генерал-майора авиации Дзугова, генерал-майора авиации Комарова, полковника Сталина…» В. И. Сталин был награжден многими боевыми орденами,

медалями.

После войны полковник В. И. Сталин осваивал новые боевые самолеты, руководил летной подготовкой личного состава. В 1948 году вступил на пост командующего ВВС Московского военного округа. Он организовывал и руководил авиационными парадами. Генерал Василий Сталин много сделал для строительства спортивных сооружений, воспитания талантливых спортсменов. Однако в обстановке вседозволенности и подхалимства Василий Иосифович стал спиваться. И. В. Сталин приказал снять Василия с должности. Его зачислили слушателем авиационного факультета Военной академии.

Смерть отца тяжело переживал Василий. Его сестра Светлана пишет в «Письмах к другу»: «Василий сразу же высказал свою догадку, слух о которой прокатился по Москве, что отца «отравили», «убили». Это утверждение он повторял и позже, в самых разных компаниях. Высшее руководство, пришедшее к власти, объявило слова Василия пьяным бредом».

В. И. Сталина 28 апреля 1953 года арестовали. Предъявили обвинение, что, «являясь командующим ВВС МВО, в течение 1947–1952 годов он совершал уголовные преступления, выражавшиеся в незаконном расходовании, хищении и присвоении государственного имущества и денежных средств, склоняя к этому подчиненных ему по службе лиц. Кроме того, допускал враждебные выпады и антисоветские клеветнические измышления в отношении руководителей КПСС и Советского государства, а также высказывал намерение установить связь с иностранными корреспондентами с целью дать интервью о своем положении после кончины Сталина И. В.».

Именно многократные заявления, что отца отравили, и послужили подлинной причиной ареста Василия Иосифовича Сталина. После ареста В. И. Сталин около двух лет ждал суда, который состоялся зимой 1955 года. Его осудили на восемь лет. Он писал письма Ворошилову, Булганину, Маленкову, Хрущеву, другим высшим руководителям. Вспоминал общие встречи, клятвенно уверял, что бросит пить. Хрущев запретил Василию носить фамилию отца, предложил жить в другом городе. В места заключения к Василию Иосифовичу приезжали дети. Последние годы своей жизни он провел в Казани, где скончался 19 марта 1962 года. Светлана Аллилуева в воспоминаниях отмечала, что, хотя Василий умер в 1962 году от алкоголизма, «многие простые люди, по-своему представлявшие себе жизнь нашей семьи, не хотели этому верить. Они настаивали на своей версии: Василий уехал в Китай и командует там китайской авиацией. Моим словам не верили. Даже его детям, бывшим на его похоронах,

говорили: «Бросьте, мы все знаем. В гробу лежал кто-нибудь другой. Мы понимаем, что вы не можете сказать правду».

Родные пока безуспешно пытаются перехоронить прах Василия Иосифовича Джугашвили — сына И. В. Сталина на Новодевичьем кладбище в Москве.

Светлана Иосифовна Аллилуева (Сталина)

Сталин любил Светлану. Это свидетельствуют буквально все — Надежда Сергеевна, Яков, Василий и Артем, родные и близкие, соратники и друзья, даже недоброжелатели и явные враги. Когда Светлана была ребенком, он любил ее так, как не любил никого в жизни. Сталин сиял, стоило заговорить о Светланочке, ее манерах, проказах. Целовал, ласкал ее.

Светлана, как и Василий, будучи детьми, естественно, не знали о самоубийстве матери. Их увезли на дачу в Зубалово. В Москву привезли, чтобы они смогли проститься с матерью. Светлану испугало мертвое лицо матери. Она закричала. Ее унесли в соседнюю комнату.

Светлана уже училась в Московском государственном университете, когда Сталин заговорил с ней о матери. Было это осенью 1948 года. Она вспоминала: «Мне было не по себе; я не знала, как говорить на эту тему с отцом, — я боялась ее. Мы сидели одни, был долгий завтрак — как всегда, много фруктов, хорошее вино. «И ведь вот такой плюгавенький пистолетик! — сказал он вдруг в сердцах и показал пальцами, какой маленький был. — Ведь — просто игрушка! Это Павлуша[1] привез ей. Тоже нашел, что подарить!»

Светлане после Отечественной войны трофейный «вальтер» подарил Серго Берия — сын Л. П. Берии. Об этом узнал И. В. Сталин. Он вызвал Серго Берию. После разговора о его учебе Сталин произнес:

— Это ты Светлане револьвер подарил? А знаешь, что у нас дома с оружием было? Нет? Мать Светланы в дурном настроении с собой покончила… Ладно. Иди, но за такие вещи вообще-то надо наказывать.

Семнадцать лет было Светлане, когда началась Отечественная война и на фронт ушли ее братья — Яков, Василий и Артем. Осенью 1941 года она с няней и всей домашней свитой эвакуировалась в Куйбышев. Светлана тосковала по Москве. Училась она хорошо. Но ее угнетало привилегированное положение. Ей хотелось быть «как все», вместе с другими старшеклассниками, а не только своей «специальной» школы. Она уговорила брата Василия, который прилетел проведать жену, родившую сына, взять ее обратно в Москву.

В кремлевском кабинете Сталина было много военных. Повсюду на столах были разложены карты. Шло обсуждение обстановки на фронтах. Сталин был занят и долго не замечал Светлану. А заметив, спросил: как они устроились в Куйбышеве,

как школа? Начала рассказывать про свою «специальную» школу. «Отец, — пишет она, — вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: «Как «специальную» школу?» Я видела, что он постепенно приходит в ярость. «Ах, вы!.. — он искал слова поприличнее. — Ах, вы! Каста проклятая! Ишь правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай!» Он был в гневе, и только неотложные дела и присутствие других отвлекли его от этой темы. Он был прав», — заключила Светлана.

В июне 1942 года Светлана с няней и всей свитой, которая уезжала, вернулась в Москву. Училась в десятом классе. Увлекалась литературой, музыкой. Когда в Москву прилетел Черчилль, Сталин пригласил на обед в его честь Светлану. Сказал: «Это моя дочь». Черчилль заметил, что его дочь служит в королевских военно-воздушных силах.

Брат Василий находился в Москве, часто устраивал вечеринки. На них собирались его друзья-летчики, известные артисты, писатели. Чтобы Светлане не было одиноко, Василий забирал ее с собой. Здесь она познакомилась с кинорежиссером Алексеем Каплером, который был на двадцать лет старше. Они стали встречаться, он заходил за ней в школу.

Сталин был возмущен поведением дочери. Потребовал от Светланы отдать ему все письма «писателя», с неприязнью произнося это слово, дочь покорно все отдала, но сказала:

— Я люблю его!

— Любишь? — выкрикнул отец с невыразимой ненавистью к самому этому слову.

«И я, — писала позднее Светлана, — получила две пощечины — первые в своей жизни».

Сильнее пощечин Светлану оскорбило то, что она услышала от отца «грубые мужицкие слова»: «Идет война, а ты занимаешься…» Он еще раз повторил: «Я все знаю! Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна? У него кругом бабы, дура!»

Светлана стала ходить в московскую школу. Однажды вечером она застала отца, когда он рвал и выбрасывал в корзину письма и фотографии Каплера. При этом ворчал:

— Писатель! Не умеет толком писать по-русски. Уж не могла себе русского найти.

То, что Каплер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего, — вскользь заметила Светлана.

«Мне было все безразлично. Я молчала, потом пошла к себе. С этого дня мы с отцом стали чужими надолго».

Светлана признавалась, что ее отца — Сталина «раздражало, что из меня получилось совсем не то, что бы ему хотелось».

О первом замужестве Светланы Сталин отозвался: «Сионисты подбросили тебе твоего муженька». Светлана училась на филологическом факультете МГУ. Ее муж Григорий Морозов учился в Институте международных отношений, до этого — в одной школе с братом Василием. Родившегося сына назвали Иосифом. Внука через три года увидел дедушка.

Светлана вспоминала: «Отец растаял, увидев мальчика… При его лаконичности слова: «Сынок у тебя хорош! Глаза хорошие у него» — равнялись длинной хвалебной оде в устах другого человека».

Разведенная Светлана стала часто бывать в семье Ждановых, особенно после смерти Андрея Андреевича. Весной 1949 года Светлана и Юрий Жданов поженились. Сталин одобрил этот выбор дочери: он, как и С. М. Кирова, очень любил А. А. Жданова, уважал его сына Юрия.

В феврале 1952 года Светлана развелась с мужем. В письме она писала: «Дорогой папочка! Мне очень хочется тебя видеть, чтобы поставить тебя в известность о том, как я живу сейчас, мне хочется самой тебе обо всем рассказать с глазу на глаз. Я пыталась несколько раз, но не хотела приставать к тебе, когда ты был нездоров, а также сильно занят». Письмо заканчивалось словами: «Целую тебя крепко-крепко. Твоя беспокойная дочь».

На ноябрьские праздники Светлана с сыном и дочерью были в Волынском. Сталин выглядел здоровым. Он похвалил Иосифа: «Какие вдумчивые глаза, умный мальчик!» Понравилась ему и забавная, краснощекая Катя, которой было два с половиной годика. С отцом встречала Светлана Новый, 1953 год.

О кончине отца — И. В. Сталина Светлана Иосифовна написала:

«…Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось, — очевидно в последнюю минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившимися над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, — тут он поднял кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно, к кому и к чему он относился… В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела».

Перед похоронами И. В. Сталина у гроба в Колонном зале многие часы находилась Светлана. Она вспоминала: «Мне было

страшно от того, что мои собственные чувства были противоречивы: я одновременно испытывала боль и облегчение, ругая себя за то, что я плохая дочь. В момент последнего прощания, когда следовало поцеловать лоб покойного и все вокруг ждали этого и смотрели на меня, я так и не смогла заставить себя сделать это. И ни разу не ходила потом к могиле отца у Кремлевской стены».

С. И. Сталина защитила кандидатскую диссертацию по историческому роману. Работала в Институте мировой литературы. В сентябре 1957 года, сменив фамилию «Сталина», стала С. И. Аллилуевой.

Артем Федорович Сергеев

И. В. Сталин был дружен с Федором Сергеевым — легендарным большевиком Артемом. Уезжая на подавление Кронштадтского мятежа, Артем попросил Сталина:

— Если со мной что случится, присмотри за моими!

В июле 1921 года Артем погиб под Москвой при испытании аэровагона. Эту катастрофу связывали с происками Троцкого, поскольку они ненавидели друг друга.

После гибели Артема осталась его жена с родившимся в марте того же, 1921 года сыном, названным Артемом. Он родился на неделю раньше Василия — сына И. В. Сталина. Они родились в одном и том же родильном доме Грауэрмана на Арбате.

И. В. Сталин усыновил Артема, сына друга. Артем рос вместе с Василием. Старший сын И. В. Сталина Яков жил уже отдельно. Светлана родилась позднее. Сталин часто брал Артема с собой на юг. Артем называл И. В. Сталина отцом. Артем писал позднее, что дома побаивались отца, что к ним, детям, только после пришло понимание, кто он для всей страны.

— Однажды, — вспоминал Артем, — отец собрал Якова, Василия и меня и сказал: «Ребята, скоро война, и вы должны стать военными!» Мы с Яковом стали артиллеристами, Василий — летчиком. Все трое пошли на фронт. С первого дня. Сталин позвонил, чтоб взяли нас немедленно. Это была единственная от него привилегия как от отца.

Артем Федорович Сергеев прошел всю войну. Генерал-майор артиллерии. Прослужив полвека в Вооруженных Силах, вышел в отставку.

Мифическая «третья жена»

На Западе была распространена легенда о «третьей жене Сталина». Обычно называли Розу Каганович — дочь Л. М. Кагановича. И Л. М. Каганович, и С. И. Аллилуева не раз выступали в печати, доказывая вздорность подобных слухов. Так, Светлана Аллилуева писала: «В семье Кагановича я никогда не встречала никакой Розы. Предположение, что отца могла увлечь интеллигентная женщина-еврейка (по этой версии — врач), говорит только о полном незнании натуры отца. Для него увлечение подобного рода было просто исключено. По словам теток, он вообще мало думал о женщинах, не идя дальше того, чтобы выразить одобрение певице Давыдовой, исполнявшей русские народные песни. Он не проявлял симпатий к агрессивным дамам, делавшим попытки заинтересовать его».

О Вере Александровне Давыдовой, по мужу — Мчедлидзе, стоит сказать, что она обладала красивым меццо-сопрано, выразительной сценической внешностью. Сталин в Большом театре слышал в ее исполнении такие оперные партии, как Марфа, Любаша, Любава, Кармен, Азучена и другие. Она была удостоена трех Сталинских премий. Часто пела со своим мужем — басом Д. С. Мчедлидзе. Против гнусных измышлений, что Давыдова якобы была любовницей Сталина, выступил сын великой русской певицы — Мчедлидзе.

С момента переезда И. В. Сталина в Волынское все 18 лет у него экономкой была Валентина Васильевна Истомина, которая ухаживала за детьми еще в подмосковной даче Зубалово. «Круглолицая курносая и всегда веселая Валечка, — как пишет Светлана Аллилуева, — вполне соответствовала его идеалам женщин в доме: она была дородна, опрятна, ловко прислуживала за столом и не пускалась в разговоры». Она, вспоминала Светлана Аллилуева, упала на грудь мертвого И. В. Сталина и искреннее всех оплакивала его смерть.

Часть 2
Путь Сталина в революции

Боевое революционное крещение

Отвечая на приветствия рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе И. В. Сталин говорил 8 июня 1926 года:

> «Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Я вспоминаю, как я на квартире у Стуруа в присутствии Сильвестра Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Михо Бочоришвили, Нинуа и других передовых рабочих Тифлиса получил уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молокососом. Может быть, я был тогда немного больше начитан. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое, революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие. Позвольте принести им теперь мою искреннюю товарищескую благодарность. *(Аплодисменты.)*
>
> Я вспоминаю далее 1905–1907 годы, когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня как практического борца и одного из практических руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец и другие, с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками — с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение. Здесь я стал подмастерьем от революции. Позвольте принести теперь мою искреннюю товарищескую благодарность моим бакинским учителям. *(Аплодисменты.)*
>
> Наконец, я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран — товарищем Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке

империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих — освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов — я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции. Позвольте принести свою искреннюю товарищескую благодарность моим русским учителям и склонить голову перед памятью моего учителя Ленина. *(Аплодисменты.)*

От звания ученика (Тифлис), через звание подмастерья (Баку), к званию одного из мастеров нашей революции (Ленинград) — вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества.

Такова, товарищи, подлинная картина того, чем я был и чем я стал, если говорить без преувеличения, по совести. *(Аплодисменты, переходящие в бурную овацию.)»*

Из «Ответа товарища Сталина на приветствия». Газета «Заря Востока», Тифлис. 1926. 10 июня.

Экспроприация

Живуча до сих пор легенда, будто Коба грабил банки вместе с Камо. Кстати, партийное имя Камо навсегда вошло в историю именно благодаря Кобе-Джугашвили. А было так: молодой революционер Семен Тер-Петросян, плохо владевший русским языком, однажды переспросил Кобу: «Камо (вместо — кому) отнести?» Коба ответил: «Эх ты, камо, камо!»

Действительно, 12 июня 1907 года в 10 часов 45 минут в Тифлисе, на Эриванской площади, было совершено исключительное по дерзости нападение на казачий конвой, сопровождавший экипаж, перевозивший 341 тысячу рублей. Это нападение организовал и осуществил Камо-Петросян. Коба никакого отношения к этому не имел.

В марте 1918 года, через несколько месяцев после установления Советской власти, лидер меньшевиков Л. Мартов напечатал в своей московской газете, что кавказские большевики в свое время исключили Сталина «из партийной организации за прикосновенность к экспроприациям». Сталин привлек Мартова к суду революционного трибунала. Перед судом при переполненном зале он говорил: «Никогда в жизни я не судился в партийной организации и не исключался — это гнусная клевета».

В 1931 году во время беседы с И. В. Сталиным Эмиль Людвиг попросил рассказать ему «что-нибудь» из похождений своей молодости, вроде, например, ограбления банка. В ответ Сталин вручил ему брошюру со своей биографией.

Троцкий, тщательно собиравший все документы и материалы к книге «Сталин», отмечал: «Старый боевик, хорошо осведомленный в делах того периода, пишет: «Планы всех организованных последним (Камо) экспроприаций в Квирильском и Душетском казначействах и на Эриванской площади подготовлялись и обсуждались им совместно с Никитичем (Красиным)». О Сталине ни слова. Другой бывший боевик утверждает: «Такие экспроприации, как тифлисская и другие, происходили под непосредственным руководством Леонида Борисовича (Красина)». О Сталине опять ничего. В книге Бибинеишвили, где рассказаны все подробности подготовки и выполнения экспроприации, имя Сталина не упомянуто ни разу. Из этих умолчаний вытекает неоспоримо, что Коба не входил в непосредственные сношения с членами дружины, не инструктировал их, не был, следовательно, организатором дела в подлинном смысле слова, не говоря уже о прямом участии. Съезд в Лондоне закончился 27 апреля. Экспроприация в Тифлисе

произведена 12 июня, через полтора месяца. У Сталина оставалось слишком мало времени между возвращением из-за границы и днем экспроприации, чтобы руководить подготовкой столь сложного предприятия».

Безосновательная фальшивка

За пятнадцать лет революционно-подпольной деятельности И. В. Джугашвили неоднократно арестовывали, сажали в тюрьмы, переводили из одной тюрьмы в другую, ссылали в Сибирь. Он часто совершал побеги, лишь февральская 1917 года революция ему, как и другим революционерам-подпольщикам, принесла свободу. Такова была жизнь революционера-подпольщика в царское время. А вот освобождение из тюрем и побеги из ссылки И. В. Джугашвили, считают даже серьезные историки, к сожалению, не избежал этого и академик А. М. Самсонов, связаны-де с тем, что Джугашвили был «агентом царской охранки».

Документов таких нет. Архивы Охранного отделения частично сгорели в 1917 году. Остальное по приказу министра финансов А. О. Керенского перемещено в Академию наук. И здесь гуляет легенда, что якобы досье охранки на Сталина находилось у Ворошилова как гарантия сохранения в Политбюро ЦК.

После «Секретного доклада» на XX партсъезде в подтверждение этого исторического вздора была подброшена фотокопия доклада царской охранки, якобы свидетельствующая о сотрудничестве Сталина-Джугашвили с Охранным отделением. Но, когда этот документ западные исследователи, например Борис Суварин — биограф Сталина, подвергли тщательному анализу, выявилось, что документ фальшивка. Было доказано: стиль документа противоречит тому, который обычно использовался в царском департаменте полиции. Документ датируется 1913 годом, но в официальном документе было недопустимо опускать приставку «Санкт» при обозначении Санкт-Петербурга. Сталин упоминается не только его подлинной фамилией — Джугашвили, но и псевдонимом — Сталин, хотя он принял его недавно и это не было широко известно: он был известен в подпольных кругах и упоминался в документах царской полиции как Сосо, Коба, Иванович и Васильев, но не Сталин. В документе Сталин называется «агент», тогда как на самом деле агенты Охранного отделения назывались «секретными сотрудниками». Сталин подается как «член Центрального Комитета партии», без уточнения, какой партии, а в 1913 году в России существовало несколько социалистических партий, как на легальной, так и на полулегальной основе, а главное — Пражская 1912 года конференция положила межу между большевиками и меньшевиками, документ, утверждается, был послан в Енисейское отделение охранки, но в Енисейске охранка не имела отделения.

Подпись на документе начальника Особого отдела департамента полиции Еремина подделана: Еремин не мог подписать документ 12 июля 1913 года, поскольку с мая был в отпуске, а затем стал начальником Финляндского жандармского управления. И почему подпись Еремин, а не как положено в официальном документе — полковник А. М. Еремин. И еще: почему полковник обращается к ротмистру, связанному с ним служебными взаимоотношениями, — милостивый государь? И вся эта адресовка не имела права располагаться с левой стороны. И многие другие недостоверности показывают, что такой документ — безосновательная фальшивка.

И еще. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства с марта по ноябрь 1917 года установила подробный список полицейских агентов и выслушала самые откровенные показания ведущих чиновников полицейского департамента. Но Сталина нет ни в списках, ни в показаниях чиновников, даже шеф охранки Санкт-Петербурга Герасимов не назвал имени Сталина, а ведь, согласно документу, Сталин работал на эту охранку. Полицейские агенты после революции исчезли из Петрограда, а Сталин жил в Петрограде, являясь членом ЦК большевистской партии, редактировал «Правду».

И наконец, если бы существовал в природе такой документ, то почему же Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Томский и другие не воспользовались им для своей защиты и борьбы со Сталиным? Да и вообще, почему чиновник царской охранки не продал такой документ русским эмигрантам, почему (будь она) скрывал службу Сталина царской полиции?

Почему сорок лет обо всем этом молчали и вдруг после «Секретного доклада» на XX партсъезде потребовали, как сформулировал академик А. М. Самсонов, серьезного научного поиска этой версии? Не есть ли это на самом деле стремление уйти от разоблачения деятельности нынешних «агентов влияния», нынешней «пятой колонны».

Член Политбюро ЦК

После Октябрьской социалистической революции Сталин выдвинулся как один из видных руководителей партии. Наряду с Лениным он вошел в первый состав Политбюро ЦК, утвержденного VIII съездом РКП (б) в 1919 году. Его избрали членом Организационного бюро ЦК, а фактически руководителем этого важного партийного органа. Член Политбюро Сталин начал со второй половины 1921 года поднимать роль Секретариата ЦК. Ему доверили также представительство ЦК в ВЧК-ОГПУ (член коллегии).

В первом Советском правительстве Сталин возглавил сразу два наркомата — Народный комиссариат по делам национальностей и Наркомат государственного контроля, затем переименованный в Рабоче-крестьянскую инспекцию (Рабкрин). Он был назначен членом Совета Труда и Обороны и Реввоенсовета Республики.

Во время партийных дискуссий о Брестском мире, о профсоюзах, о внутрипартийной демократии и других Сталин последовательно поддерживал и голосовал за ленинские платформы.

Ленин в 1922 году назвал Сталина одним из «двух выдающихся вождей» тогдашнего Центрального Комитета партии. В «Письме к съезду» (1922 год) Ленин предлагал не «отсечь» Сталина от руководства в партии, а «переместить» с должности генсека. Что касается Троцкого, то Ленин указал на его «небольшевизм», чрезмерную самоуверенность и чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела.

Сталин постоянно избирался членом Политбюро ЦК с момента его создания. После XIX съезда Политбюро было преобразовано в Президиум ЦК. В его расширенный состав выбрали Сталина. Введенного в Политбюро в 1919 году Троцкого за оппозиционную деятельность вывели в 1926 году.

В «Секретном докладе» на XX партсъезде Хрущев извратил историю ленинского «Завещания», политическое рассмотрение значения деятельности Сталина подменил грубой ложью о нем и личной неприязнью. Хорошо хоть не реабилитировал Троцкого. Полномочий реального политического руководства Политбюро ЦК КПСС лишил Горбачев.

Сталин был и остался единственным большевистским руководителем, который одновременно состоял членом ЦК, членом Политбюро ЦК, членом Секретариата ЦК, а еще и членом Оргбюро ЦК. И он все свои партийные возможности поставил на

службу дела партии большевиков-коммунистов. Сталин боролся против любых оппозиционных платформ, сохранял верность генеральной линии Ленина, при Сталине Политбюро ЦК было действительным органом политического руководства. К тому же, пребывая на высоком партийном посту, Сталин отличался фантастической трудоспособностью, умением овладевать новой информацией, приверженностью принципам пролетарского интернационализма и личной непритязательностью.

«Правда»

Петербургские рабочие в начале 1912 года предложили издавать массовую ежедневную рабочую газету, выразили готовность содержать ее за счет своих добровольных взносов. В. И. Ленин поддержал идею создания рабочей газеты, она получила название «Правда». В подготовке ее издания и выпуске активно участвовал член ЦК партии И. В. Сталин.

В день выхода первого номера «Правды» 22 апреля 1912 года была опубликована статья И. В. Сталина «Наши цели». В ней он писал:

«Но тернии не страшны, если сочувствие рабочих, окружающее теперь «Правду», будет продолжаться и впредь. В этом сочувствии будет она черпать энергию для борьбы! Мы бы желали, чтобы сочувствие это росло. Мы бы желали, кроме того, чтобы рабочие не ограничивались одним сочувствием, а принимали активное участие в деле ведения нашей газеты. Пусть не говорят рабочие, что писательство для них «непривычная» работа: рабочие-литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы».

С первого номера и до конца своей жизни И. В. Сталин был неразрывно связан с «Правдой». В газете И. В. Сталин публиковал свои лекции и статьи по вопросам теории марксизма-ленинизма и практики социалистического строительства, проблемам партии и многим другим актуальным темам. Он выступал за проведение на страницах газеты дискуссий и сам задавал им тон. В газете в разные годы печатались статьи, написанные И. В. Сталиным, в том числе в виде или редакционных материалов, или подписанные авторитетными учеными и писателями, при получении на то их согласия. Он звонил главному редактору газеты «Правда» и предлагал напечатать полностью или отрывок из произведения писателя, пьесы драматурга, стихотворение, имеющее общественное или культурное значение.

На почве творческого марксизма

Из выступления И. В. Сталина на VI съезде РСДРП(б) 3 августа 1917 года по поводу предложения Преображенского к 9-му пункту резолюции «О политическом положении».

«Сталин читает 9-й пункт резолюции:

«Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества».

Преображенский. Предлагаю иную редакцию конца резолюции: «для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе — к социализму». Если мы примем редакцию комиссии, то получится разногласие с уже принятой резолюцией Бухарина.

Сталин. Я против такой поправки. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия, и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего.

Председатель. Ставлю на голосование поправку Преображенского. Отклоняется».

Царицын

Спецпоезд прибыл в Царицын 6 июня 1918 года. На следующий день Сталин телеграфирует Ленину, что, «несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно навести порядок». Он вводит карточную систему и твердые цены, ибо иначе через «клапаны спекуляции утечет весь хлеб». И уже через неделю обещал отправить (что было сделано) в Москву первый миллион пудов зерна.

Впервые Сталина увидели в большом, государственном деле. Он оказался отменным руководителем. Поставил относительно быстро сбор и транспортировку продовольствия в Москву, но дело вскоре застопорилось. Причины? 7 июля 1918 года он отправляет письмо:

«Товарищу Ленину.

Спешу на фронт. Пишу только по делу.

1) Линия южнее Царицына еще не восстановлена. Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им.

2) Южнее Царицына скопилось много хлеба на колесах. Как только прочистится путь, мы двинем к вам хлеб маршрутными поездами.

3) Ваше сообщение принято (о мятеже левых эсеров в Москве. — *Авт.)*. Все будет сделано для предупреждения возможных неожиданностей. Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука…

Ввиду плохих связей окраин с центром необходимо иметь человека с большими полномочиями на месте для своевременного принятия срочных мер. Если назначите в этих видах кого-либо (кого бы то ни было), дайте знать по прямому проводу, и мандат передайте также по прямому».

10 июля 1918 года новое письмо:

«Товарищу Ленину.

Несколько слов.

1) Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты Трифонову (Донская область), Автономову (Кубанская область), Коппе (Ставрополь), членам французской

миссии (заслужившим ареста) и т. д., то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе, и этот край окончательно потеряем. С Троцким происходит то же самое, что с Антоновым одно время. Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует, что иначе получается скандал для Советской власти.

2) Если не дадите нам аэропланов с летчиками, броневых автомобилей, шестидюймовых орудий, Царицынский фронт не устоит, и железную дорогу потеряем надолго.

3) Хлеба на юге много, но, чтобы его взять, нужно иметь налаженный аппарат, не встречающий препятствий со стороны эшелонов, командармов и пр. Более того, необходимо, чтобы военные помогали продовольственникам. Вопрос продовольственный естественно переплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил.

Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит».

Мандат И. В. Сталина о назначении его общим руководителем продовольственного дела на юге России.

> «31 мая 1918 г.
>
> Член Совета Народных Комиссаров, Народный Комиссар Иосиф Виссарионович СТАЛИН назначается Советом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары обязываются исполнять распоряжения тов [арища] СТАЛИНА.
>
> *Председатель Сов[ета] Народных Комиссаров*
>
> *В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)».*

Телеграмма И. В. Сталина В. И. Ленину о подготовке транспорта для перевозки хлеба.

> «Грязи, 5 июня 1918 г.
> Номер первый. Четвертого, в одиннадцать часов

ночи, благополучно прибыл в Козлов с отрядом в четыреста пятьдесят штыков. Следую дальше. Обяжите Шляпникова выехать немедленно и взять с собой путейских инженеров, а также дельных рабочих для исправления линии Хасав-Юрт — Петровск и постройки ветви Кизляр — Брянская. Без этого своевременная доставка хлеба по назначению немыслима, ибо Царицынская линия безусловно не выдержит. Дайте специальный приказ организациям торгового флота на Волге и Каспии о беспрекословном исполнении моих распоряжений. Копию за номером пришлите мне в Царицын. В Баку посылаю нарочного с письмом. Жду новостей.

Член Совета Народных Комиссаров

Народный Комиссар СТАЛИН».

Телеграмма И. В. Сталина В. И. Ленину из Царицына о первых мероприятиях по заготовке хлеба.

«Царицын, 7 июня 1918 г.
Вне очереди. 8 ч. 13 м. Военная.
Москва. Кремль. ЛЕНИНУ.

6-го прибыл в Царицын. Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно навести порядок. В Царицыне, Астрахани, в Саратове монополия и твердые цены отменены Советами, идет вакханалия и спекуляция. Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечет весь хлеб. Пусть ЦИК и Совнарком в свою очередь требуют от этих Советов отказа от спекуляции. Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден поставить специальных комиссаров, которые уже вводят порядок, несмотря на протесты коллегий. Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают. Исследование показало, что в день можно пустить по линии Царицын — Поворино — Балашов — Козлов — Рязань — Москва восемь и более маршрутных поездов. Сейчас занят накоплением поездов в Царицыне. Через неделю объявим «Хлебную неделю» и пустим сразу около миллиона пудов со специальными

сопровождающими из железнодорожников, о чем предварительно сообщу».

Телеграмма В. И. Ленина И. В. Сталину в Царицын.

«7 июля 1918 г., 1 час ночи.

Наркому СТАЛИНУ.

Сегодня около 3-х часов дня левый эсер убил бомбой Мирбаха. Это убийство явно в интересах монархистов или англо-французских капиталистов. Левые эсеры, не желая выдать убийцу, арестовали Дзержинского и Лациса и начали восстание против нас. Мы ликвидируем сегодня же ночью беспощадно и скажем народу всю правду: мы на волосок от войны. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров. Все, кто против войны, будут за нас.

Относительно Баку самое важное, чтобы вы были непрерывно в сношениях с Шаумяном и чтобы Шаумян знал предложение германцев, сделанное послу Иоффе в Берлине, относительно того, что немцы согласились бы приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся. Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще.

ЛЕНИН».

Письмо И. В. Сталина В. И. Ленину о ходе борьбы за Юго-Восток.

«Царицын, 31 августа 1918 г.

Дор[огой] тов. Ленин!

Идет борьба за Юг и Каспий. Для оставления за собой всего этого района (а его *можно* оставить за собой) необходимо иметь несколько миноносцев легкого типа и штуки две подводн[ых] лодок (подробнее спросите *Артема)*. Умоляю Вас разбить все преграды и тем облегчить — двинуть вперед дело немедленного получения требуемого. Баку, Туркестан, Сев[ерный] Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедля будут удовлетворены требования.

Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневаюсь,

что пойдут еще лучше (казачество разлагается окончательно).

Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу.

Ваш СТАЛИН».

Опыт гражданской войны

Венгерские исследователи Ласло Белади и Тамаш Краус выпустили в 1989 году книгу «Сталин». В том же году она была переиздана на русском языке, представляется интересным их вывод о политическом значении деятельности Сталина в годы Гражданской войны.

Время, проведенное на фронтах Гражданской войны, вооружило Сталина опытом, который он использовал позднее. За два года он побывал на всех важнейших фронтах, посетил почти все районы страны. Хотя Троцкий на своем знаменитом бронепоезде объезжал все армии, он в первую очередь общался все-таки с военными руководителями. В критические моменты другие члены Политбюро также выезжали на фронт, однако никто из них лично не знал такого количества местных партийных и советских руководителей, как Сталин. Нет никакого сомнения, что большинство этих руководителей, людей, выросших не в условиях подполья и эмиграции, находили для себя симпатичным характер Сталина, его стиль руководства, привычки, подход к организационной и политической работе. Им правилась его непосредственность. Он был такой же, как и они. Новая поросль руководителей не напоминала членов старой гвардии, воспитанных в условиях нелегальных революционных традиций. Они были людьми нового строя, зарождавшегося в условиях жестокой Гражданской войны. Многим из них не был присущ утонченный интеллектуализм старой гвардии. Однако к концу Гражданской войны эти люди составляли большинство членов партии, а старая гвардия большевиков в количественном отношении являлась только незначительным слоем.

Сталин, к тому времени возглавлявший два народных комиссариата и входивший в состав двух руководящих партийных органов, как будущий руководитель партийного аппарата увидел на местах много потенциальных сотрудников, исполнителей и союзников. За эти два года он мог оценить возможные собственные кадровые резервы.

О Закавказье

Из письма И. В. Сталина С. Г. Шаумяну о политике Советской власти в Закавказье.

«Царицын, 8 июля 1918 г.

Так как времени у меня мало, начинаю прямо с дела.

1. Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, признанной Германией.

2. Возможно, что нам придется уступить немцам в вопросе о Грузии, но уступку такую мы в конце дадим лишь при условии признания немцами невмешательства Германии в дела Армении и Азербайджана.

3. Немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уделить некоторое количество нефти за эквивалент. Мы эту «просьбу», конечно, можем удовлетворить.

4. Ваши успехи радуют нас, но мы хотели, чтобы, во избежание осложнений с немцами, вы не пошли дальше Елизаветполя, т. е. не вторгались бы в пределы Грузии, независимость которой официально признана Германией.

5. В вопросе о национализации Каспийского флота можете действовать решительно, не обращая внимания на телеграмму. Можете быть уверены, что Совнарком будет с вами.

Очень просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку.

Все сказанное примите не как мое личное мнение, а как предложение Ленина, с которым я говорил вчера по всем затронутым вопросам по прямому проводу…

Ну, жму руку. Привет друзьям.

И. СТАЛИН».

Орден Красного Знамени

Президиум ВЦИК, вынося 27 ноября 1919 г. постановление о награждении И. В. Сталина орденом Красного Знамени, считал, что эта награда дается ему в ознаменование его заслуг по обороне Петрограда и самоотверженной работы на Южном фронте. Хотя с момента назначения Сталина членом Реввоенсовета Южного фронта 27 сентября 1919 года истекло совсем немного времени, он успел зарекомендовать себя и здесь.

Часть 3
Сталин и Ленин

Встреча с Лениным

Коба (И. В. Джугашвили) летом 1903 года познакомился с рядом работ Тулина (В. И. Ульянова), которые оказали на него огромное влияние. Несколько статей за подписью Кобы стали известны Владимиру Ильичу. В июле 1905 года Н. К. Крупская просила Кавказский союзный комитет РСДРП прислать ей для Ульянова работы Кобы. Это был первый, хотя и косвенный контакт между ними. Вскоре началась их заочная переписка. А в 1905 году на первой большевистской конференции в Финляндии состоялась их личная встреча. Они в составе политической комиссии редактировали резолюции конференции.

Впоследствии И. В. Сталин вспоминал об этом знаменательном событии в своей жизни:

«Впервые я познакомился с Лениным в 1903 г. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нем одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири — это было в конце 1903 года, — я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период». По привычке старого подпольщика Сталин счел своим долгом сжечь

письмо Ленина и впоследствии никогда не мог себе этого простить.

«Впервые я, — говорил Сталин, — встретился с Лениным в декабре 1905 г. на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных…

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: «тсс… тише… он идет». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших «низов» человечества».

Чудесный грузин

Перед Первой мировой войной на видное место выдвинулся национальный вопрос. Находясь за границей, в Вене, И. В. Сталин в конце 1912 — начале 1913 года написал работу «Марксизм и национальный вопрос».

Этот труд И. В. Сталина был высоко оценен В. И. Лениным. Он отмечал в статье «О национальной программе РСДРП»: «В теоретической марксистской литературе это положение дел и основы национальной программы с.-д. уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)». В феврале 1913 года в письме А. М. Горькому Владимир Ильич писал: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав *все* австрийские и пр. материалы». Узнав, что статью предлагается считать дискуссионной, Ленин решительно воспротивился этому: «Конечно, мы абсолютно против. Статья *очень хороша».* А после ареста Сталина в марте Ленин сообщал в редакцию «Социал-демократа»: «… У нас аресты тяжкие. Коба взят… Коба успел написать большую (для трех номеров «Просвещения») статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов».

«Нация, — писал Сталин, — *есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».*

Сталинское определение нации не утратило своего значения и поныне.

Генеральный секретарь ЦК партии

На следующий день после закрытия XI партийного съезда, 3 апреля 1922 года, состоялось заседание Пленума, в работе которого участвовал В. И. Ленин. Пленум избрал Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК партии. Пленум по предложению В. И. Ленина избрал члена ЦК РКП(б) И. В. Сталина Генеральным секретарем Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). Было принято предложение В. И. Ленина об организации работы Секретариата ЦК партии.

Сталин оживил деятельность Центрального Комитета, его важнейших отделов — Орготдела, Агитпропа. Это имело большое значение для проведения в жизнь задач, поставленных Лениным на съезде партии.

Не отрицая сам факт избрания Сталина Генеральным секретарем ЦК, иные авторы, дабы принизить значение этого события в жизни партии, запустили миф, что предложение об избрании Сталина Генеральным секретарем внес Л. Б. Каменев. На несостоятельность этой фальши не раз обращал внимание В. М. Молотов. Он подчеркивал, что выбор Ленина пал на Сталина, потому что Сталин обладал организаторским талантом, ранее успешно руководил Рабоче-крестьянской инспекцией (Рабкрином) — недреманным оком партии. И он, Молотов, тогда секретарь ЦК партии, помнит, что на Пленуме именно Ленин предложил избрать Генеральным секретарем ЦК партии Сталина.

Архиконспиративная просьба Владимира Ильича

Полным и точным образом был информирован о состоянии Владимира Ильича только Сталин. Информацию о больном члены Политбюро получали из его рук. Можно представить себе их состояние, когда 17 марта 1923 г. они прочитали записку от Сталина:

> «Строго секретно. Членам Пол. Бюро.
>
> В субботу 17 марта т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что Вл. Ильич «переживает неимоверные страдания», что «дальше жить так немыслимо», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной и с волнением требовал «согласия Сталина»), я не счел возможным ответить отказом, заявив: «Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился. Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.
>
> *И. Сталин».*
>
> *21 марта 1923 г.*

Ниже выражена реакция членов Политбюро на записку: «Читал. Полагаю, что «нерешительность» Сталина — правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.).

Читал: (Томский)
Г. Зиновьев
Молотов
Читал:
Н. Бухарин

Троцкий
Л. Каменев».

По-видимому, в этот же день Сталин пишет:

> «Строго секретно. ЗИН., КАМЕНЕВУ.
>
> Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в «ужасном» состоянии, с ним припадки, «не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно». Сообщила, что пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина».
>
> «Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды… как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя!
>
> *Г. Зиновьев, Л. Каменев».*

Режим строгой секретности, введенный тогда на все, что касалось болезни Ленина, с годами дал, однако, повод для слухов о том, что Сталин-де ускорил конец вождя. Утку запустил в полет в 1940 году Троцкий. Он подписал контракт с известнейшим американским журналом «Лайф» о написании двух статей о Сталине. Первую из них журнал напечатал 2 октября 1939 года, вторую, содержавшую версию об отравлении, отклонил, предложив автору представить «меньше предположений и больше неоспоримых фактов». В самом деле было трудно поверить версии Троцкого на том основании, что, по его словам, Сталин сообщил членам Политбюро о просьбе Ленина достать ему яд «со странным выражением лица». Отвергнутую статью после мытарств автора в крупных американских журналах напечатал не слишком известный журнальчик «Либерти» в августе 1940 года. За две недели до убийства Троцкого. Версия Троцкого не принимается всерьез западными исследователями.

Персональная ответственность

18 декабря 1922 года на Пленуме ЦК РКП(б) была принята следующая резолюция: «На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки». При абсолютном запрещении врачей Крупская продолжала передавать записанные ею под диктовку Ленина его записки, письма соратникам, что вызвало раздражение Сталина, пригрозившего ей вызовом на заседание Контрольной комиссии ЦК партии (председателем которой был Каменев). Крупская в письме к Каменеву жаловалась: «Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина». Жена Ильича требовала оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз» и, выражая уверенность, что Контрольная комиссия вынесет правильное решение, добавляла: «Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности». Сестра Ленина, Мария Ильинична, в своих записках вспоминала о реакции Крупской на разговор со Сталиным: «Она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и т. д.». 5 марта 1923 года Ленин продиктовал следующее письмо: «Товарищу Сталину. Строго секретно. Лично. Копия т.т. Каменеву и Зиновьеву. Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

В ответ Сталин писал:

«т. ЛЕНИНУ ОТ СТАЛИНА.
Только лично.
Т. Ленин!
Недель пять назад я имел беседу с Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей

женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим: нельзя играть жизнью Ильича…»

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят».

Причина конфликта

В беседах Молотов неоднократно касался причины конфликта Сталина и Крупской.

— Врачи запретили посещать Ленина, когда он болел, когда его положение ухудшилось. А Крупская разрешила. И на этом возник конфликт между Крупской и Сталиным.

Сталин поддерживал решение ЦК — не допускать к Ленину никаких людей. Он был прав в данном случае. Если ЦК, даже Политбюро решило и возложило на Сталина наблюдение за выполнением этого решения…

То, что Ленин написал о грубости Сталина, — это было не без влияния Крупской. Она невзлюбила Сталина за то, что он довольно бестактно с ней обошелся. Сталин провел решение Секретариата, чтобы не пускать к Ленину Зиновьева и Каменева, раз врачи запретили. Они пожаловались Крупской. Та возмутилась, сказала Сталину, а Сталин ей ответил: «ЦК решил и врачи считают, что нельзя посещать Ленина». — «Но Ленин сам хочет этого!» — «Если ЦК решит, то мы и вас можем не допустить».

Сталин был раздражен: «Что я, должен перед ней на задних лапках ходить? Спать с Лениным еще не значит разбираться в ленинизме!»

Мне Сталин сказал примерно так:

«Что же, из-за того, что она пользуется тем же нужником, что и Ленин, я должен так же ее ценить и признавать, как Ленина?»

Сталин и Крупская

Надежда Константиновна Крупская на XV, XVI и XVII съездах избиралась членом ЦК ВКП(б). Была депутатом Верховного Совета СССР, заместителем наркома просвещения. Встречалась с И. В. Сталиным. В одной из бесед высказала свое несогласие с трактовкой образа В. И. Ленина в фильме «Ленин в Октябре» и романе Алексея Толстого «Хлеб». Сталин критиковал Крупскую за защиту Троцкого, Зиновьева и других оппозиционеров. Не согласен Сталин был с истолкованием Крупской ряда положений Ленина. Сталин посвятил этому, кажется, две редакционные статьи в газете «Правда», одна из которых заканчивалась (по памяти) так: «Спать с Лениным — не значит знать Ленина».

27 февраля 1939 года Надежда Константиновна Крупская скоропостижно скончалась. Это породило разросшиеся с годами слухи, что она была по приказу Сталина отравлена, а исполнителями стали то ли Ежов, то ли Вышинский. После XX партсъезда в каком-то разговоре Хрущев сказал, что Крупскую отравили. Якобы на праздновании своего 70-летия она съела присланный Сталиным торт. Но на ее юбилей в санаторий «Архангельское» приехали Г.М. и З. П. Кржижановские, Ф. Я. Кон, Д. И. Ульянов и многие близкие друзья и сотрудники. Никто из них ни на какое недомогание не жаловался.

Старейший член партии Н. К. Крупская работала до последних дней, даже, приехав накануне 70-летия в санаторий «Архангельское», писала статью, посвященную дню 8 Марта, отвечала на письма, которые взяла с собой. Одни близко ее знавшие говорили, что Крупская готовила речь на предстоящем в марте 1939 года XVIII съезде ВКП(б), другие так же активно это отрицают. Много домыслов, о чем она хотела сказать съезду. Поскольку никаких черновиков выступления нет, никому она ничего не говорила, противники Сталина нажимают, что-де хотела критиковать его политику.

Сталину сразу доложили о кончине Надежды Константиновны Крупской. Он позвонил в газету «Правда» П. Н. Поспелову и продиктовал Официальное извещение от ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР: «27 февраля в 6 часов 15 минут утра скончалась старейший член партии, ближайший помощник Ленина, член ЦК и депутат Верховного Совета СССР тов. Н. К. Крупская. Смерть тов. Крупской, отдавшей всю свою жизнь делу коммунизма, является большой потерей для партии и трудящихся Союза ССР».

2 марта Сталин вместе с другими партийными деятелями

стоял в почетном карауле, шел в похоронной процессии, нес к Кремлевской стене урну с прахом Н. К. Крупской. В газете «Правда» был помещен снимок.

Великая клятва

21 января 1924 года скончался Владимир Ильич Ленин. 23 января специальным поездом гроб с телом Ленина был перевезен в Москву и установлен в Колонном зале Дома союзов. В течение четырех последующих дней массы народа часами стояли при 30-градусном морозе, чтобы на две-три минуты увидеть любимого вождя и отдать дань уважения Ленину. Настроение народа отразилось в решениях ЦК партии. Петроград переименовали в Ленинград. Было решено бальзамировать тело Ленина и соорудить Мавзолей у Кремлевской стены на Красной площади.

Газета «Правда» 24 января опубликовала статью Н. И. Бухарина «Осиротевшие». Находившийся на Кавказе Л. Д. Троцкий прислал телеграмму с выражением обожания Ленина и скорби в связи с его кончиной. На траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов 26 января первым выступил М. И. Калинин, от имени партии великую клятву свято хранить и претворять в жизнь заветы В. И. Ленина дал И. В. Сталин.

«Мы, — говорил Сталин, — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин…

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!..

Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач

нашей партии… Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот…

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!»

Споры о бальзамировании

Когда на исходе 1923 года и в самом начале 1924 года до Политбюро дошло, что дни Ленина сочтены, на серии узких совещаний лидеров партии обсудили, как хоронить Ленина и увековечить его память. Сталин, ссылаясь на мнение «товарищей из провинции», категорически высказался против кремации тела, а воззвал к «русским обычаям». Что означало, по его словам, подвергнуть усопшего бальзамированию, поместив в специально сооруженный склеп, сохранив облик усопшего.

Троцкий подчеркнул, что бальзамировать останки Ленина — это значит под коммунистическим флагом воскресить практику русской православной церкви поклонения мощам святых угодников. В полном согласии с Троцким говорил Бухарин, что делать из останков Ленина бальзамированную мумию — это оскорбительно для его памяти и совершенно противоречит ленинскому материалистическо-диалектическому мировоззрению.

Каменев отметил, что присвоение Петрограду имени Ленина и издание миллионными тиражами его сочинений — это вполне подходящие способы почтить память Ленина, но что предложение относительно бальзамирования его тела — это отголосок того «поповства», которое Ленин бичевал в своем философском труде «Материализм и эмпириокритицизм».

«Завещание»

В «Письме к съезду» (декабрь 1922 года) В. И. Ленин дал характеристику ряду членов ЦК партии. Он указал на «небольшевизм» Троцкого, предупредил об идейной неустойчивости Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова.

Считая Сталина одним из выдающихся деятелей партии, Ленин вместе с тем писал 25 декабря: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». В добавление к своему письму Ленин 4 января 1923 года писал: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, меньше капризности и т. д.».

По решению ЦК РКП(б) с ленинским письмом были ознакомлены все делегации XIII съезда партии, проходившего в мае 1924 года. Учитывая сложную обстановку в стране, остроту борьбы с троцкизмом, было признано целесообразным оставить Сталина на посту Генерального секретаря ЦК, с тем, однако, чтобы он учел критику со стороны Ленина и сделал из нее необходимые выводы.

О личном моменте и о «завещании» Ленина»

Из речи на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), 23 октября 1927 года.

И. В. Сталин отмечал:

«Прежде всего о личном моменте. Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает, лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье.

Да что Сталин, Сталин человек маленький. Возьмите Ленина. Кому не известно, что оппозиция во главе с Троцким во время Августовского блока вела еще более хулиганскую травлю против Ленина. Послушайте, например, Троцкого:

«Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении» (см. «Письмо Троцкого Чхеидзе» в апреле 1913 г.).

Язычок-то, язычок какой, обратите внимание, товарищи: это пишет Троцкий. И пишет он о Ленине.

Можно ли удивляться тому, что Троцкий, так бесцеремонно третирующий великого Ленина, сапога которого он не стоит, ругает теперь почем зря одного из многих учеников Ленина — тов. Сталина.

Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушать партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности.

Теперь о «завещании» Ленина. Здесь кричали оппозиционеры — вы слыхали это, — что Центральный Комитет партии «скрыл» «завещание» Ленина. Несколько раз этот вопрос у нас на Пленуме ЦК и ЦКК обсуждался, вы это знаете. Было доказано и передоказано, что никто ничего не скрывает, что «завещание» Ленина было адресовано на имя XIII съезда партии, что оно, это «завещание», было оглашено на съезде, что съезд решил

единогласно не опубликовывать его, между прочим, потому, что Ленин сам этого не хотел и не требовал. Все это известно оппозиции не хуже всех нас. И тем не менее, оппозиция имеет смелость заявлять, что ЦК «скрывает» «завещание».

Вопрос о «завещании» Ленина стоял у нас — если не ошибаюсь — еще в 1924 году. Существует некий Истмен, бывший американский коммунист, которого изгнали потом из партии. Этот господин, потолкавшись в Москве среди троцкистов, набравшись некоторых слухов и сплетен насчет «завещания» Ленина, уехал за границу и издал книгу под заглавием «После смерти Ленина», где он не щадит красок для того, чтобы очернить партию, Центральный Комитет и Советскую власть, и где все строит на том, что ЦК нашей партии «скрывает» будто бы «завещание» Ленина. Так как этот Истмен находился одно время в связях с Троцким, то мы, члены Политбюро, обратились к Троцкому с предложением отмежеваться от Истмена, который, цепляясь за Троцкого и ссылаясь на оппозицию, делает Троцкого ответственным за клевету на нашу партию насчет «завещания». Ввиду очевидности вопроса Троцкий действительно отмежевался от Истмена, дав соответствующее заявление в печати. Оно опубликовано в сентябре 1925 года в № 16 «Большевика».

Говорят, что в этом «завещании» тов. Ленин предлагал съезду ввиду «грубости» Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании Пленума ЦК после XIII съезда просил Пленум ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться.

Через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту.

Что же я мог еще сделать?

Что касается опубликования «завещания», то съезд решил его не опубликовывать, так как оно было адресовано на имя съезда и

не было предназначено для печати.

У нас имеется решение Пленума ЦК и ЦКК в 1926 году о том, чтобы испросить разрешение у XV съезда на напечатание этого документа. У нас имеется решение того же Пленума ЦК и ЦКК о напечатании других писем Ленина, где Ленин отмечает ошибки Каменева и Зиновьева перед Октябрьским восстанием и требует их исключения из партии.

Ясно, что разговоры о том, что партия прячет эти документы, являются гнусной клеветой. Сюда относятся и такие документы, как письма Ленина о необходимости исключения из партии Зиновьева и Каменева. Не бывало никогда, чтобы большевистская партия, чтобы ЦК большевистской партии боялись правды. Сила большевистской партии именно в том и состоит, что она не боится правды и смотрит ей прямо в глаза.

Оппозиция старается козырять «завещанием» Ленина. Но стоит только прочесть это «завещание», чтобы понять, что козырять им нечем. Наоборот, «завещание» Ленина убивает нынешних лидеров оппозиции.

В самом деле, это факт, что Ленин в своем «завещании» обвиняет Троцкого в «небольшевизме», а насчет ошибки Каменева и Зиновьева во время Октября говорит, что эта ошибка не является «случайностью». Что это значит? А это значит, что политически нельзя доверять ни Троцкому, который страдает «небольшевизмом», ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются «случайностью» и которые могут и должны повториться.

Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в «завещании» насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина. Вот соответствующее место из «завещания»: «Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому». Кажется, ясно.

Решение XIII съезда

…Когда письмо Ленина оглашалось и обсуждалось на делегациях, товарищи, при всей своей любви, уважении и верности Ленину, прежде всего ставили вопрос: а можно ли найти такого человека, который обладал бы, как пишет сам Ленин, всеми качествами Сталина и отличался бы лишь одним перевесом — более терпим, лоялен, вежлив и т. д. Если бы Ленин был уверен, что это легко сделать, то есть найти замену одному из двух самых выдающихся членов ЦК, он со свойственной ему прямотой просто предложил бы снять Сталина и выдвинуть такого-то, а он написал осторожно или, может быть, условно: «предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места». Известно, как Ленин, критикуя, часто очень резко, воспитывал кадры, в том числе своих ближайших помощников, рассчитывая на их исправление. Можно думать, что Ленин и здесь, ставя так вопрос, рассчитывал на исправление Сталиным своих недостатков. И надо сказать, что Сталин во время XIII съезда обещал, что он учтет критику своего учителя Ленина и ликвидирует указанные им недостатки. Мы, работавшие вместе со Сталиным, можем сказать, что непосредственно после XIII съезда Сталин особенно соблюдал коллегиальность в работе, лояльность и вежливость, как этого требовал Ленин.

Все делегаты съезда, как и вся партия, видели и знали, что Сталин играл ведущую роль в ленинском ядре ЦК, в борьбе с фракционно-раскольнической атакой троцкизма, так называемой «Рабочей оппозиции» и других оппозиционных групп на партию, на ленинизм. Сталин проявил в этой борьбе мужество, теоретическую и политическую прозорливость, ленинскую настойчивость и непримиримость. Заслуживает быть особенно отмеченным, что Сталин, как и другие ленинцы, проявил исключительно большое терпение к вождям оппозиции, в том числе лично к Троцкому, точно так же потом к Зиновьеву и Каменеву. Достаточно изучить факты: сколько раз ЦК их предупреждал и терпел их выходки, оставляя их в составе ЦК и Политбюро, в течение нескольких лет их антипартийной работы. И только когда они в 1927 году устроили в Москве свою антисоветскую демонстрацию в дни празднования 10-летия Октябрьской революции, ЦК окончательно принял более решительные меры. Сталин, будучи Генеральным секретарем ЦК, при отсутствии Ленина по болезни, организовал кадры партии для выполнения решений ЦК и его Политбюро и тем самым оказал решающую помощь партии в преодолении опаснейшего

кризиса в партии, вызванного троцкистами. Тем самым партия обеспечила свое единство и укрепила союз рабочих и крестьян, тем самым партия укрепила внешнеполитическое положение СССР в его борьбе против империалистов, все еще добивавшихся реставрации капитализма в СССР.

Делегаты съезда партии, отражая настроения членов партии, говорили, что смещение Сталина может принести вред окрепшему внутреннему и внешнему положению партии и всего СССР.

Они говорили, что Сталин, который и при Ленине был авторитетным членом Политбюро ЦК, за короткий срок своей деятельности в отсутствие Ленина по болезни и после его кончины завоевал еще больший авторитет в партии и в стране, и они в данное время не видят в ЦК другого человека, который мог бы заменить Сталина. Делегаты съезда выражали уверенность, что Сталин, конечно, учтет указания Ленина и будет достойным Генеральным секретарем ЦК. Поэтому делегаты XIII съезда, а затем и Пленум ЦК высказались за избрание Сталина вновь Генеральным секретарем ЦК.

Даже Троцкий не возражал против этого, тем более Зиновьев и Каменев поддержали такое именно решение и голосовали за него.

Все сошлись на том, что именно такое решение принесет пользу единству партии, Советскому государству, союзу рабочих и крестьян, внешнему положению страны, международному коммунистическому движению.

Л. М. Каганович. Памятные записки.

Ленинский призыв

Желание сродниться с партией и продолжить дело Ленина после его смерти получило воплощение в стремлении передовых рабочих и крестьян вступить в РКП(б). В. В. Маяковский поэтически это передал так: «Стала / величайшим / коммунистом-организатором / даже / сама / Ильичева смерть».

Политик И. В. Сталин, поняв это массовое настроение, выступил инициатором принятия Пленумом ЦК РКП(б) Обращения «К партии, ко всем трудящимся!». В нем содержался призыв:

«Рабочие от станка, стойкие сторонники пролетарской революции — входите в РКП! Пролетарии! Шлите в ряды партии лучших, передовых, честных и смелых борцов!» ЦК РКП(б) вынес решение принять в партию 20 тысяч крестьян. ЦК внимательно следил за ходом ленинского призыва. Для его проведения был установлен трехмесячный срок — с 15 февраля до 15 мая 1924 года. Прием в партию по ленинскому призыву закончился к XIII съезду РКП(б). Всего было подано свыше 350 тысяч заявлений. Коммунистами стали более 241 тысячи, т. е. почти каждый третий член партии.

В большинстве своем это были молодые рабочие. Новый приток коммунистов изменил социальный состав партии, она значительно помолодела. Молодые коммунисты не были заражены идеями троцкизма и оппортунизма. Вместе с тем они были противовесом высокомерным и упрямым большевикам. Для ленинского набора в партию И. В. Сталин в апреле 1924 года выступил с серией лекций под общим заглавием «Основы ленинизма». В этих лекциях Сталин главный упор сделал на необходимость укрепления единства и дисциплины в партии, на руководящую роль партии по отношению к массам, на сохранение за диктатурой пролетариата поддержки со стороны крестьянства.

XIII съезд РКП(б) был первым съездом партии после смерти В. И. Ленина — организатора и вождя большевистской партии. И. В. Сталин занял прочное место в руководстве партии как единственный и последовательный продолжатель дела Ленина. Кандидатами в члены Политбюро были избраны Ф. Э. Дзержинский и М. В. Фрунзе. Расширился состав ЦК с 40 до 43 членов, а количество кандидатов в члены ЦК увеличилось с 17 до 34. Выдвинулись в основном работники местных партийных органов, поддерживающие курс, проводимый Сталиным. Вместе со Сталиным против Троцкого еще боролся Зиновьев. Теоретические ошибки Зиновьева и Каменева были убедительно

раскритикованы Сталиным.

Часть 4
Великие свершения СССР при Сталине

ГОЭЛРО

Раздумывая об индустриализации России, еще в марте 1921 года Сталин писал Ленину:

> «Тов. Ленин!
>
> Последние 3 дня я имел возможность прочесть сборник «План электрификации России». Болезнь помогла (нет худа без добра?). Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически производственной базы.
>
> Помните прошлогодний «план» Троцкого (его тезисы) «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии)? Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом Гоэлро! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной… А чего стоят десятки «единых планов», появляющиеся то и дело в нашей печати на позор нам, — детский лепет приготовишек… Или еще: обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина) Рыкова, все еще «критикующего» Гоэлро и по уши погрязшего в рутине… Мое мнение:
>
> 1) не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане;
>
> 2) начать немедленный практический приступ к делу;
>
> 3) интересам этого приступа подчинить по крайней мере 1/3 нашей работы (2/3 уйдет на «текущие» нужды) по ввозу материалов и людей, восстановлению предприятий, распределению рабочей силы, доставке продовольствия, организации баз снабжения и самого снабжения и пр.
>
> 4) Так как у работников Гоэлро, при всех хороших качествах, все же не хватает здорового практицизма (чувствуется в статьях профессорская импотентность), то

обязательно влить в плановую комиссию к ним людей живой практики, действующих по принципу «исполнение донести», «выполнить к сроку» и пр.

5) Обязать «Правду», «Известия», особенно «Экономическую Жизнь» заняться популяризацией «Плана электрификации» как в основном, так и в конкретностях, касающихся отдельных областей, памятуя, что существует *только один* «единый хозяйственный план», — это «план электрификации», что все остальные «планы» — одна болтовня, пустая и вредная.

6) Ваш Сталин».

Цит. по: И. В. Сталин. Сочинения. Т. 5.

Об экономической независимости России

Из выступления Генерального секретаря ЦК с политическим отчетом Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б) 18 декабря 1925 года:

«Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование. Что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует по сути дела свертывания нашей индустрии. Она получила свое выражение недавно в тезисах Шанина (может быть, кто-либо читал их в «Экономической жизни»). Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда, или почти никогда, не могла бы по-настоящему индустриализироваться, наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства.

Это не наша линия.

Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии с теми ресурсами, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строительства, которой держится партия и которой будет она держаться и впредь. Эта линия обязательна, пока есть капиталистическое окружение.

…Кстати, два слова об одном из источников резерва — о водке. Есть люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках. Это — грубейшая ошибка, товарищи. Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами и если, кроме того, мы не можем пойти в кабалу к западноевропейским капиталистам, не можем принять тех кабальных условий, которые они нам предлагают и которые мы отвергли, — то остается одно: искать источников в других областях. Это все-таки лучше, чем закабаление.

…Я хотел сказать два слова о новой буржуазии и ее идеологах — сменовеховцах. Сменовеховство — это идеология новой буржуазии, растущей и мало-помалу смыкающейся с кулаком и со служилой интеллигенцией. Новая буржуазия выдвинула свою идеологию, сменовеховскую идеологию, состоящую в том, что, по ее мнению, коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, причем незаметно для нас мы, большевики, оказывается, должны подойти к порогу демократической республики, должны потом перешагнуть этот порог, и с помощью какого-нибудь «цезаря», который выдвинется не то из военных, не то из гражданских чинов, мы должны очутиться в положении обычной буржуазной республики.

Такова эта новая идеология, которая старается морочить нашу служилую интеллигенцию и не только ее, а также и некоторые близкие нам круги. Я не буду опровергать положения о перерождении нашей партии. Не стоит глупость опровергать. Наша партия не перерождается и не переродится. Не из такого материала она склеена, и не таким человеком она выкована, чтобы переродиться. *(Аплодисменты.)*Кадры наши, и молодые и старые, растут в идейном отношении…

…Если я все-таки заговорил о сменовеховцах, то это для того, чтобы в двух словах ответить всем тем, которые рассчитывают на перерождение нашей партии и нашего ЦК. Устрялов — автор этой идеологии. Он служит у нас на транспорте: Говорят, что он хорошо служит. Я думаю, что ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено. Пусть себе мечтает на здоровье. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет. *(Аплодисменты.)»*

Стратегия социалистической индустрии

На V Всесоюзной конференции ВЛКСМ 20 марта 1927 года Сталин говорил:

«Основная линия, по которой должна пойти наша индустрия, основная линия, которая должна определять все ее дальнейшие шаги, — это есть линия систематического снижения себестоимости промышленной продукции, линия систематического снижения отпускных цен на промышленные товары. Это та столбовая дорога, по которой должна идти наша индустрия, если она хочет развиваться, если она хочет крепнуть, если она хочет вести за собой сельское хозяйство, если она хочет укреплять и расширять фундамент нашей социалистической экономики.

Линия эта определяется, по крайней мере, четырьмя основными причинами.

Первая причина состоит в том, что промышленность, базирующаяся на высоких ценах, не есть и не может быть настоящей промышленностью, ибо такая промышленность должна неизбежно выродиться в тепличное растение, которое не имеет и не может иметь жизнеспособности. Только промышленность, систематически снижающая цены на товары, только промышленность, базирующаяся на систематическом снижении себестоимости продукции, только промышленность, систематически улучшающая, стало быть, свое производство, технику и организацию труда, методы и формы управления хозяйством, — только такая промышленность нужна нам, ибо только она может развиваться вперед и только она может дать пролетариату полную победу.

Вторая причина состоит в том, что наша промышленность базируется на внутреннем рынке. Мы не можем и не имеем возможности конкурировать с капиталистами на заграничном рынке. Внутренний рынок является для нашей промышленности основным ее рынком. Но из этого следует, что наша промышленность может развиваться и крепнуть лишь в той мере, в какой будет развиваться и расширяться наш внутренний рынок, емкость этого рынка, массовый спрос на промышленные товары. А чем определяется расширение нашего внутреннего рынка, усиление его емкости? Оно определяется, между прочим, систематическим снижением цен на промышленные товары, т. е. той самой основной линией развития нашей промышленности, о которой я говорил выше.

Третья причина состоит в том, что без снижения цен на

промышленные товары, без систематического удешевления промышленных товаров немыслимо сохранить те условия, которые необходимы для дальнейшего подъема заработной платы рабочих. Во-первых, рабочие сами являются потребителями промышленных товаров, ввиду чего снижение цен на эти товары не может не иметь серьезного значения для сохранения и повышения реальной заработной платы. Во-вторых, снижение цен на промышленные товары определяет стабильность цен на сельскохозяйственные продукты, потребляемые в городах главным образом рабочими, что также не может не иметь серьезнейшего значения для сохранения и повышения реальной заработной платы рабочих. Может ли наше социалистическое государство не повышать систематически заработной платы рабочих? Нет, не может. Но из этого следует, что систематическое снижение цен на промышленные товары является одной из необходимейших предпосылок для поступательного повышения уровня жизни рабочего класса.

Наконец, четвертая причина состоит в том, что без снижения цен на промышленные товары мы не можем сохранить ту смычку между пролетариатом и крестьянством, между индустрией и крестьянским хозяйством, которая составляет базу диктатуры пролетариата в нашей стране. Вы знаете, что крестьянин переплачивает на промышленных товарах, на мануфактуре, на машинах и т. д. Вы знаете, что это обстоятельство вызывает серьезное недовольство среди крестьянства и затрудняет рост сельского хозяйства. А что из этого вытекает? А из этого вытекает лишь то, что мы должны проводить политику систематического снижения цен на промышленные товары, если мы действительно хотим сохранить смычку, сохранить союз рабочего класса и крестьянства и развить дальше сельское хозяйство».

О колхозах и совхозах

Из выступлений И. В. Сталина в различных районах Сибири в январе 1928 года.

«Колхозы и совхозы являются, как вам известно, крупными хозяйствами, способными применять тракторы и машины. Они являются более товарными хозяйствами, чем помещичьи и кулацкие хозяйства. Нужно иметь в виду, что наши города и наша промышленность растут и будут расти с каждым годом. Это необходимо для индустриализации страны. Следовательно, будет расти с каждым годом спрос на хлеб, а значит, будут расти и планы хлебозаготовок. Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем. Поэтому нужно добиться того, чтобы в течение ближайших трех-четырех лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба. Это оттеснило бы кулаков на задний план и дало бы основу для более или менее правильного снабжения хлебом рабочих и Красной Армии. Но для того, чтобы добиться этого, нужно развернуть вовсю, не жалея сил и средств, строительство колхозов и совхозов. Это можно сделать, и это мы должны сделать.

Но и это не все. Наша страна не может жить только сегодняшним днем. Мы должны подумать и о завтрашнем дне, о перспективах развития нашего сельского хозяйства, наконец — о судьбах социализма в нашей стране. Хлебная проблема есть часть сельскохозяйственной проблемы, а сельскохозяйственная проблема является составной частью проблемы строительства социализма в нашей стране. Частичной коллективизации сельского хозяйства, о которой я только что говорил, достаточно для того, чтобы более или менее сносно снабжать хлебом рабочий класс и Красную Армию, но ее совершенно недостаточно для того:

а) чтобы поставить на прочную базу вполне достаточное снабжение всей страны продовольствием с обеспечением необходимых резервов продовольствия в руках государства,

б) чтобы добиться победы социалистического строительства в деревне, в земледелии.

В настоящее время Советский строй держится на двух разнородных основах: на объединенной социализированной промышленности и на индивидуальном мелкокрестьянском хозяйстве, имеющем в своей основе частную собственность на средства производства. Может ли держаться долго на этих разнородных основах Советский строй? Нет, не может.

Ленин говорит, что пока в стране преобладает индивидуальное крестьянское хозяйство, рождающее капиталистов и капитализм, будет существовать опасность реставрации капитализма. Понятно, что, пока существует такая опасность, нельзя говорить серьезно о победе социалистического строительства в нашей стране.

Стало быть, для упрочения Советского строя и победы социалистического строительства в нашей стране совершенно недостаточно социализации одной лишь промышленности. Для этого необходимо перейти от социализации промышленности к социализации всего сельского хозяйства.

А что это значит?

Это значит, во-первых, что нужно постепенно, но неуклонно объединять индивидуальные крестьянские хозяйства, являющиеся наименее товарными хозяйствами, — в коллективные хозяйства, в колхозы, являющиеся наиболее товарными хозяйствами.

Это значит, во-вторых, что нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчика хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян.

Это значит, в-третьих, ликвидировать все источники, рождающие капиталистов и капитализм, и уничтожить возможность реставрации капитализма.

Это значит, в-четвертых, создать прочную базу для бесперебойного и обильного снабжения всей страны не только хлебом, но и другими видами продовольствия с обеспечением необходимых резервов для государства.

Это значит, в-пятых, создать единую и прочную социалистическую базу для Советского строя, для Советской власти.

Это значит, наконец, обеспечить победу социалистического строительства в нашей стране.

Таковы перспективы развития нашего сельского хозяйства.

Такова задача победоносного строительства социализма в нашей стране.

Задача непростая и трудная, но вполне осуществимая, ибо трудности существуют для того, чтобы преодолевать их и побеждать».

Две системы хозяйства

В Политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду партии 27 июня 1930 года И. В. Сталин следующим образом охарактеризовал отличия и преимущества советской системы хозяйства перед системой капиталистической:

«Что такое советская система хозяйства?

Советская система хозяйства означает, что:

1) власть класса капиталистов и помещиков свергнута и заменена властью рабочего класса и трудового крестьянства;

2) орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т. д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства;

3) развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне;

5) систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует трудящихся от кризисов перепроизводства, роста безработицы и нищеты;

6) рабочий класс и трудовое крестьянство являются хозяевами страны, работающими не на капиталистов, а на свой трудовой народ.

Что такое капиталистическая система хозяйства? Капиталистическая система хозяйства означает, что:

1) власть в стране принадлежит капиталистам;

2) орудия и средства производства сосредоточены в руках эксплуататоров;

3) производство подчинено не принципу улучшения материального положения трудящихся масс, а принципу обеспечения высокой капиталистической прибыли;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах улучшения материального положения трудящихся, а в интересах обеспечения максимума прибылей эксплуататоров;

5) капиталистическая рационализация и быстрый *рост*

производства, имеющие своей целью обеспечение высоких прибылей капиталистов, наталкиваются, как на преграду, на нищенское положение и *снижение* материальной обеспеченности миллионных масс трудящихся, не всегда имеющих возможность удовлетворить свои потребности даже в пределах крайнего минимума, что неизбежно создает почву для неминуемых кризисов перепроизводства, роста безработицы, нищеты масс;

6) рабочий класс и трудовые крестьяне являются эксплуатируемыми, работающими не на себя, а на чужой класс, на класс эксплуататоров.

Таковы преимущества *советской* системы хозяйства перед системой капиталистической.

Таковы преимущества *социалистической* организации хозяйства перед организацией *капиталистической.*

Вот где причина того, что у нас, в СССР, имеется растущий экономический подъем, а у них, у капиталистов, растущий экономический кризис».

Либо мы сделаем, либо нас сомнут

В речи «О задачах хозяйственников» на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности И. В. Сталин говорил 4 февраля 1931 года:

«Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно за твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная» — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать.

В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил накануне Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР».

Советский народ под водительством партии большевиков пробежал этот путь в основном за десять лет, и в 1941 году не

дрогнул перед фашистским агрессором, которого к нападению на СССР готовил весь капиталистический мир, а, собрав всю волю и все силы, преодолевая неимоверные трудности, в конечном итоге одержал Великую Победу.

Итоги первой пятилетки

В докладе на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 года И. В. Сталин говорил:

«Каковы итоги пятилетки в четыре года в области промышленности?

Добились ли мы победы в этой области?

Да, добились. И не только добились, а сделали больше, чем мы сами ожидали, чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии. Этого не отрицают теперь даже враги. Тем более не могут этого отрицать наши друзья.

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна-единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну-единственную базу текстильной промышленности — на севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры

европейской индустрии.

А все это привело к тому, что капиталистические элементы вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно, а социалистическая промышленность стала единственной формой индустрии в СССР.

А все это привело к тому, что наша страна из аграрной стала индустриальной…»

Цит. по: Сталин И. В. Сочинения. Т. 13.

Плановость и коллективизм

Из беседы И. В. Сталина с английским писателем Г.-Д. Уэллсом 23 июля 1934 года:

«УЭЛЛС. Я иногда брожу по белу свету и, как простой человек, смотрю, что делается вокруг меня.

СТАЛИН. Крупные деятели, вроде вас, не являются «простыми людьми». Конечно, только история сможет показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель, но, во всяком случае, вы смотрите на мир не как «простой человек».

УЭЛЛС. Я не собираюсь скромничать. Я имею в виду, что я стремлюсь видеть мир глазами простого человека, а не партийного политика или ответственного государственного деятеля. Моя поездка в Соединенные Штаты произвела на меня потрясающее впечатление. Рушится старый финансовый мир, перестраивается по-новому экономическая жизнь страны. Ленин в свое время сказал, что надо «учиться торговать», учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас постигнуть дух социализма. Мне кажется, что в Соединенных Штатах речь идет о глубокой реорганизации, о создании планового, то есть социалистического, хозяйства. Вы и Рузвельт отправляетесь от двух разных исходных точек. Но не имеется ли идейной связи, идейного родства между Вашингтоном и Москвой? Мне, например, бросилось в глаза в Вашингтоне то же, что происходит здесь: расширение управленческого аппарата, создание ряда новых государственных регулирующих органов, организация всеобъемлющей общественной службы. Так же, как и в вашей стране, им не хватает умения руководить.

СТАЛИН. У США другая цель, чем у нас, в СССР. Та цель, которую преследуют американцы, возникла на почве экономической неурядицы, хозяйственного кризиса. Американцы хотят разделаться с кризисом на основе частнокапиталистической деятельности, не меняя экономической базы. Они стремятся свести к минимуму ту разруху, тот ущерб, которые причиняются существующей экономической системой. У нас же, как вы знаете, на месте разрушенной старой экономической базы создана совершенно другая, новая экономическая база. Даже если те американцы, о которых вы говорите, частично добьются своей цели, т. е. сведут к минимуму этот ущерб, то и в этом случае они не уничтожат корней той анархии, которая свойственна существующей капиталистической системе. Они сохраняют тот экономический строй, который обязательно должен приводить, не может не приводить к анархии в производстве. Таким образом, в

лучшем случае речь будет идти не о перестройке общества, не об уничтожении старого общественного строя, порождающего анархию и кризисы, а об ограничении отдельных отрицательных его сторон, ограничении отдельных его эксцессов. Субъективно эти американцы, может быть, и думают, что перестраивают общество, но объективно нынешняя база общества сохраняется у них. Поэтому объективно никакой перестройки общества не получится.

Не будет и планового хозяйства. Ведь что такое плановое хозяйство, каковы некоторые его признаки? Плановое хозяйство стремится уничтожить безработицу. Допустим, что удастся, сохраняя капиталистический строй, довести безработицу до некоторого минимума. Но ведь ни один капиталист никогда и ни за что не согласится на полную ликвидацию безработицы, на уничтожение резервной армии безработных, назначение которой — давить на рынок труда, обеспечивать дешевле оплачиваемые рабочие руки. Вот вам уже одна прореха в «плановом хозяйстве» буржуазного общества. Плановое хозяйство предполагает, далее, что усиливается производство в тех отраслях промышленности, продукты которых особенно нужны народным массам. А вы знаете, что расширение производства при капитализме происходит по совершенно иным мотивам, что капитал устремляется в те отрасли хозяйства, где более значительна норма прибыли. Никогда вы не заставите капиталиста наносить самому себе ущерб и согласиться на меньшую норму прибыли, во имя удовлетворения народных нужд. Не освободившись от капиталистов, не разделавшись с принципом частной собственности на средства производства, вы не создадите планового хозяйства.

УЭЛЛС. Я согласен со многим из того, что вы сказали. Но я хотел бы подчеркнуть, что если страна в целом приемлет принцип планового хозяйства, если правительство понемногу, шаг за шагом, начинает последовательно проводить этот принцип, то, в конечном счете, будет уничтожена финансовая олигархия и водворится социализм в том смысле, в каком его понимают в англосаксонском мире. Рузвельтовские лозунги «нового порядка» имеют колоссальный эффект и, по-моему, являются социалистическими лозунгами. Мне кажется, что вместо того, чтобы подчеркивать антагонизм между двумя мирами, надо было бы в современной обстановке стремиться установить общность языка между всеми конструктивными силами.

СТАЛИН. Когда я говорю о невозможности осуществления принципов планового хозяйства при сохранении экономической базы капитализма, я этим ни в какой степени не хочу умалить

выдающиеся личные качества Рузвельта — его инициативу, мужество, решительность. Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт самая сильная фигура. Я поэтому хотел бы еще раз подчеркнуть, что мое убеждение в невозможности планового хозяйства в условиях капитализма вовсе не означает сомнения в личных способностях, таланте и мужестве президента Рузвельта. Но самый талантливый полководец, если обстановка ему не благоприятствует, не может добиться той цели, о которой вы говорите. Теоретически, конечно, не исключено, что можно в условиях капитализма понемногу, шаг за шагом, идти к той цели, которую вы называете социализмом в англосаксонском толковании этого слова. Но что будет означать этот «социализм»? В лучшем случае — некоторое обуздание наиболее необузданных отдельных представителей капиталистического профита, некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве. Все это хорошо. Но как только Рузвельт или какой-либо другой капитан современного буржуазного мира захочет предпринять что-нибудь серьезное против основ капитализма, он неизбежно потерпит полную неудачу. Ведь банки не у Рузвельта, ведь промышленность не у него, ведь крупные предприятия, крупные экономии — не у него. Ведь все это является частной собственностью. И железные дороги, и торговый флот — все это в руках частных хозяев. И, наконец, армия квалифицированного труда, инженеры, техники, они ведь тоже не у Рузвельта, а у частных хозяев, они работают на них. Нельзя забывать о функциях государства в буржуазном мире. Это — институт организации обороны страны, организации охраны «порядка», аппарат собирания налогов. Хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства. Поэтому я боюсь, что Рузвельт, несмотря на всю свою энергию и способности, не добьется той цели, о которой вы говорите, если вообще у него есть эта цель. Может быть, через несколько поколений можно было бы несколько приблизиться к этой цели, но я лично считаю и это маловероятным.

УЭЛЛС. Я, быть может, сильнее, чем вы, верю в экономическую интерпретацию политики. Благодаря изобретениям и современной науке приведены в действие громадные силы, ведущие к лучшей организации, к лучшему функционированию человеческого коллектива, т. е. к социализму. Организация и регулирование индивидуальных действий стали механической необходимостью, независимо от социальных теорий. Если начать с государственного контроля над банками,

затем перейти к контролю над транспортом, над тяжелой промышленностью, над промышленностью вообще, над торговлей и т. д., то такой всеобъемлющий контроль будет равносилен государственной собственности на все отрасли народного хозяйства. Это и будет процессом социализации. Ведь социализм, с одной стороны, и индивидуализм — с другой не являются такими же антиподами, как черное и белое. Между ними имеется много промежуточных стадий. Имеется индивидуализм, граничащий с бандитизмом, и имеется дисциплинированность и организованность, равносильная социализму. Осуществление планового хозяйства зависит в значительной степени от организаторов хозяйства, от квалифицированной технической интеллигенции, которую можно, шаг за шагом, завоевать на сторону социалистических принципов организации. А это самое главное. Ибо — сначала организация, затем социализм. Организация является наиболее важным фактором. Без организации идея социализма — всего лишь идея.

СТАЛИН. Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между «индивидуализмом» и социализмом нет. Но разве можно отрицать контраст между классами, между классом имущих, классом капиталистов и классом трудящихся, классом пролетариев? С одной стороны — класс имущих, в руках которых банки, заводы, рудники, транспорт, плантации в колониях. Эти люди не видят ничего, кроме своего интереса, своего стремления к прибыли. Они не подчиняются воле коллектива, они стремятся подчинить любой коллектив своей воле. С другой стороны — класс бедных, класс эксплуатируемых, у которых нет ни фабрик, ни заводов, ни банков, которые вынуждены жить продажей своей рабочей силы капиталистам и которые лишены возможности удовлетворить свои самые элементарные потребности. Как можно примирить такие противоположные интересы и устремления? Насколько я знаю, Рузвельту не удалось найти путь к примирению этих интересов. Да это и невозможно, как говорит опыт. Впрочем, вы знакомы с положением в Соединенных Штатах лучше, чем я, так

как я в США не бывал и слежу за американскими делами преимущественно по литературе. Но у меня есть кое-какой опыт по части борьбы за социализм, и этот опыт говорит мне: если Рузвельт попытается действительно удовлетворить интересы класса пролетариев за счет класса капиталистов, последние заменят его другим президентом. Капиталисты скажут: президенты уходят и приходят, а мы, капиталисты, остаемся; если тот или иной президент не отстаивает наших интересов, найдем другого. Что может противопоставить президент воле класса капиталистов?

УЭЛЛС. Я возражаю против этой упрощенной классификации человечества на бедных и богатых. Конечно, есть категория людей, стремящихся исключительно к наживе. Но разве этих людей не считают точно так же, как и здесь, помехой? Разве на Западе мало людей, для которых нажива не цель, которые обладают известными средствами, хотят их инвестировать, получают от этого прибыль, но совсем не в этом видят цель своей деятельности? Эти люди рассматривают инвестирование средств как неудобную необходимость. Разве мало талантливых и преданных инженеров, организаторов хозяйства, деятельность которых движется стимулами совсем иными, чем нажива? По-моему, имеется многочисленный класс попросту способных людей, сознающих неудовлетворительность нынешней системы и призванных сыграть большую роль в будущем, социалистическом обществе. Я много занимался последние годы и много думал о необходимости пропаганды идей социализма и космополитизма в широких кругах инженеров, летчиков, в военно-технических кругах и т. д. Подходить к этим кругам с прямолинейной пропагандой классовой борьбы — бесцельно. Это круги, понимающие, в каком состоянии находится мир, превращающийся в кровавое болото, но эти круги считают ваш примитивный антагонизм классовой борьбы нонсенсом.

СТАЛИН. Вы возражаете против упрощенной классификации людей на богатых и бедных. Конечно, есть средние слои, есть и та техническая интеллигенция, о которой вы говорите и в среде которой есть очень хорошие, очень честные люди. Есть в этой среде и нечестные, злые люди. Всякие есть. Но, прежде всего, человеческое общество делится на богатых и бедных, на имущих и эксплуатируемых, и отвлечься от этого основного деления и от противоречия между бедными и богатыми — значит отвлечься от основного факта. Я не отрицаю наличия промежуточных средних слоев, которые либо становятся на сторону одного из этих двух борющихся между собой классов, либо занимают в этой борьбе нейтральную или полунейтральную позицию. Но, повторяю,

отвлечься от этого основного деления общества и этой основной борьбы между двумя основными классами — значит игнорировать факты. Эта борьба идет и будет идти. Исход этой борьбы решается классом пролетариев, классом работающих».

Стахановское движение

Вспоминает рабочий-новатор Иван Иванович Гудов: «В зале заседаний ЦК ВКП(б), на Старой площади, началось Первое Всесоюзное совещание стахановцев промышленности и транспорта 1935 года. После того как выступили несколько человек, Сталин, наклонившись к Орджоникидзе, что-то ему сказал. Орджоникидзе поднялся и объявил:

— На этом совещание здесь закрываем. Переходим в Кремль, в Андреевский зал.

У здания ЦК партии стояли вызванные машины. Все поехали в Большой Кремлевский дворец.

Заняв места в зале Большого Кремлевского дворца, делегаты вдруг затихли на несколько минут, пока не появились руководители партии — члены Политбюро, народные комиссары. С этой минуты не умолкали аплодисменты — и до, и во время, и после каждого выступления. Не зал, а кипящий котел. Возбужденные, радостные лица, все вокруг меня выглядели необыкновенно красивыми, гордыми, полными достоинства. Ушло куда-то далеко все будничное, повседневное с заботами, тревогами.

Были в зале молодые и пожилые, коммунисты и беспартийные, мужчины и женщины. Всех захватила атмосфера братства. Недаром говорилось, что в Кремле проходит демонстрация единства партии и народа.

Вечером 17 ноября выступил И. В. Сталин. В его речи были поставлены злободневные вопросы стахановского движения. Особенно пришлись всем по душе слова: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится».

Затем Сталин поблагодарил нас, стахановцев, за учебу, и это вызвало бурю аплодисментов, овацию неописуемую.

Расходиться не хотелось. Мы спели «Интернационал», затем стали петь марш из кинофильма «Веселые ребята».

Сталин пел вместе со всеми, он вернул в зал всех направившихся к выходу членов Политбюро. Запевал Жданов. Пели мы долго, с энтузиазмом и подъемом. Так было — энтузиазм шел от чистого сердца.

Теперь я понимаю, что в отношении к Сталину в те годы создавалась атмосфера превозношения, преклонения, то, что после его смерти партия расценила как культ личности. Мы хорошо знаем тяжелые последствия этого культа. Партия осудила ошибки Сталина. Но история есть история, тут, как говорится, ни

прибавить, ни убавить. Культ — правда! Но и то правда, что в лице Сталина мы приветствовали саму партию. И было бы глупо забывать о том, как высоко партия оценила и подняла стахановское движение, распространив его по всей стране. А ведь было такое, когда в 50-х годах нашлись люди — я называю их людьми с нечистой совестью, — которые стали охаивать все, что было, как они выражались, «при Сталине». И индустриализация была «не так», и коллективизация — «не так», а народное стахановское движение, оказывается, было «шумихой». Ложилась тень на замечательные дела народа, совершенные в 30-е годы. Из печати, из нашей пропаганды стали исчезать даже слова «стахановец», «стахановское движение». Если верно говорят — что написано пером, того не вырубить и топором, то тем более верно, что рожденное народом движение стахановцев из истории не вытравить.

9 декабря 1935 года инициаторов стахановского движения наградили, а 27 января 1936 года в торжественной обстановке вручили ордена. После вручения орденов в зал заседания Президиума ЦИК пришли И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе и другие члены Политбюро. Орджоникидзе подозвал меня и повел знакомить со Сталиным.

Сталин внимательно посмотрел на меня, затем сказал:

— Молодец!

Только одно такое слово Сталина было тогда высочайшей наградой».

По книге И. И. Гудова «Судьба рабочего».

Часть 5
Сталинские репрессии. 1937 год

Сталин и Троцкий

Лион Фейхтвангер в книге «Москва 1937» пишет: «Мне кажется, что даже одной мелкой детали достаточно, чтобы ярко осветить превосходство Сталина над Троцким. Сталин дал указание поместить в большом официальном издании «Истории гражданской войны», редактируемом Горьким, портрет Троцкого. Между тем Троцкий в своей книге злобно отвергает все заслуги Сталина, оборачивая его качества в их противоположность, и книга его полна ненависти и язвительной насмешки по отношению к Сталину.

Троцкий представляется мне типичным только-революционером, очень полезный во времена патетической борьбы, он ни к чему не пригоден там, где требуется спокойная, упорная, планомерная работа вместо патетических вспышек. Мир и люди после окончания героической эпохи революции стали представляться Троцкому в искаженном виде. Он стал неправильно воспринимать вещи. В то время как Ленин давно приспособил свои взгляды к действительности, упрямый Троцкий продолжал крепко держаться принципов, оправдавших себя в героическо-патетическую эпоху, но не применимых при выполнении задач, выдвинутых потребностями текущего дня. Троцкий умеет — и это видно из его книги — в момент большого напряжения увлечь за особой массы. Он, вероятно, был способен в патетическую минуту зажечь массы порывом энтузиазма. Но он был неспособен ввести этот порыв в русло, «канализировать» его, обратив на пользу строительства великого государства. Это умеет Сталин.

Не подлежит сомнению, что расхождения во взглядах по решающим вопросам являются причиной большого конфликта между Троцким и Сталиным, и эти расхождения вытекают из глубоких противоречий. Различие характеров этих людей являлось причиной тому, что они приходили к противоположным выводам в важнейших вопросах русской революции — в национальном вопросе, в вопросе о роли крестьянства и возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Сталин утверждал, что полное осуществление социализма возможно и без мировой революции и что при соблюдении национальных интересов отдельных советских народов социализм может быть построен в одной, отдельно взятой стране; он считал, что русский крестьянин способен построить социализм. Троцкий это оспаривал. Он утверждал, что мировая революция является необходимой предпосылкой для построения социализма. Он

упорно держался марксистского учения об абсолютном интернационализме, защищал тактику перманентной революции и, приводя множество логических доводов, настаивал на правильности марксистского положения о невозможности построения социализма в одной стране.

Не позднее 1935 года весь мир признал, что социализм в одной стране построен и что, более того, эта страна вооружена и готова к защите от любого нападения.

Что же мог сделать Троцкий? Он мог молчать. Он мог признать себя побежденным и заявить о своей ошибке. Он мог примириться со Сталиным. Но он этого не сделал. Он не мог решиться на это. Человек, который раньше видел то, чего не видели другие, теперь не видел того, что было видно каждому ребенку. Питание было налажено, машины работали, сырье добывалось в невиданных ранее размерах, страна была электрифицирована, механизирована. Троцкий не хотел этого признать. Он заявил, что именно быстрый подъем и лихорадочные темпы строительства обусловливают непрочность этого строительства. Советский Союз — «государство Сталина», как он его называл, — должен рано или поздно потерпеть крах и без постороннего вмешательства, и он, несомненно, потерпит крах в случае нападения на него фашистских держав. И Троцкий разражался вспышками беспредельной ненависти к человеку, под знаменем которого осуществлялось строительство.

Попробуем теперь представить себе Сталина.

У него были идеи. Он проявил себя организатором. Но Сталин не ослеплял; он оставался в тени рядом со сверкающим, суетливым Троцким. Троцкий хороший оратор, пожалуй, лучший из существующих. Он очаровывает. Сталин говорит не без юмора, но пространно, рассудительно. Он упорным трудом завоевывал себе популярность, которая другому легко давалась. Своим успехом он обязан только себе.

Блеск Троцкого, не всегда неподдельный, в продолжение многих лет мешал заметить действительные заслуги Сталина. Но наступило время, когда идеи только-борца Троцкого начали становиться ошибочными и подгнивать; первым это заметил и высказал Сталин. Уже в декабре 1924 года Сталину стало окончательно ясно, что, в противоположность прежней теории, построение полного социалистического общества в одной, отдельно взятой стране возможно. Уже тогда он последовательно, более отчетливо и в более острых формулировках, чем Ленин, указал путь к этому построению — усиленная индустриализация страны и объединение крестьян в артели. Он в ясных словах провозгласил то, что до сих пор оспаривалось, а именно: при

правильной политике партии решающая часть русского крестьянства может быть втянута в социалистическое общество, и он обосновал это утверждение простыми, убедительными и неопровержимыми аргументами.

Дело Сталина процветало, добыча угля росла, росла добыча железа и руды: сооружались электростанции; тяжелая промышленность догоняла промышленность других стран; строились города; реальная заработная плата повышалась, мелкобуржуазные настроения крестьян были преодолены, их артели давали доходы — все более возрастающей массой они устремлялись в колхозы. Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его «умножителем» во всех отношениях. Сталинское строительство росло и крепло. Но Сталин должен был заметить, что все еще имелись люди, которые не хотели верить в это реальное, осязаемое дело, которые верили тезисам Троцкого больше, чем очевидным фактам».

Докатились

Эта статья впервые была напечатана в одиннадцатом томе Сочинений И. В. Сталина

«Необходимость со всей ясностью поставить вопрос о троцкистской подпольной организации диктуется всей ее деятельностью последнего времени, которая заставляет партию и Советскую власть относиться к троцкистам принципиально иначе, чем относилась к ним партия до XV съезда.

7 ноября 1927 года открытое выступление троцкистов на улице было тем переломным моментом, когда троцкистская организация показала, что она порывает не только с партийностью, но и с советским режимом.

Этому выступлению предшествовал целый ряд антипартийных и антисоветских действий: насильственный захват государственного помещения для собрания (МВТУ), организация подпольных типографий и т. п. Однако до XV съезда партия в отношении троцкистской организации все еще принимала меры, которые свидетельствовали о желании руководства партии добиться исправления троцкистов, добиться признания ими своих ошибок, добиться возвращения на путь партийности. В течение нескольких лет, начиная с дискуссии 1923 года, партия терпеливо проводила эту линию — линию, главным образом, идеологической борьбы. И даже на XV съезде партии речь шла о таких именно мерах против троцкистской организации, несмотря на то, что троцкисты «от разногласий тактического характера перешли к разногласиям программного характера, ревизуя взгляды Ленина и скатившись к позиции меньшевизма». (Резолюция XV съезда.)

Год, прошедший со времени XV съезда, показал правильность решения XV съезда, исключившего активных деятелей троцкистов из партии. В течение 1928 года троцкисты завершили свое превращение из подпольной антипартийной группы в подпольную антисоветскую организацию. В этом то новое, что заставило в течение 1928 года органы Советской власти принимать репрессивные мероприятия по отношению к деятелям этой подпольной антисоветской организации.

Не могут органы власти пролетарской диктатуры допускать, чтобы в стране диктатуры пролетариата существовала подпольная антисоветская организация, хотя бы и ничтожная по числу своих членов, но имеющая все же свои типографии, свои комитеты, пытающаяся организовать антисоветские стачки, скатывающаяся к подготовке своих сторонников к гражданской

войне против органов пролетарской диктатуры. Но именно до этого докатились троцкисты, бывшие некогда фракцией внутри партии и ставшие теперь подпольной антисоветской организацией.

Понятно, что все, что есть в стране антисоветского, меньшевистского, все это выражает сочувствие троцкистам и группируется теперь вокруг троцкистов.

Борьба троцкистов против ВКП(б) имела свою логику, и эта логика привела троцкистов в антисоветский лагерь. Троцкий начал с того, что советовал своим единомышленникам в январе месяце 1928 года бить по руководству ВКП(б), не противопоставляя себя СССР. Однако ввиду логики борьбы Троцкий пришел к тому, что свои удары против руководства ВКП(б), против руководящей силы пролетарской диктатуры, неизбежно направил против самой диктатуры пролетариата, против СССР, против всей нашей советской общественности.

Троцкисты пытались дискредитировать всеми путями в глазах рабочего класса руководящую в стране партию и органы Советской власти. Троцкий в директивном письме от 21.X.1928 г., посланном за границу и опубликованном не только в органе печати ренегата Маслова, но и в белогвардейских органах («Руль» и др.), выступил с клеветническими антисоветскими заявлениями о том, что существующий в СССР строй является «керенщиной наизнанку», призывает организовывать стачки, срывать кампанию коллективных договоров и подготовляет по сути дела свои кадры к возможности новой гражданской войны.

Другие троцкисты прямо говорят о том, что не надо «останавливаться ни перед чем, ни перед какими писаными и неписаными уставами» в деле подготовки к гражданской войне.

Клевета на Красную Армию и на ее руководителей, которая распространяется троцкистами в подпольной и иностранной ренегатской печати, а через нее в зарубежной белогвардейской печати, свидетельствует о том, что троцкисты не останавливаются перед прямым натравливанием международной буржуазии на Советское государство».

Не быть застигнутым врасплох

Говоря о большевистской партии, о комсомоле, о профсоюзах, о наших силах вообще, И. В. Сталин в речи на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 года предупреждал:

«Нельзя утешать себя тем, что в партии у нас миллион членов, в комсомоле — два миллиона, в профсоюзах — десять миллионов, что этим все обеспечено для окончательной победы над врагами. Неверно это, товарищи. История говорит, что самые большие армии гибли от того, что они зазнавались, слишком много верили в свои силы, слишком мало считались с силой врагов, отдавались спячке, теряли боевую готовность и в критическую минуту оказывались застигнутыми врасплох.

Самая большая партия может быть застигнута врасплох, самая большая партия может погибнуть, если она не учтет уроков истории, если она не будет ковать изо дня в день боевую готовность своего класса. Быть застигнутыми врасплох — это опаснейшее дело, товарищи. Быть застигнутыми врасплох — это значит стать жертвой «неожиданностей», жертвой паники перед врагом. А паника ведет к распаду, к поражению, к гибели».

Сталин и Киров

Отношения И. В. Сталина и С. М. Кирова, по свидетельству близко знавших их людей, были отношениями не просто единомышленников, а больших друзей.

Вместе со Сталиным Киров и другие деятели партии составили то руководящее ядро, которое сплотило партию вокруг заветов Ленина. В борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией Киров отстаивал дело индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и развития передовой науки и техники. В своих ярких и убедительных речах он не славословил Сталина, а разъяснял, что «могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека обеспечивают партии своевременное проведение больших исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализма».

Сотрудники охраны Сталина пишут, что он любил Кирова «какой-то трогательной, нежной любовью», что «приезды т. Кирова в Москву и на юг были для Сталина настоящим праздником. Приезжал Сергей Миронович на неделю, две. В Москве он останавливался на квартире у т. Сталина, и И.В. буквально не расставался с ним», что весь период Семнадцатого съезда «даже спал на сталинской кровати, а хозяин довольствовался диваном». О большой дружбе Сталина с Кировым пишет и Светлана Аллилуева, отмечая, что они, дети, души не чаяли в Сергее Мироновиче.

Убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 года было ударом для И. В. Сталина. Охранник А. Т. Рыбин так описывает состояние И. В. Сталина: «Потрясенный смертью Сергея Мироновича, Сталин за эти дни осунулся и почернел, оспины на лице стали виднее. Поцеловав покойного Кирова в губы, он еле слышно выдохнул: «Прощай, дорогой друг». После смерти жены у него не было более близкого человека».

В «Секретном докладе» на XX партийном съезде Н. С. Хрущев голословно обвинил И. В. Сталина в убийстве С. М. Кирова. Хрущев требовал во что бы то ни стало найти «неопровержимые доказательства» вины Сталина, с этой целью создал специальную комиссию ЦК КПСС во главе с кандидатом в члены Президиума ЦК академиком П. Н. Поспеловым. Петр Николаевич рассказывал, что он, член партии с апреля 1917 года, историк партии, несмотря на давление Хрущева, не мог поступиться партийной и научной совестью и откровенно сказал, что таких документов нет и не может быть. За это сразу же был выведен Хрущевым из

состава Президиума ЦК КПСС.

И все же ложь Хрущева продолжает гулять по страницам печати и «солидным» трудам бесчестных людей.

Одним из доводов об ответственности Сталина за убийство Кирова выдвигается версия, что он мог стать соперником Сталина — Генерального секретаря ЦК партии, теоретика марксизма-ленинизма.

Да, Киров показал себя блестящим пропагандистом марксизма уже в годы работы на Кавказе. Он в газете «Терек» выступал с глубокими статьями по истории русской философии и литературы. В 20-е годы доказывал необходимость развертывания теоретической работы в партии, соединения теории и практики. В 30-е годы вместе со Ждановым Киров стал соавтором Сталина по разработке новой концепции истории СССР и новой истории.

В 1947–1948 годах я работал над диссертацией о С. М. Кирове как марксисте-ленинце. Мне довелось на этот счет слышать мнение академика Г. Ф. Александрова, начальника Управления пропаганды и агитации ЦК партии, и секретаря ЦК партии А. А. Жданова. Они говорили: сравните сборники статей и речей Сталина и Кирова, например, по вопросам ленинизма. Сталинские работы глубоко и доступно излагают и теоретически обосновывают ленинизм. Киров призывает изучать ленинизм, знать жизнь Ленина, как говорил он, «от доски до доски, знать его великие заповеди до последней запятой». Или о троцкизме. У Сталина — обстоятельные работы, раскрывающие несостоятельность троцкизма, вскрывающие суть и опасность борьбы троцкистов против Ленина, против партии большевиков, против социализма. Киров умел подойти к массе, к рабочим, с едким сарказмом разоблачал троцкистскую ложь. Киров восстановил поколебленные оппозиционерами единство и сплоченность большевистских организаций города Ленина. Пламенный трибун. Однако Киров не та личность, кто мог бы быть тогда Генеральным секретарем вместо Сталина. В середине 1934 года Сталин предложил члену Политбюро Кирову переехать в Москву и занять должность секретаря ЦК партии, чтобы в том числе курировать НКВД. Киров не отказался, но попросил немного повременить. В Кирове в то время Сталин видел одного из ближайших и надежнейших своих сподвижников.

С. М. Киров был большевиком ленинской формации. Его любили везде, где он работал — в Томске и на Северном Кавказе, в Астрахани и в Тбилиси, в Баку и в Ленинграде. Были у Кирова и враги из лагеря троцкистов и зиновьевцев, которые сумели опутать далекого от политики и неудачника в личной жизни его убийцу Николаева.

Вот фрагменты из открытого судебного процесса 6 августа 1936 года, по которому проходили Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев и другие.

«ВЫШИНСКИЙ (Бакаеву): — Но поводу убийства С. М. Кирова договаривались?

М. В. БАКАЕВ: — Мне не нужно было договариваться, потому что директива об убийстве была дана Зиновьевым и Каменевым.

ВЫШИНСКИЙ: Но вам говорил Николаев, что он решил совершить убийство Кирова?

БАКАЕВ: Говорил он и другие террористы — Левин, Мандельштам, Котолынов, Румянцев.

ВЫШИНСКИЙ: Разговор был об убийстве Кирова?

БАКАЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Он проявил свою решимость. А вы как относились к этому?

БАКАЕВ: Положительно.

На дальнейшие вопросы Вышинского отвечали обвиняемые Зиновьев и Каменев.

ВЫШИНСКИЙ: Обвиняемый Зиновьев, и вы были организатором убийства товарища Кирова?

ЗИНОВЬЕВ: По-моему, Бакаев прав, когда он говорит, что действительными и главными виновниками злодейского убийства Кирова явились в первую очередь я — Зиновьев, Троцкий и Каменев, организовав объединенный террористический центр. Бакаев играл в нем крупную, но отнюдь не решающую роль.

ВЫШИНСКИЙ: Решающая роль принадлежит вам, Троцкому и Каменеву.

Обвиняемый Каменев, присоединяетесь ли вы к заявлению Зиновьева, что главными организаторами были вы, Троцкий и Зиновьев, а Бакаев играл роль практического организатора?

КАМЕНЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Убийство Кирова — это дело ваших рук?

КАМЕНЕВ: Да».

Убийство С. М. Кирова показало, что борьба с врагами партии далеко не окончена, что они, враги, не ограничатся убийством одного из выдающихся организаторов социалистического строительства, яркого трибуна партии и ближайшего соратника И. В. Сталина. Ответом на злодейское убийство Кирова стало повышение революционной бдительности, усиление борьбы за чистоту рядов партии, укрепление единства партии и народа.

Политическая беспечность

В докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» на мартовском 1937 года Пленуме ЦК ВКП(б) Генеральный секретарь ЦК И. В. Сталин указывал:

«Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева — Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс «зиновьевско-троцкистского блока» расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охранки, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное

средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

«Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства, как единственные средства обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

«Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против Советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани, — все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем объяснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем объяснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть, наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть, они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных факторов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика».

Об агентах влияния буржуазных разведок

«У нас, — говорил И. В. Сталин на мартовском 1937 года Пленуме ЦК ВКП(б), — принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдумываться, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь именно он и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушения на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия.

Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами, и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими. Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами. Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к Советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что, пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи, и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох…»

Какая правда?

Утверждают, что если Ленин называл Тухачевского «поручик-коммунист» и встречался с ним, то вот-де Сталин возненавидел Тухачевского еще со времен Гражданской войны и интервенции западных стран. Да, на разных фронтах Гражданской не раз пересекались пути-дороги Сталина и Тухачевского.

К примеру, в 1920 году так скрестились судьбы Ленина, Тухачевского и Сталина.

Командарм Тухачевский написал Ленину: «Если за два почти года командования различными армиями я имею какие-либо заслуги, то прошу дать мне использовать свои силы в живой работе, и если таковой не найдется на фронте, то прошу дать ее в деле транспорта или военкомиссаров». 24 января его назначили временно исполняющим обязанности командующего войсками Кавказского фронта. 3 февраля Тухачевский прибыл в Саратов, где располагался штаб фронта.

В это время, в 1920 году, наступление Красной Армии на Кавказском направлении явно захлебывалось, в войсках пала дисциплина, снизился боевой дух. Командующий В. И. Шорин с положением дел на фронте не справлялся. В связи с неправильным использованием 1-й Конной армии С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов просили члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта И. В. Сталина вмешаться в дела Кавказского фронта (ранее называвшегося Юго-Западным фронтом). Сталин 3 февраля по прямому проводу сообщил Буденному и Ворошилову:

«Дней восемь назад, в бытность мою в Москве, я добился отставки Шорина и назначения нового комфронта Тухачевского — завоевателя Сибири и победителя Колчака. Он сегодня только прибыл в Саратов и на днях примет командование фронтом». Тухачевский вполне справился с обязанностями комфронта. Запрашивая о положении на Северном Кавказе, Ленин заодно поинтересовался, как идут дела у Тухачевского.

Теперь о 30-х годах. В ноябре 1935 года выдающимся полководцам Гражданской войны и крупным военным деятелям В. К. Блюхеру, С. М. Буденному, К. Е. Ворошилову, А. И. Егорову и М. Н. Тухачевскому было присвоено высшее воинское звание Маршал Советского Союза, впервые введенное в Советском государстве. В 1935 году М. Н. Тухачевский опубликовал статью «Военные планы нынешней Германии». Сохранилась правка этой статьи И. В. Сталиным. В статье говорилось об «антисоветских и реваншистских планах Гитлера», его курсе на быстрое создание «гигантских вооруженных сил». Тухачевский придавал большое

значение позиционной форме боевых действий. Вместе с тем он был против введения новых образцов боевой техники, например, знаменитой 76-мм пушки В. Г. Грабина, что вынудило конструктора просить помощи у И. В. Сталина.

В составе советской делегации М. Н. Тухачевский в феврале 1936 года участвовал в Лондоне в похоронах английского короля Георга V. На обратном пути он останавливался в Париже. Там были встречи с официальными лицами Франции. В это время шли трудные переговоры с Англией и Францией о создании совместного фронта борьбы с гитлеровской Германией.

Рассказывают, что, когда М. Н. Тухачевский докладывал на Политбюро ЦК партии о своих визитах в Англию и Францию, И. В. Сталин спросил его, почему в один из вечеров Тухачевского не было с товарищами по делегации. Тухачевский дал неубедительный ответ. Тогда Сталин спросил, а почему Тухачевский отлучался в гражданском костюме. Тухачевский сказал, что был у женщины. Сталин попросил уточнить, кто же эта женщина. Тухачевский расценил это как ненужное вмешательство. Сталин попросил подтвердить: может, это была не женщина, а Шарль де Голль? Тухачевский признался, что он действительно навещал де Голля, с которым в Первую мировую войну томился в германском плену. Сталин говорил, что на заседаниях Политбюро недопустимо виляние и надо знать, что де Голль не рядовой офицер, а находится на высоком посту генерального секретаря Высшего совета обороны Франции и отличается злобным антисоветизмом.

На заседании Политбюро ЦК партии 24 мая 1937 года рассматривался вопрос о «заговоре в РККА». В книге Шетинова Ю. А., Старкова Б. А. «Красный маршал» (М., 1990) отмечается: «В принятом постановлении упоминалось личное послание Э. Бенеша И. В. Сталину от 8 мая 1937 года и присланные из Праги документы. Здесь же были сформулированы основные обвинения в адрес Тухачевского и других военачальников. «Заговорщики» якобы планировали «во взаимодействии с германским Генеральным штабом и гестапо… в результате военного переворота свергнуть Сталина и Советское правительство, а также все органы партии и Советской власти, установить… военную диктатуру». Это должно было произойти с помощью «антикоммунистического национального правительства, связанного с Германией» и имевшего целью «предоставить Германии за ее помощь особые привилегии внутри Советского Союза» и сделать ей «территориальные уступки» на Украине, уже не говоря о расторжении союза с Францией и Чехословакией.

25 мая Тухачевский был допрошен и собственноручно

написал:

«Народному комиссару внутренних дел Н. И. Ежову

Будучи арестован 22 мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 25 мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932 году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузов, Примаков, Путна и др., о чем подробно покажу дополнительно.

Тухачевский.

27.5.37».

25 мая членам и кандидатам в члены ЦК была направлена анкета для голосования, в которой Сталин от имени Политбюро предлагал на основании изобличающих данных исключить М. Н. Тухачевского, а также еще одного опального — бывшего кандидата в члены Политбюро Я. Э. Рудзутака — из партии и передать их дела в НКВД. Все единогласно высказались «за».

И. В. Сталин лично занимался вопросами следствия по делу о «военном заговоре». Получал протоколы допросов арестованных и почти ежедневно принимал Н. И. Ежова. Ряд допросов подследственных проводился и с участием членов Политбюро ЦК.

С 1 по 4 июня 1937 года в Кремле на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны СССР с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался доклад К. Е. Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Кроме постоянных членов, на Военном совете присутствовало 116 военных работников с мест и из центрального аппарата Наркомата обороны. На второй день работы Военного совета выступил И. В. Сталин. Он подтвердил, что в стране был «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами». Про Тухачевского сказал: «Он оперативный план наш, оперативный план — наше святая святых — передал немецкому рейхсверу. Имел свидания с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион…»

На открытом судебном процессе было установлено, что Тухачевский разработал несколько вариантов, один из которых предусматривал проникновение заговорщиков в Кремль, захват кремлевской телефонной станции, убийство руководителей партии и правительства. Гамарник со своими отрядами должен был захватить здание Наркомата внутренних дел, убить Молотова и Ворошилова. Розенгольц должен был добиться приема у

Сталина и убить его в кабинете в Кремле.

Все это планировалось на май 1937 года. Тухачевский торопил с военным заговором.

11 мая 1937 года Тухачевский был арестован. 11 июня 1937 года М. Н. Тухачевский и семь представителей начальствующего состава предстали перед Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР, в состав которого входил маршал Советского Союза В. К. Блюхер. Приговорен М. Н. Тухачевский был к «высшей мере уголовного наказания — расстрелу». Через 24 часа, 12 июня 1937 года, приговор приведен в исполнение.

Процессы

«1937 год был необходим, — утверждал В. М. Молотов в беседе с писателем Ф. И. Чуевым. — Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны». Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но, если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в 37-м, была правильной. Документы скрыты пока, со временем ясность будет внесена. Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было».

Все это Молотов сказал в ответ на бытующее суждение о том, что, если бы не погибли Тухачевский и Якир, у нас не было бы такого страшного начала войны.

— Это модная фальсификация, — сказал он.

Московские процессы

В книге «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей» Лион Фейхтвангер пишет:

«Объяснять эти процессы — Зиновьева и Радека — стремлением Сталина к господству и жаждой мести было бы просто нелепо. Иосиф Сталин, осуществивший, несмотря на сопротивление всего мира, такую грандиозную задачу, как экономическое строительство Советского Союза, марксист Сталин не станет, руководствуясь личными мотивами, как какой-то герой из классных сочинений гимназистов, вредить внешней политике своей страны и тем самым серьезному участку своей работы.

С процессом Зиновьева и Каменева я ознакомился по печати и рассказам очевидцев. На процессе Пятакова и Радека я присутствовал лично. Во время первого процесса я находился в атмосфере Западной Европы, во время второго — в атмосфере Москвы. В первом случае на меня действовал воздух Европы, во втором — Москвы, и это дало мне возможность особенно остро ощутить ту грандиозную разницу, которая существует между Советским Союзом и Западом.

Я взял протоколы процесса, вспомнил все, что я видел собственными глазами и слышал собственными ушами, и еще раз взвесил все обстоятельства, говорившие «за» и «против» достоверности обвинения.

…Люди, верящие в свое дело, зная, что они обречены на смерть, не изменяют ему в свой последний час. Они хватаются за последнюю возможность обратиться к общественности и используют свое выступление в целях пропаганды своего дела. Сотни революционеров перед судом Гитлера заявляют: «Да, я совершил то, в чем вы меня обвиняете. Вы можете меня уничтожить, но я горжусь тем, что я сделал». Таким образом, сомневающиеся правы, спрашивая: почему ни один из этих троцкистов так не говорил? Почему ни один из этих троцкистов не сказал: «Да, ваше «государство Сталина» построено неправильно. Прав Троцкий. Все, что я сделал, хорошо. Убейте меня, но я защищаю свое дело».

Эти троцкисты не говорили так просто потому, что они больше не верили в Троцкого, потому что внутренне они уже не могли защищать то, что они совершили, потому что их троцкистские убеждения были до такой степени опровергнуты фактами, что люди зрячие не могли больше в них верить. Что же оставалось им делать, после того как они стали на неправую сторону? Им ничего другого не оставалось — если они были

убежденными социалистами, — как в последнем выступлении перед смертью признаться: социализм не может быть осуществлен тем путем, которым мы шли, — путем, предложенным Троцким, а только другим путем — путем, предложенным Сталиным.

Фракционность, не имеющая серьезного значения в мирной обстановке, может в условиях войны представить огромную опасность. После убийства Кирова дела о троцкистах в Советском Союзе разбирают военные суды. Эти люди стояли перед военным судом, и военный суд их осудил.

Советский Союз имеет два лица. В борьбе лицо Союза — суровая беспощадность, сметающая со своего пути всякую оппозицию. В созидании его лицо — демократия, которую он объявил в Конституции своей конечной целью. И факт утверждения Чрезвычайным съездом новой Конституции как раз в промежутке между двумя процессами — Зиновьева и Радека — служит как бы символом этого».

Недруги тогда писали: поскольку Лион Фейхтвангер оправдывал эти процессы, его книгу немедленно перевели на русский язык и огромным тиражом напечатали в СССР. Уже осенью 1937 года она продавалась в магазинах «Книга».

Теперь пишут, что немецкий писатель не разобрался в сути происходивших в 1937 году в Москве процессов, а поэтому наблюдениям и выводам Лиона Фейхтвангера не надо доверять. Заодно не говорят, что 1937 год — год разработки третьей пятилетки, первых выборов в Верховный Совет СССР, год 100-летия со дня гибели А. С. Пушкина.

Два вызова

«Когда в 1937 году я, — говорил И. А. Бенедиктов журналисту и ученому В. Литову, — зашел в свой кабинет в Наркомате совхозов РСФСР, то обнаружил на столе повестку — срочный вызов в НКВД. Особого беспокойства это не вызвало. Следователь спросил, что я могу сказать о двух сотрудниках. Не задумываясь, ответил, что они отличные специалисты, преданные партии, Сталину. Мне дали прочитать заявление о «вредительской деятельности в наркомате Бенедиктова И. А.», которую он осуществлял в течение нескольких лет «по заданию германской разведки», подписанное этими двумя сотрудниками. Прочитав, я похолодел. На вопрос следователя сказал, что в Германии действительно была закуплена непригодная для наших условий сельскохозяйственная техника. Это произошло от моего незнания, неумения, недостатка опыта. Но следователю подтвердил, что по-прежнему этих сотрудников считаю честными коммунистами. На прощание следователь сказал, что отчаиваться не надо, к определенному выводу они пока не пришли.

Не помню, как добрался домой. С женой мы обзвонили друзей, написали открытки и письма родным и близким, чтобы им не повредила связь с семьей «врага народа». С мрачными мыслями пришел на работу, стараясь вникнуть в смысл поступивших бумаг. Раздался телефонный звонок — меня приглашали в Центральный Комитет партии утром следующего дня. «Все ясно, — убито подумал я, — исключат из партии, а потом суд». Жена проплакала всю ночь. А наутро собрала мне небольшой узелок с вещами, с которым и направился в Центральный Комитет. При регистрации мне сказали, чтобы оставить у дверей узелок. Почти не вникал в смысл выступлений, ждал, когда же назовут мою фамилию, начнут клеймить позором. Фамилию наконец назвал… Сталин.

— Бюрократизм в наркомате не уменьшается, — медленно и веско сказал он… — Все мы уважаем наркома — старого большевика, ветерана, но с бюрократизмом он не справляется, да и возраст не тот. Мы тут посоветовались и решили укрепить руководство отрасли. Предлагаю назначить на пост наркома молодого специалиста товарища Бенедиктова. Есть возражения? Нет? Будем считать вопрос решенным.

Через несколько минут, когда все стали расходиться, ко мне подошел Ворошилов: «Иван Александрович, вас просит к себе товарищ Сталин».

В просторной комнате заметил хорошо знакомые по

портретам лица членов Политбюро Молотова, Кагановича, Андреева.

— А вот и наш новый нарком, — сказал Сталин, когда я подошел к нему. — Ну как, согласны с принятым решением или есть возражения?

— Есть, товарищ Сталин, и целых три.

— А ну!

— Во-первых, я слишком молод, во-вторых, мало работаю в новой должности — опыта, знаний не хватает.

— Молодость — недостаток, который проходит. Жаль только, что быстро. Нам бы этого недостатка, да побольше, а, Молотов? — Тот как-то неопределенно хмыкнул, блеснув стеклами пенсне. — Опыт и знания — дело наживное, — продолжал Сталин, — была бы охота учиться, а у вас ее, как мне говорили, вполне хватает. Впрочем, не зазнавайтесь — шишек мы вам еще много набьем. Настраивайтесь на то, что будет трудно, наркомат запущенный. Ну а в-третьих?

Тут я и рассказал Сталину про вызов в НКВД. Он нахмурился, помолчал, а потом, пристально посмотрев на меня, сказал:

— Отвечайте честно, как коммунист: есть ли какие-нибудь основания для всех этих обвинений?

— Никаких, кроме моей неопытности и неумения.

— Хорошо, идите, работайте. А мы с этим делом разберемся.

Только на второй день после этого разговора, когда мне по телефону позвонил один из секретарей ЦК, я понял, что гроза прошла мимо. А узелок, кстати, в этот же день прислали из ЦК в наркомат — я был настолько ошеломлен, что совсем про него забыл…

— Видимо, Сталину просто неудобно было отменять уже принятое решение, и это вас спасло…

— Не думаю. За многие годы работы я не раз убеждался, что формальные соображения или личные амбиции для него мало значили. Сталин обычно исходил из интересов дела и, если требовалось, не стеснялся изменять уже принятые решения, ничуть не заботясь о том, что об этом подумают или скажут. Мне просто сильно повезло, что дело о моем мнимом «вредительстве» попало под его личный контроль. По вопросам, касавшимся судеб обвиненных во вредительстве людей, Сталин в тогдашнем Политбюро слыл либералом. Как правило, он становился на сторону обвиняемых и добивался их оправдания, хотя, конечно, были и исключения. Обо всем этом очень хорошо написал в своих мемуарах бывший первый секретарь Сталинградского обкома партии Чуянов. Да и сам я несколько раз был свидетелем стычек Сталина с Кагановичем и Андреевым, считавшимися в этом

вопросе «ястребами». Смысл сталинских реплик сводился к тому, что даже с врагами народа надо бороться на почве законности, не сходя с нее.

Репрессии 30-х и отчасти 40-х гг. вызваны главным образом объективными факторами. Прежде всего, конечно, бешеным сопротивлением явных и особенно скрытых врагов Советской власти. Первых было значительно меньше, чем вторых, и в этом-то и состояла вся трудность.

Далеко не все, кто в результате Октябрьской революции потерял богатство, привилегии, возможность жить за счет труда других, бежали за границу. Немало этих людей, воспользовавшись сумятицей и неразберихой первых послереволюционных лет, сумели пробраться в государственный, партийный аппарат, даже в НКВД. Тем более что образованных людей, квалифицированных специалистов не хватало всюду. Потенциальной «пятой колонной» была значительная часть дореволюционной интеллигенции, утратившей ряд привилегий и льгот, особенно материального плана, и перешедшей на работу в советский аппарат, как говорится, «скрепя сердце», не имея другой альтернативы… К этой «пятой колонне» относились и бывшие нэпманы либо ненавидевшие Советскую власть кулаки, часть среднего крестьянства и некоторые рабочие, пострадавшие в результате эксцессов и разгула стихии, которыми неизбежно сопровождаются любая революция и крупные социальные преобразования. Меньшую, но вполне ощутимую опасность представляла и деятельность ушедших в подполье буржуазных, мелкобуржуазных и даже монархически настроенных политических групп и группок, ряд которых поддерживал регулярные связи с эмигрантскими кругами. Все это было не выдумкой Сталина или НКВД, а самой что ни на есть прозаической реальностью.

Конечно, противники Советской власти, а их суммарно было, видимо, несколько миллионов, составляли явное меньшинство в народе. Однако, учитывая важность занимавшихся ими постов, более высокий уровень интеллекта, образованности, знаний, сбрасывать их со счетов как потенциальную угрозу социализму было бы преступным, совершенно недопустимым для серьезного политического деятеля легкомыслием. В условиях не скрывавшего свою враждебность капиталистического окружения, надвигавшейся смертельной схватки с фашизмом высшее руководство страны просто обязано было принять решительные крупномасштабные меры, чтобы обезопасить ее от возможных ударов из-за спины, обезвредить потенциальную «пятую колонну», обеспечить максимальное единство в руководящих эшелонах

партии, государства, армии.

…Репрессировали не за отсутствие личной преданности Сталину, как кое-кто хотел бы представить, а по другим, более серьезным соображениям…Убежден, что в 30-е годы, когда решался вопрос жизни и смерти Советского государства, надо было использовать весь арсенал борьбы с нашими исконно русскими «болячками», применяя наряду с мерами материального и морального стимулирования меры административного порядка и даже карательно-репрессивные.

…Репрессии 30-х годов были в своей основе неизбежны. Думаю, проживи Ленин еще лет 15, он стал бы на этот же путь. Не случайно наиболее последовательные критики Сталина и так называемого «сталинизма» рано или поздно начинают критиковать и Ленина. В логике этим людям, по крайней мере, не откажешь…»

Часть 6
Сталин и война

Пакт о ненападении

О заключенном СССР в августе 1939 года пакте о ненападении с Германией запущено много мифов и откровенной неправды. Советское руководство не питало иллюзий по поводу истинной сущности захватнической политики фашистской Германии. Сохранилось свидетельство присутствовавшего на советско-германских переговорах руководителя юридического департамента германского министерства иностранных дел Гауса. Он писал, что появившийся во время переговоров Молотова и Риббентропа Сталин, отвечая на вопрос последнего, заявил: «Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР». Затем уточнил: «Мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас».

Впоследствии Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал:

«Что касается оценки пакта о ненападении с Германией в 1939 г., в момент, когда наша страна могла быть атакована с двух фронтов — со стороны Германии и со стороны Японии, — нет никаких оснований утверждать, что И. В. Сталин полагался на него. ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавил СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта». Такова оценка пакта о ненападении с Германией, сделанная одним из главных творцов победы над Третьим рейхом.

Не только борьба за продление мирной передышки, но и стремление обеспечить коренные геополитические потребности Советского Союза преследовались Сталиным в 1939 году при заключении с Германией договора о ненападении. Договор обеспечивал выход нашей страны на внешние рубежи, завоеванные предшествующими поколениями, и отодвигал западную границу от ее важнейших политических и экономических центров.

Итоги советско-финляндской войны

В условиях развязанной империалистами Второй мировой войны Советское правительство предлагало мирным путем разрешить вопросы взаимоотношений между СССР и Финляндией. В переговорах с финнами И. В. Сталин говорил: «Мы не требуем и берем, а предлагаем… Поскольку Ленинград нельзя переместить, мы просим, чтобы граница проходила на расстоянии 70 километров от Ленинграда… Мы просим 2700 кв. км и предлагаем взамен более 5500 кв. км».

Однако поддерживаемое Германией и поощряемое Англией и Францией финляндское правительство отвергло мирный путь решения вставших жизненно важных вопросов. В ходе зимней войны 1939–1940 годов Красная Армия прорвала мощную, укрепленную на современный лад линию Маннергейма. По подписанному мирному договору Финляндия уступила часть своей территории, обеспечивающей безопасность Ленинграда, Мурманска и северо-западной границы СССР. Были сорваны замыслы империалистов развязать мировую войну против Советского Союза.

Итоги советско-финляндской войны были подведены на совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава армии в апреле 1940 года. На совещании выступил Сталин. Он подчеркнул необходимость начальствующему составу побыстрей перестраиваться на новые методы современной войны, изжить культ традиций и опыта Гражданской войны.

Сталин предложил назначить новым наркомом обороны С. К. Тимошенко, под командованием которого войска Северо-Западного фронта прорвали линию Маннергейма. С. К. Тимошенко было присвоено звание Героя Советского Союза и Маршала Советского Союза.

На заседании Политбюро И. В. Сталин сказал:

— Война с финнами показала слабость в подготовке высших командных кадров и резкое снижение дисциплины в войсках. Все это произошло при товарище Ворошилове. И теперь ему трудно будет в короткие сроки выправить эти крупные вопросы. А время нас поджимает: в Европе Гитлер развязал войну. Предлагается заменить товарища Ворошилова другим лицом и назначить наркомом обороны товарища Тимошенко.

Ссылаясь на отсутствие опыта государственной деятельности, Тимошенко стал отказываться от предложенного поста. К тому же посчитал, что не достоин заменить знаменитого героя Гражданской войны, любимца народа и армии Ворошилова.

Эти доводы отвел Сталин с присущей ему прямотой:

— Все это верно. Но народ не знает, что у товарища Ворошилова не хватает твердости. А сейчас твердость особенно нужна во всем. У вас она есть. Беритесь, прежде всего, за дисциплину и подготовку кадров. А насчет государственной мудрости — это дело наживное. Где нужно — мы вам поможем.

По указанию Сталина наркомом обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко в конце декабря 1940 года было проведено совещание высшего командного состава. На нем были обсуждены основные направления развития советской военной теории и задачи повышения боеспособности войск. Несколько позднее под руководством наркома обороны была проведена большая стратегическая игра. Ее разбор состоялся в Кремле в присутствии И. В. Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Прием в Кремле

5 мая 1941 года Советское правительство устроило прием в Кремле в честь выпускников военных академий. В 17 часов 55 минут вышли И. В. Сталин, все члены Политбюро, нарком обороны С. К. Тимошенко, маршалы и адмиралы. Все встали. Раздались бурные аплодисменты. Вскоре нарком обороны поднятием руки предложил всем сесть…

Тимошенко объявил:

— Товарищи! От имени ЦК ВКП(б) и СНК СССР слово предоставляется Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Все разом встали. Раздались бурные аплодисменты.

Сталин шел к трибуне быстрым шагом. Его серый китель и седоватые волосы были совершенно одинакового цвета. Можно было подумать, что он специально подобрал китель под цвет волос.

Он начал свою речь очень спокойно, говорил без всякой «бумажки».

— Товарищи! Я поздравляю командование и профессорско-преподавательский состав военных академий и вас, выпускников, с успешным завершением учебы и желаю вам плодотворной работы в войсках и на военных кораблях по укреплению обороноспособности нашей великой Родины. Вы вернетесь в войска, и красноармейцы и командиры зададут вам вопросы: «Что происходит в мире? Почему побеждена Франция? Почему терпит поражение Англия? Действительно ли германская армия всесильна и непобедима? Что может произойти в обозримом будущем в мире?» Я постараюсь вам ответить на эти волнующие всех вопросы, помочь разобраться в причинах этих событий, по своим силам, конечно. *(Бурные аплодисменты.)*

Я изложу точку зрения на эти события нашей партии и правительства. Германия развязала войну под лозунгами ликвидации кабального Версальского договора, за воссоединение немецких земель, которые были отторгнуты у Германии после поражения в Первой мировой войне. Поэтому Германия имела некоторое сочувствие других народов. Международный империализм помогал возрождению германского милитаризма, поверив, что агрессия будет направлена против Советского Союза. Однако наступил новый этап мировой войны. Сейчас Германия ведет агрессивную войну за мировое господство, за порабощение других народов. «Германия — самое могучее государство в мире». «Мы, немцы, самая умная и сильная нация, избранная богом раса, призванная господствовать над всеми другими народами». «Я,

Германия, имею самую сильную, непобедимую армию». «Германская армия имеет самое лучшее вооружение». Все это представляет реальную угрозу для всех государств и народов, в том числе для Советского государства и его народов.

Остановившись на причинах поражения Франции, Сталин сказал:

— Уверовав, что у нее после мировой войны самая сильная армия в Европе, а линия Мажино неприступна для немецких войск, она перестала заботиться о своей армии и ее вооружении. К руководству французской армии пришли никому не известные генералы Гамелен, Жуэн и другие. Они обанкротились, занимаясь бизнесом. Потерпели поражение в борьбе за избрание депутатами парламента. Не оправдались их претензии на министерские портфели. Они не смогли стать бизнесменами или министрами, стали генералами и возглавили армию Франции. К военным стали относиться пренебрежительно. Даже девушки перестали выходить замуж за офицеров. *(Смех в зале.)*

Армия может быть сильной только тогда, когда пользуется исключительной заботой и любовью народа и правительства. В этом величайшая моральная сила армии, залог ее непобедимости. Армию надо любить и лелеять! *(Аплодисменты.)*

Далее Сталин дал характеристику германской армии. Армия имеет новейшее оружие, освоила новые приемы ведения войны, приобрела большой опыт ее ведения.

— Надо признать, что пока у Германии лучшая армия в мире. Но немцы ошибаются, что их армия непобедима и ее вооружение самое лучшее в мире. В истории не было непобедимых армий. Карфаген считал, что его армия во главе с великим полководцем Ганнибалом непобедима. Но эта армия была разгромлена римлянами. Наполеон I считал, что французская армия и он, великий полководец, непобедимы. Однако эта великая армия, которая вторглась в Россию, была побеждена русской армией под командованием Кутузова в Отечественной войне 1812 года.

Так же ошибаются немцы, считая, что вооружение их армии самое лучшее в мире, равного которому не имеет ни одна другая армия. Артиллерия — важнейшее средство ведения войны. Мы вооружили Красную Армию артиллерией и минометами, которые не только не уступают, а и превосходят немецкую артиллерию и минометы. Немецкие танки действительно в массе превосходят наши танки. Однако наши талантливые конструкторы создали средний танк «Т-34» и тяжелый танк «КВ», которые превосходят по своим боевым качествам аналогичные немецкие танки. Наша промышленность уже освоила серийное производство этих танков. К сожалению, их еще мало. Партия и правительство, наша

промышленность делают все возможное, чтобы эти новые танки заменили устаревшие в кратчайшие сроки. Прошу об этом не болтать!

Авиация! Надо признать, что она пока у немцев лучшая в мире. Однако наши авиаконструкторы знают об этом и в кратчайшие сроки создали образцы самолетов различного назначения, которые превосходят немецкие. Теперь стоит задача всемерно ускорить массовое производство этих самолетов и вооружить ими Красную Армию. Можете не сомневаться, партия, правительство, наша авиационная промышленность эту задачу выполнят. Не только мы, но и Англия и США также изучают опыт войны, немецкую военную технику, создают образцы артиллерийских орудий, танков и самолетов, превосходящие немецкие. Германия упорно игнорирует эти факты, продолжает верить, что ее армия имеет самое лучшее вооружение, и слепо верит, что ни одно государство не способно создать более совершенное вооружение. Такая армия, которая считает себя непобедимой, обладающей самым лучшим вооружением и не верит в силу и возможность противника, обречена на поражение. Германия ведет несправедливую империалистическую войну с целью захвата территории других стран и порабощения их народов. Эти народы оккупированных стран поднимаются на борьбу за свое освобождение, за восстановление свободы и независимости своих стран. Война против Германии неизбежно перерастает в победоносную народно-освободительную войну. Поражение Германии в этой войне предопределено историей.

Товарищи! Вы покинули войска и корабли 3–4 года назад. Вернувшись после учебы, вы не узнаете их. Красная Армия и Военно-Морской Флот изменились. Мы создали качественно новые армию и флот, вооруженные современным оружием, способные защитить свободу, независимость и территориальную целостность нашей великой Родины.

Далее он довольно подробно охарактеризовал количественный и качественный состав различных родов войск: пехоты, артиллерии, бронетанковых войск, авиации, Военно-Морского Флота, войск связи и инженерных войск, кавалерии. В конце предупредил: «Прошу об этом не болтать!»

О компетентности оценок Сталиным различных родов войск и их вооружения, я думаю, можно судить по мнению маршала Г. К. Жукова: «Надо отдать Сталину должное, он неплохо разбирался в качествах основных видов вооружения». Далее Сталин остановился на вопросах подготовки военных кадров.

— Военные академии и училища обязаны вести обучение командных кадров только на новой технике, с обязательным

использованием опыта ведения современной войны. У меня есть знакомый, который учился в Артиллерийской академии. Я просматривал его конспекты и обнаружил, что тратится большое количество времени на изучение пушки, снятой с вооружения в 1916 году.

Он считал, что такая практика недопустима. В это время с первых рядов раздалась реплика, которая вызвала раздражение у Сталина. Он сказал:

— Прошу меня не перебивать. Я знаю, что говорю. Я сам читал конспекты слушателя вашей академии. — Потом продолжал: — Необходимо всемерно улучшить качество и эффективность партийно-политической и воспитательной работы в армии и на флоте. Для этого нам необходимо перестроить нашу пропаганду, агитацию, печать.

Далее он сказал, что необходимо проанализировать опыт советско-финской войны 1939–1940 гг.

— Уроки этой войны очень суровые. Надо признать, что они показали — Красная Армия не подготовлена к ведению современной войны. Эти уроки очень внимательно изучаются, и принимаются экстренные меры в целях устранения серьезных недостатков военной техники и боевой подготовки войск.

Он еще раз предупредил: «Прошу об этом не болтать!»

В заключение И. В. Сталин сказал:

— Товарищи! Вам, выпускникам военных академий, предстоит очень ответственная и трудная работа в войсках и на кораблях. Партия и правительство уверены, что вы успешно справитесь с этой работой, умело используя для этого полученные в период учебы знания. Желаю вам успехов в вашей дальнейшей службе по укреплению боеготовности Красной Армии.

Цит. по: «Нева», 1993, № 7. Энвер Муратов. «Шесть часов с И. В. Сталиным на приеме в Кремле».

О начальном периоде войны

К числу ошибок начального периода войны малокомпетентные критики относят якобы не использованную Сталиным передышку после заключения пакта о ненападении с гитлеровской Германией. По этому поводу авиаконструктор А. С. Яковлев пишет: «За короткий срок были созданы новые совершенные образцы боевой техники: самолеты, танки, орудия. Я помню, как в период испытаний новых самолетов ежедневно к 12 часам ночи готовилась сводка для Сталина о результатах испытательных полетов.

Эти факты находятся в глубоком противоречии с бытующими, к сожалению, обывательскими разговорами. Так, например, И. Г. Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» писал: «…Сталин не использовал два года передышки для укрепления обороны — об этом мне говорили военные и дипломаты».

Не знаю, кто именно из военных и дипломатов мог так сказать, Эренбург об этом умолчал, но все, кто в эти годы были причастны к вопросам укрепления обороны, решавшимся в ЦК, говорить этого никак не могли.

Все мы были свидетелями напряженнейшей, титанической работы ЦК партии по укреплению Красной Армии и оснащению ее современным оружием в 1939–1941 годах. Нам не хватило для подготовки к войне, как неоднократно говорил Сталин в узком кругу, одного-полутора лет. Новое оружие, необходимость которого подсказала война в Испании, в больших количествах стало поступать на фронт лишь в середине 1942 года, то есть спустя год после гитлеровского вторжения».

Три дня

Писатель, известный своей плутовской ухмылочкой и вольными рассуждениями о всех великих людях, утверждает, что с началом войны «Сталин бежал из Кремля… Я проверил по журналу посетителей. Все так: целых три дня Сталин отсутствовал в своем кабинете».

В журнале посещений И. В. Сталина в его кремлевском кабинете записано, что он прием посетителей начал в 5 часов 45 минут утра 22 июня 1941 года. И принял в первый день войны 29 партийных, государственных и военных деятелей. И так день за днем в июне месяце. Последние посетители ушли от Сталина в 00 часов 50 минут ночи 29 июня. Дальше запись прерывается и сообщается, что Сталин прием посетителей начал в 16 часов 40 минут 1 июля. Всего за день он принял 23 ответственных работников.

Что же делал Сталин два дня — 29–30 июня 1941 года?

29 июня Сталину сообщили, что наши войска оставили Минск. Он тотчас же позвонил наркому обороны Тимошенко. У того не хватило духу сказать правду.

Сталин сказал:

— Вы обязаны постоянно знать все детали и держать нас в курсе событий.

В кабинете Сталина находились Молотов, Маленков и Берия. После некоторого тягостного молчания Сталин предложил всем поехать в Генштаб и самим посмотреть карты донесений с фронтов.

Появление Сталина и других членов Политбюро было неожиданным для Тимошенко, Жукова, Ватутина и других генералов Генштаба.

Тимошенко доложил, что руководство наркомата обороны и Генштаба изучает обстановку на фронтах и вырабатывает очередные решения.

Сталин долго стоял у карты Западного фронта и разглядывал ее. Затем сказал:

— Ну, мы ждем, докладывайте, объясняйте обстановку.

Была обсуждена сложившаяся ситуация.

30 июня Сталин приказал вызвать в Москву генерала армии Д. Г. Павлова — командующего войсками Западного фронта. Сталин потребовал разобраться, кто, кроме Павлова, виноват в допущенных ошибках. Сталин назначил командующим Западным фронтом маршала Тимошенко, а членом Военного совета фронта Мехлиса, который в дальнейшем сыграл роковую роль в судьбе

Героя Советского Союза Д. Г. Павлова.

Все эти дни И. В. Сталин готовил свое предстоящее выступление по радио.

В свете этих фактов бесстыдно и убого выглядит ложь Э. С. Радзинского о якобы растерянности И. В. Сталина в первые часы и дни начала Великой Отечественной войны.

22 июня и 3 июля

Писателю Ф. И. Чуеву рассказывал В. М. Молотов, как они вместе со Сталиным писали Обращение к народу. С Обращением Молотов выступил 22 июня в двенадцать часов дня с Центрального телеграфа.

— Почему я, а не Сталин?

Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь.

Но не только человек — это не совсем точно. Он и человек, и политик.

Как политик, он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

— Ваши слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами», — стали одним из главных лозунгов войны.

— Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова, там были и поправки, и добавки, само собой.

— Сталин участвовал?

— Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает.

— А речь 3 июля он готовил или Политбюро?

— Нет, это он. Так не подготовишь. За него не подготовишь. Это без нашей редакции. Некоторые речи он говорил без предварительной редакции. Надо сказать, мы все раньше говорили без предварительной редакции.

Слово, зовущее в бой

Из выступления Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года с обращением к советскому народу.

«Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность. Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это

объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный

выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии — клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в

порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу».

Великий призыв

Находившийся в Советском Союзе корреспондент английской газеты «Санди таймс» и радиокомпании Би-би-си Александр Верт писал о речи И. В. Сталина 3 июля 1941 года:

«Это было поразительное выступление. Причем наиболее сильное впечатление произвели вступительные слова: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Это было нечто новое. Никогда еще Сталин так не говорил. Но эти слова вполне подходили для атмосферы тех дней.

Эта речь, обращенная к встревоженным, а нередко испуганным и растерявшимся людям, оказала очень большое воздействие. Своим сравнительно коротким выступлением по радио Сталин не только создал надежду на победу, если не уверенность в ней, но и сформулировал в скупых, выразительных словах целую программу поведения всей нации в военное время. Он также апеллировал к национальной гордости, к патриотическим чувствам народа. Это был великий призыв взять себя в руки и быть готовым к тяжелым жертвам».

Из книги А. Верта «Россия в войне 1941–1945».

Полк охраны

До сих пор распространяется немало небылиц, будто в октябре 1941 года И. В. Сталин собирался покинуть Москву. В художественной литературе пишется, в кино показывается, как якобы Сталин приехал к ожидавшему его на Абельмановской заставе поезду и почти два часа ходил по платформе, раздумывая, уезжать или остаться. Но такой платформы не было в 1941 году, нет ее тем более и сейчас.

Один из охранников Сталина А. Т. Рыбин пишет, а охрана точно знала, где и когда бывал Сталин, что у Сталина и мысли не было, чтобы покинуть Москву. Когда же Сталину задали провокационный вопрос: «Товарищ Сталин, можно ли отправлять из Москвы полк охраны?», сразу же получили достойный ответ: «Если будет нужно, я этот полк сам поведу в атаку!»

На вас смотрит весь мир

Из речи И. В. Сталина на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!»

Почувствовалась его твердая рука

О назначении в самом начале Отечественной войны И. В. Сталина Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР маршал Г. К. Жуков писал: «Надо сказать, что с назначением И. В. Сталина Председателем Государственного Комитета Обороны, Верховным Главнокомандующим и наркомом обороны в Генштабе, центральных управлениях Наркомата обороны, Госплана СССР и в других органах правительства и народного хозяйства сразу же почувствовалась его твердая рука.

Каждый член ГКО получил конкретное задание и строго отвечал за выполнение планов народного хозяйства. На одного из них возлагалась ответственность за выпуск танков, на другого — артиллерийского вооружения, на третьего — самолетов, на четвертого — снабжение боеприпасами, продовольствием и обмундированием. Командующих родами войск И. В. Сталин лично обязал подключиться к членам ГКО и помогать им в работе по выполнению программы производства определенной военной продукции точно в назначенное время и нужного качества.

Под воздействием партийно-политической работы, повышения искусства управления войсками, накопленного опыта вооруженной борьбы усиливался отпор врагу. Воины всех видов и родов оружия действовали в боях героически и самоотверженно. В войсках заметно поднялась воинская дисциплина».

Цит. по кн.: Маршал Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления.

Мыслил стратегически

«Могу еще раз сказать, что И. В. Сталин и до войны много занимался вопросами вооружения и боевой техники. Он часто вызывал к себе главных авиационных, артиллерийских и танковых конструкторов и подробно расспрашивал их о деталях конструирования этих видов боевой техники у нас и за рубежом. Надо отдать ему должное, он неплохо разбирался в качествах основных видов вооружения.

От главных конструкторов, директоров военных заводов, многих из которых он знал лично, И. В. Сталин требовал производства образцов самолетов, танков, артиллерии и другой важнейшей техники в установленные сроки и таким образом, чтобы они по качеству были не только на уровне зарубежных, но и превосходили их.

Без одобрения И. В. Сталина, как я уже говорил, ни один образец вооружения не принимался и не снимался. С одной стороны, это ущемляло инициативу наркома обороны и его заместителей, ведавших вопросами вооружения Красной Армии. Однако, с другой стороны, следует признать, что такой порядок во многих случаях помогал быстро внедрять в производство тот или иной новый образец боевой техники.

Меня часто спрашивают, действительно ли И. В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов?

Могу твердо сказать, что И. В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина, как Верховного Главнокомандующего, особенно раскрывались начиная со Сталинградской битвы.

Получившая распространение версия о том, что Верховный Главнокомандующий изучал обстановку и принимал решения по глобусу, не соответствует действительности. Конечно, он не работал с картами тактического предназначения, да это ему и не нужно было. Но в оперативных картах с обстановкой, нанесенной на них, он разбирался неплохо.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную

наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Цит. по кн.: Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления.

Заместитель верховного

Через полтора месяца после начала Отечественной войны, 8 августа 1941 года, Генеральный секретарь ЦК партии и Председатель Совета Народных Комиссаров СССР, председатель Государственного Комитета Обороны и нарком обороны страны И. В. Сталин был назначен Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Советского Союза. Сталин не был профессиональным военным деятелем. Но такое назначение было вполне оправданным и необходимым. Таким образом, в лице И. В. Сталина объединялись функции партийного, государственного, экономического и военного руководства, что открывало более благоприятные возможности для организации всей жизни воюющего государства, для успешной борьбы за победу над немецко-фашистскими захватчиками. Огромно было доверие к Сталину у народа, армии.

«С назначением Сталина на должность Верховного Главнокомандующего, — отмечал Г. К. Жуков, — все сразу почувствовали его твердую руку. Своей жесткой требовательностью он добивался, можно сказать, почти невозможного. В стратегической обстановке он умел найти главное звено и, ухватившись за него, наметить пути для оказания противодействия врагу. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Первые месяцы войны оказались наиболее тяжелыми для Красной Армии, ей пришлось, героически сопротивляясь, отступать в глубь страны. Стойкая оборона Бреста, Могилева, Ленинграда, Киева, Одессы, Севастополя, Смоленска и другие сражения сорвали гитлеровский «блицкриг». В декабре 1941 года — апреле 1942 года Красная Армия блестяще провела Московскую наступательную операцию, ставшую началом коренного перелома в Великой Отечественной войне.

Сталин оказывал значительное воздействие на решение собственно военных проблем, перестройку экономики на военный лад, упрочение морально-политического единства советского общества. Он выступил решающей силой создания антигитлеровской коалиции. В этих сражениях проявилось полководческое мастерство генералов Жукова, Рокоссовского, Конева, Говорова и других.

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин предложил в августе 1942 года члену Ставки Верховного Главнокомандования, командующему Резервным, Ленинградским и Западным фронтами Г. К. Жукову пост заместителя Верховного

Главнокомандующего.

«Вначале я, — пишет Г. К. Жуков, — было отказался от этого назначения, ссылаясь на свой характер, ссылаясь на то, что нам трудно будет работать вместе».

На это Сталин без обиняков сказал Жукову:

— Обстановка угрожает гибелью страны, надо спасать Родину от врага любыми средствами, любыми жертвами. А что касается наших характеров — давайте подчиним их интересам Родины.

Г. К. Жуков с августа 1942 года стал 1-м заместителем наркома обороны СССР и заместителем Верховного Главнокомандующего. «И, надо отметить, — пишет Г. К. Жуков, — с этого момента Сталин почти никогда не принимал решений по вопросам организации операций, не посоветовавшись со мной. Почти всю войну я пользовался его расположением и доверием, и это помогало мне успешно осуществлять мероприятия по организации и проведению операций».

Когда Жукова называли первым заместителем Верховного Главнокомандующего, он с гордостью подчеркивал, что он всю войну был единственным заместителем Верховного Главнокомандующего.

Соединение политического и государственного ума И. В. Сталина с военным талантом Г. К. Жукова имело огромное значение для последующего хода Великой Отечественной войны. Сталин и Жуков, как никто другой в высшем военно-политическом руководстве, понимали обстановку, умело решали стратегические задачи ведения войны и с непоколебимой волей преодолевали все трудности на пути к победе. Сложные характеры не мешали им действовать совместно всю Отечественную войну, хотя и не всегда отношения между ними были ровными. Они сплотили вокруг себя талантливых и мужественных военачальников. Именно это, а не спекуляции на их противостоянии, зависти и проч., спасло нашу страну от гибели.

О личностях и неличностях

«Мне, — вспоминал маршал К. К. Рокоссовский, — запомнился разговор, происходивший в моем присутствии между Г. К. Жуковым и И. В. Сталиным. Это было чуть позже, уже зимой. Сталин поручил Жукову провести небольшую операцию, кажется, в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута. Сталин ответил:

— Все это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться.

Жуков стоял на своем:

— Иначе ничего не выйдет. Одного желания мало.

Сталин не скрывал своего раздражения, но Жуков твердо стоял на своем. Наконец Сталин сказал:

— Пойдите, товарищ Жуков, подумайте, вы пока свободны.

Мне понравилась прямота Георгия Константиновича. Но когда мы вышли, я сказал, что, по-моему, не следовало бы так резко разговаривать с Верховным Главнокомандующим. Жуков ответил:

— У нас еще не такое бывает.

Он был прав тогда: одного желания мало для боевого успеха. Но во время боев под Москвой Георгий Константинович часто сам забывал об этом.

Высокая требовательность — необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжелые дни не всегда следовал этому правилу. Бывал он и несправедлив, как говорят, под горячую руку.

Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шел жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же… Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял разговорную трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных

мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он сказал, что понимает это.

— Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем…

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь — полк «катюш», два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да еще Сталин прислал свыше 2 тысяч москвичей на пополнение».

Цит. по кн.: К. К. Рокоссовский. Солдатский долг.

Решение Верховного — закон

«За время войны мною, — писал Главный маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, — было хорошо усвоено: все, что решил Верховный, никто уже изменить не сможет. Это — закон!

Но сказанное совершенно не значит, что со Сталиным нельзя было спорить. Напротив, он обладал завидным терпением, соглашался с разумными доводами. Но это — на стадии обсуждения того или иного вопроса. А когда по нему уже принималось решение, никакие изменения не допускались.

Кстати, когда Сталин обращался к сидящему (я говорю о нас, военных, бывавших в Ставке), то вставать не следовало. Верховный еще очень не любил, когда говоривший не смотрел ему в глаза. Сам он говорил глуховато, а по телефону — тихо. В этом случае приходилось напрягать все внимание.

Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры — вполголоса. Помнится, когда И. В. Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, его по-прежнему следовало именовать «товарищ Сталин». Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов.

При всей своей строгости Сталин иногда давал нам уроки снисходительного отношения к небольшим человеческим слабостям. Особенно мне запомнился такой случай. Как-то раз нас, нескольких военных, в том числе и Н. Н. Воронова, задержали в кабинете Верховного дольше положенного. Сидим, решаем свои вопросы. А тут как раз входит Поскребышев и докладывает, что такой-то генерал (не буду называть его фамилию, но скажу, что тогда он командовал на фронте крупным соединением) прибыл.

— Пусть войдет, — сказал Сталин.

И каково же было наше изумление, когда в кабинет вошел… не совсем твердо державшийся на ногах генерал! Он подошел к столу и, вцепившись руками в его край, смертельно бледный, пробормотал, что явился по приказанию. Мы затаили дыхание. Что-то теперь будет с беднягой! Но Верховный молча поднялся, подошел к генералу и мягко спросил:

— Вы как будто сейчас нездоровы?

— Да, — еле выдавил тот пересохшими губами.

— Ну тогда мы встретимся с вами завтра, — сказал Сталин и отпустил генерала…

Когда тот закрыл за собой дверь, И. В. Сталин заметил, ни к

кому, собственно, не обращаясь:

— Товарищ сегодня получил орден за успешно проведенную операцию. Что будет вызван в Ставку, он, естественно, не знал. Ну и отметил на радостях свою награду. Так что особой вины в том, что он явился в таком состоянии, считаю, нет…

Да, таков был он, И. В. Сталин. Это во многом благодаря ему в партийно-политическом и государственном руководстве страной с первого дня войны и до последнего было нерушимое единство. Слово Верховного (а он же и председатель ГКО, Генеральный секретарь ЦК партии) было, повторяю, законом.

Сталин не терпел, когда от него утаивали истинное положение дел».

По книге Н. Д. Яковлева «Об артиллерии и немного о себе».

Встреча с Верховным

«Нужно ли говорить, — пишет маршал бронетанковых войск М. Е. Катуков, — что к встрече с Верховным Главнокомандующим я готовился с большим волнением, тем более что до сих пор со Сталиным никогда не встречался. Все мое знакомство с ним сводилось к непродолжительному разговору по ВЧ после прошлогодних боев на мценских рубежах…

Возможно, нынешнему читателю непонятно это волнение. Но тогда для нас, фронтовиков, имя Сталина было окружено безграничным уважением. С этим именем связывалось все самое священное — Родина, вера в победу, вера в мудрость и стойкость нашего народа, в партию.

Поскребышев ввел меня в комнату, то ли приемную, то ли столовую, и на минуту-другую оставил одного. Я было приготовился доложить Верховному по всей форме, по-военному, но неожиданно открылась боковая дверь, и я услышал голос Сталина:

— Здравствуйте, товарищ Катуков! Заходите ко мне.

Я только и успел сказать:

— Здравствуйте, товарищ Сталин. — А подготовленный в мыслях доклад из головы вылетел.

Вслед за Сталиным я прошел в его кабинет. Пожав мне руку, Верховный предложил:

— Садитесь и курите. На меня не смотрите, я сидеть не люблю.

Тут же достал из кармана коробку папирос «Герцеговина Флор». Вынул из нее две штуки, отломил от них табак и, высыпав его в трубку, закурил.

— Что же не закуриваете? — спросил он меня, прохаживаясь по комнате.

То ли от волнения, то ли еще почему, но курить не хотелось. А Сталин, выпустив облако дыма, продолжал:

— Курить не хотите, тогда рассказывайте по порядку, как у вас, у вашего корпуса дела на фронте? Как воюет мотопехота и как наши танки?

Как можно короче я рассказал о последних боевых событиях на Брянском фронте, о действиях наших танкистов и пехотинцев. А Сталин, вышагивая по кабинету, задает мне еще вопрос:

— Как считаете, хороши наши танки или нет? Говорите прямо, без обиняков.

Отвечаю, что танки Т-34 полностью оправдали себя в боях и что мы возлагаем на них большие надежды. А вот тяжелые танки

КВ и боевые машины Т-60 и Т-70 в войсках не любят.

Сталин на минуту остановился, вопросительно изогнув бровь:

— По какой причине?

— КВ, товарищ Сталин, очень тяжелы, неповоротливы, а значит, и неманевренны. Препятствия они преодолевают с трудом. А вот «тридцатьчетверке» все нипочем. К тому же КВ ломают мосты и вообще приносят много лишних хлопот. А на вооружении у КВ такая же семидесятишестимиллиметровая пушка, что и на «тридцатьчетверке». Так, спрашивается, какие боевые преимущества дает нам тяжелый танк?

Раскритиковал я и легкий танк Т-60…

Уже по тому, что Сталин с особым пристрастием пытал меня, чем хороши и чем плохи по своим тактико-техническим свойствам наши танки, я понял, что Верховный Главнокомандующий хочет досконально, до самой, что называется, глубины, разобраться в сильных и слабых сторонах нашей бронетанковой техники сорок второго года. Нетрудно было догадаться, что его вопросы непосредственно связаны с неудачными боями летом и осенью сорок второго. Сталин пытался найти причину этих неудач.

Доложил я также Верховному о нехватке радиостанций в танковых войсках.

— Подождите, товарищ Катуков, — сказал Сталин, — скоро и с рациями, и с телефонным кабелем дело поправится.

…Раскурив во второй или в третий раз трубку, он спросил, как на фронте награждают отличившихся в боях воинов орденами и медалями.

Что я мог ответить? Плохо обстояло дело с награждением людей, совершавших подчас беспримерные подвиги. А получалось так потому, что награждение производилось только Указами Президиума Верховного Совета СССР. Пока пересылали представление к награде по всем фронтовым инстанциям, пока попадало оно в Москву, потом в Указ, проходило очень много времени. Между тем бои шли непрерывно. И смотришь, иной отличившийся и представленный к награде человек или выбыл по ранению куда-то в тыловой госпиталь, или погиб в очередной схватке с врагом, или переведен в другое соединение. Придут бывало награды, а вручать их некому.

— Вот если бы, товарищ Сталин, — предложил я, — дать права в этом отношении фронтам, армиям, соединениям…

— Подумаем, — сказал Иосиф Виссарионович и снова перевел наш разговор на боевые дела, чисто танковые. Спросил: — Стреляют танкисты с ходу?

Я ответил, что нет, не стреляют.

— Почему? — Верховный пристально посмотрел на меня.

— Меткость с ходу плохая, и снаряды жалеем, — ответил я. — Ведь наши заявки на боеприпасы полностью не удовлетворяются.

Сталин остановился, посмотрел на меня в упор и заговорил четко, разделяя паузами каждое слово:

— Скажите, товарищ Катуков, пожалуйста, во время атаки бить по немецким батареям надо? Надо. И кому в первую очередь? Конечно, танкистам, которым вражеские пушки мешают продвигаться вперед. Пусть даже ваши снаряды не попадают прямо в пушки противника, а рвутся неподалеку. Как в такой обстановке будут стрелять немцы?

— Конечно, меткость огня у противника снизится.

— Вот это и нужно, — подхватил Сталин. — Стреляйте с ходу, снаряды дадим, теперь у нас будут снаряды.

Выдержав большую паузу, Верховный назвал несколько генералов и спросил, знаю ли я их. С большинством из названных я не был знаком и на фронте не встречался. А те немногие, которых я знал, были настоящие боевые военачальники и заслуживали только доброго слова.

И вот наступил решающий момент беседы, ради чего, видимо, и вызвал меня Верховный Главнокомандующий к себе.

— Вот что, товарищ Катуков, — сказал Сталин, — вы назначаетесь командиром механизированного корпуса. Он будет куда посильнее танкового. А воевать поедете вот сюда…

И Верховный показал мне на карте, лежавшей на столе, один из районов Калининской области».

Цит. по кн.: М. Е. Катуков. На острие главного удара.

Партизанские рейды

Для централизации действий партизан 30 мая 1942 года был создан Центральной штаб партизанского движения во главе с П. К. Пономаренко. В конце августа в Москву из Брянских лесов прилетели прославленные руководители партизанских соединений. Глубокой ночью 31 августа И. В. Сталин принял С. А. Ковпака. А. Н. Сабурова, М. И. Дука, М. П. Ромашина и других вожаков народных мстителей. Вошедший первым, начал докладывать Ковпак:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий…

Но Сталин прервал его. Выйдя из-за стола и подавая руку, он сказал:

— Вольно, вольно, товарищи!

Познакомились. Ворошилов засмеялся, когда Ковпак представился:

— Так вот он какой, этот Ковпак!

Началась беседа, и в ней Сталина и Ворошилова интересовало все: и обстановка на оккупированной территории, и мероприятия гитлеровцев, и отношение жителей к партизанам, и снабжение партизан, и их тактика. Вопросы следовали один за другим:

— Зачем вам столько пулеметов? Что вы делаете с минометами? Зачем вам артиллерия? Нужно ли партизанам такое тяжелое и громоздкое оружие? А для чего вы захватываете города? Всегда ли вы в состоянии их удержать? Почему вы стремитесь сохранить определенную территорию?..

Особо интересовались Сталин и Ворошилов рейдовой тактикой соединений Ковпака и Сабурова. В конце беседы они предложили этим партизанским руководителям подумать: могут ли их соединения отправиться в рейд на Правобережную Украину, туда, где партизанское движение еще не развернулось широко? На немедленном ответе не настаивали.

Подробно и точно руководители правительства отвечали на вопросы партизан. Кто-то спросил:

— Будет ли второй фронт и когда?

Сталин, как всегда расхаживавший по кабинету с трубкой в руках, ответил:

— Будет, обязательно будет, но только тогда, когда он потребуется самим нашим союзникам. Пока что, — он засмеялся, поглядывая в сторону Ворошилова, — вы и есть наш второй фронт!

Завершая совещание, Сталин поинтересовался, как устроили

партизан в столице.

— Они живут в гостинице «Москва», — отвечал Ворошилов, — и ведут себя очень скромно. Не похоже, что лесные бродяги, — пошутил он, — даже от банкета отказались, который им дирекция гостиницы устроить собралась.

— И правильно, — бросил Сталин. — Сейчас не время для банкетов…

Вопрос о рейде обсуждался на следующий день. Теперь Сабуров и Ковпак продумали все, на карте они показали, куда и как намерены двигаться.

Видя, что партизанские руководители исходят из богатого опыта боев с фашистами, Сталин подвел итог:

— Товарищи хорошо продумали маршрут, надо его утвердить.

Завершая разговор, Сталин спросил руководителей партизанских соединений:

— Чем надо помочь?

Ковпаком, Сабуровым и другими были предъявлены заявки. Верховный Главнокомандующий тут же на совещании их утвердил. И заметил:

— Мы можем теперь дать вам все — и оружие, и боеприпасы. Лишь бы вы дрались хорошо!

Итоги этого совещания послужили основой для приказа Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина № 0189 от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения». Приказ требовал «добиться, чтобы партизанское движение развернулось еще шире и глубже, чтобы партизанская борьба охватила широчайшие массы народа на оккупированной территории. Партизанское движение должно стать всенародным».

Ни шагу назад!

Из приказа № 227 Народного комиссара обороны Союза ССР

«28 июля 1942 г. г. Москва

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончать отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов. Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину. Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь

немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов, и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать дальше на восток, что от того отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря

по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны *И. Сталин».*

Иное решение

К 17 июля 1942 года советское командование создало надежную основу для срыва фашистского плана овладения Сталинградом. А уже 10 сентября, объехав части и соединения армии, заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков по аппарату ВЧ доложил И. В. Сталину о возможности концентрированного удара по противнику. Верховный Главнокомандующий ответил, что было бы неплохо, если бы Жуков прилетел в Москву.

12 сентября Жуков был в Кремле, куда Сталин вызвал начальника Генерального штаба А. М. Василевского. Жуков доложил, что силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор противника и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе не удастся, что нужны дополнительные войска и время на перегруппировку сил для более концентрированного удара Сталинградского фронта; армейские удары не в состоянии опрокинуть фашистов. Василевский доложил о подходе в район Сталинграда новых частей противника из района Котельникова, о ходе сражения в районе Новороссийска, о боях на грозненском направлении. Выслушав доклады, Сталин подытожил:

— Рвутся любой ценой к грозненской нефти. — И спросил: — Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

Жуков ответил:

— Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 орудий гаубичной артиллерии. Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

Василевский полностью поддержал запрос Жукова. Сталин достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально ее изучал. Жуков и Василевский отошли подальше от стола в сторону и очень тихо начали обсуждать, что, видимо, надо искать какое-то иное решение. Внезапно, подняв голову от карты, Сталин спросил:

— А какое «иное» решение?

Генералы удивились такому острому слуху Сталина. А когда подошли к столу, Сталин сказал:

— Вот что. Поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда, откуда и какие войска можно перебросить для усиления сталинградской

группировки, а заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра в девять часов вечера снова соберемся здесь.

Весь день 13 сентября Жуков и Василевский работали в Генеральном штабе. Перебрав все возможные варианты, они предложили Верховному Главнокомандующему план действий. Сталин сказал, что обдумает их предложение, подсчитает, есть ли необходимые ресурсы для выполнения задуманного плана.

Решив и другие неотложные вопросы, Сталин направил Жукова обратно в войска Сталинградского фронта с поручением приступить к изучению обстановки в районе Клетской и Серафимовича, а Василевского — на Юго-Восточный фронт для изучения обстановки на его левом крыле.

Затем Сталин сказал:

— Разговор о плане продолжим позже. То, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, пока никто не должен знать. Принимайте все меры, чтобы еще больше измотать и обессилить противника.

После ознакомления на месте Жуков и Василевский снова вернулись в Москву. В Ставке еще раз был обсужден план контрнаступления и после этого утвержден. Г. К. Жуков и А. М. Василевский подписали карту-план контрнаступления. И. В. Сталин написал: «Утверждаю». Операция получила кодовое наименование «Уран».

Срочный вызов с фронта

Для ноябрьского 1942 года контрнаступления под Сталинградом было буквально учтено и подготовлено все. На девятнадцатое назначалось наступление Юго-Западного и Донского фронтов, на двадцатое — Сталинградского фронта.

Семнадцатого ноября вечером Сталин позвонил на командный пункт Василевского:

— Здравствуйте. Есть к вам срочное дело. Вам надо прибыть в Москву.

— Как прибыть в Москву, товарищ Сталин? Послезавтра начинается наступление, я не могу ехать!

— Дело такого рода, что вам необходимо прибыть в Москву. Успеете вернуться. Надо обсудить с вами…

Василевский попробовал еще раз объяснить невозможность своего отъезда с фронта. Сталин еще раз повторил, что дело такого рода, что ему необходимо быть в Москве у него. И ни в какие объяснения не стал вдаваться.

Когда Василевский прибыл, в кабинете у Сталина шло совещание Государственного Комитета Обороны. Были Маленков, Берия, Микоян, Вознесенский, Молотов.

Сталин, поздоровавшись с Василевским, предложил присесть. Со своего письменного стола взял конверт и, сев за стол, перебросил конверт Василевскому:

— Вот, почитайте, пока мы закончим свое обсуждение.

В конверте было письмо Сталину от командира 4-го механизированного корпуса В. Т. Вольского.

Этот танковый корпус, сводный, полнокомплектный, хорошо подготовленный, должен был стать главной ударной силой прорыва на Сталинградском фронте. Именно когда Василевский расстался с Вольским, позвонил Сталин. Василевского удивило письмо Вольского, который писал, что считает своим долгом офицера и коммуниста предупредить, что, мол, контрнаступление обречено на неудачу, ибо не все, по его мнению, учтено, а поэтому просит Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина немедленно и более тщательно проверить реальность принятого плана контрнаступления, а до этого отложить операцию, может, и вовсе отменить. Василевский прочел это письмо с величайшим изумлением и недоумением.

Сталин, закончив обсуждение вопроса, которым они занимались, спросил:

— Ну, что вы скажете об этом письме, товарищ Василевский?

Василевский ответил, что поражен этим письмом. Сталин

продолжил:

— А что вы думаете насчет предстоящих действий после того, как прочли это письмо?

Василевский уверенно сказал, что наступление надо начинать в установленные сроки, что наступление увенчается успехом.

Выслушав Василевского, Сталин спросил:

— А как вы объясните это письмо?

Василевский сказал, что не может объяснить это письмо. Возможно, дало себя знать перенапряжение тех дней.

— Как вы оцениваете автора этого письма?

— Считаю Вольского отличным командиром корпуса, способным выполнить возложенное на него задание.

— А теперь, после этого письма? — спросил Сталин. — Можно ли его оставить на корпусе, по вашему мнению?

Немного подумав, Василевский сказал, что считает правильным оставить Вольского на его должности, но, конечно, с ним необходимо говорить.

— А вы можете меня соединить с Вольским, — спросил Сталин, — чтобы я с ним поговорил?

Василевский вызвал командный пункт фронта. Сталин взял трубку:

— Здравствуйте, Вольский. Я прочел ваше письмо. Я никому его не показывал, о нем никто не знает. Я думаю, что вы неправильно оцениваете наши и свои возможности. Я уверен, что вы справитесь с возложенными на вас задачами и сделаете все, чтобы ваш корпус выполнил все и добился успеха. Готовы ли вы сделать все от вас зависящее, чтобы выполнить поставленную перед вами задачу?

Выслушав ответ Вольского, Сталин продолжил:

— Я верю в то, что вы выполните вашу задачу, товарищ Вольский. Желаю вам успеха. Повторяю, о вашем письме не знает никто, кроме меня и Василевского, которому я показал его. Желаю вам успеха. До свидания.

Прилетев на фронт, Василевский выехал к танкистам на направление главного удара. Когда он докладывал о соединении фронтов и об организации внутреннего и внешнего фронта окружения противника, Сталин спросил, как действовал Вольский и его корпус.

— Корпус Вольского и его командир действовали отлично.

— Вот что, товарищ Василевский, — сказал Сталин, — раз так, то я прошу вас найти там, на фронте, хоть что-нибудь пока, чтобы немедленно от моего имени наградить Вольского. Передайте ему мою благодарность, наградите его от моего имени и дайте понять, что другие награды ему и другим — впереди.

Василевский наградил Вольского собственным трофейным немецким пистолетом «вальтер», прикрепив к нему дощечку с соответствующей надписью. А при встрече поздравил Вольского с успехом, передал ему слова Сталина и от его имени вручил этот пистолет.

«Мы, — вспоминал впоследствии Василевский, — стояли с Вольским, смотрели друг на друга, и с ним было такое потрясение, что этот человек в моем присутствии зарыдал, как ребенок».

За образцовое выполнение поставленной задачи генерал-лейтенант В. Т. Вольский был награжден орденом Суворова 2-й степени.

Трудный выбор

В ходе Сталинградской наступательной операции командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский обратился по ВЧ к Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину с предложением — ликвидацию окруженной группировки войск Паулюса поручить одному фронту.

Сталин переспросил:

— Одному?

Рокоссовский убежденно повторил:

— Одному фронту. Конечно, надо будет его соответственно усилить.

В Государственном Комитете Обороны состоялось обсуждение плана предстоящих военных действий. Сталин спросил:

— Так кому поручим окончательную ликвидацию противника?

Дело в том, что на выполнение этой важной и почетной задачи были два претендента: командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский и командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко.

— Рокоссовскому, — раздались голоса.

Только Жуков сидел молча, листая какие-то бумаги. Сталин это заметил и с раздражением посмотрел на своего заместителя.

— Вы почему молчите, товарищ Жуков?

Жукову выбирать было особенно трудно. Много лет он знал и Рокоссовского и Еременко, понимал, что и тот и другой заслужили почетное право добить окруженную группировку врага. И он выбрал:

— Рокоссовскому!

Улыбка тронула усы на хмуром лице Сталина.

— Так и решим! Пусть Рокоссовский добивает Паулюса.

Такое решение было на пользу дела, обеспечивало быстрое завершение Сталинградской операции.

Не скрывал своего удовлетворения победой

«Как сейчас помню вечер в Ставке после окончательного разгрома группировки фашистских войск под Сталинградом.: Поскребышев вошел в кабинет И. В. Сталина и доложил, что через несколько минут будут передавать по радио приказ наркома обороны о победе наших войск. В кабинете Сталина не было ни радиоприемника, ни радиоточки. Она находилась в кабинете Поскребышева. В Ставке в этот час находился и Г. К. Жуков. Сталин предложил пойти послушать Левитана.

Безмерно радуясь содержанию передававшегося по радио приказа, я наблюдал, как Сталин, расправив плечи и став как будто выше ростом, попыхивал трубкой, останавливался с гордо поднятой головой и, поглядывая поочередно то на Георгия Константиновича, то на нас, не скрывал своего удовлетворения победой и гордости за блестящий успех наших войск. Особенно он подтянулся и приосанился, когда Левитан читал раздел приказа о пленении немецких генералов, среди которых был и фельдмаршал Паулюс. И это было так понятно. После многих месяцев труднейших, ожесточеннейших сражений требовалась разрядка. Теперь и вовсе стало ясным превосходство наших войск над кичливым врагом с его хваленными генералами и фельдмаршалами».

Цит. по кн.: Н. Д. Яковлев. Об артиллерии и немного о себе.

Хитросплетения союзников

По материалам Тегеранской конференции (28 ноября—1 декабря 1943 года)

«СТАЛИН. Если можно, то я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд».

РУЗВЕЛЬТ. Этот вопрос еще не решен.

СТАЛИН. Тогда ничего не выйдет из операции «Оверлорд». Кто несет моральную и военную ответственность за подготовку и выполнение операции «Оверлорд»? Если это неизвестно, тогда операция «Оверлорд» является лишь разговором.

РУЗВЕЛЬТ. Английский генерал Морган несет ответственность за подготовку операции «Оверлорд».

СТАЛИН. Кто несет ответственность за проведение операции «Оверлорд»?

РУЗВЕЛЬТ. Нам известны все лица, которые будут участвовать в осуществлении операции «Оверлорд», за исключением главнокомандующего этой операцией.

СТАЛИН. Может случиться так, что генерал Морган сочтет операцию подготовленной, но после назначения командующего, который будет отвечать за осуществление этой операции, может оказаться, что командующий сочтет операцию неподготовленной. Должно быть одно лицо, которое отвечало бы как за подготовку, так и за проведение операции.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Генералу Моргану были поручены предварительные приготовления.

СТАЛИН. Кто поручил это генералу Моргану?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Несколько месяцев тому назад это было поручено генералу Моргану Объединенным англо-американским штабом с согласия президента и с моего согласия. Генералу Моргану было поручено вести подготовку операции «Оверлорд» совместно с американским и британским штабами, однако главнокомандующий еще не назначен.

Британское правительство выразило готовность поставить свои силы в операции «Оверлорд» под командование американского главнокомандующего, так как Соединенные Штаты несут ответственность за концентрацию и пополнение войск и имеют численное превосходство в войсках. С другой стороны, британское правительство предложило назначить британского главнокомандующего операциями в Средиземном море, где англичане имеют численное превосходство в войсках.

Вопрос о назначении главнокомандующего нельзя решить на

таком обширном заседании, как сегодняшнее. Этот вопрос следует решить главам трех правительств между собой, в узком кругу. Как мне сейчас сказал президент — и я это подтверждаю, — решение вопроса о назначении главнокомандующего будет зависеть от переговоров, которые мы ведем здесь.

СТАЛИН. Я хочу, чтобы меня поняли, что русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские хотели бы знать, кто будет командующим. Русские хотели бы, чтобы он скорее был назначен и чтобы он отвечал как за подготовку, так и за проведение операции «Оверлорд».

ЧЕРЧИЛЛЬ. Мы вполне согласны с тем, что сказал маршал Сталин, и я думаю, что президент согласится со мной в том, что через две недели мы назначим главнокомандующего и сообщим его фамилию. Одной из наших задач и является назначение главнокомандующего.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Мне кажется, что мы не расходимся во взглядах настолько, насколько это может показаться. Я готов сделать все, что в силах британского правительства, для того, чтобы осуществить операцию «Оверлорд» в возможно ближайший срок. Но я не думаю, что те многие возможности, которые имеются в Средиземном море, должны быть немилосердно отвергнуты, как не имеющие значения, из-за того, что использование их задержит осуществление операции «Оверлорд» на 2–3 месяца.

СТАЛИН. Операции в районе Средиземного моря, о которых говорит Черчилль, это только диверсии. Я не отрицаю значения этих диверсий.

ЧЕРЧИЛЛЬ. По нашему мнению, многочисленные британские войска не должны находиться в бездействии в течение шести месяцев. Они должны вести бои против врага, и с помощью американских союзников мы надеемся уничтожить немецкие дивизии в Италии. Мы не можем оставаться пассивными в Италии, ибо это испортит всю нашу кампанию там. Мы должны оказывать помощь нашим русским друзьям.

СТАЛИН. По Черчиллю выходит, что русские требуют от англичан того, чтобы англичане бездействовали.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Если суда будут отправлены из района Средиземного моря, то в результате значительно сократится масштаб операций в этом районе. Маршал Сталин помнит о том, что на Московской конференции были указаны условия, при которых операция «Оверлорд» может быть успешной. Эти условия предусматривают, что во Франции будет находиться к моменту вторжения не более 12 германских мобильных дивизий и что в течение 60 дней немцы не смогут перебросить во Францию для

пополнения своих войск более 15 дивизий…

Наконец, я считаю приемлемым и от имени британского правительства даю согласие на то, чтобы были выработаны директивы для военной комиссии. Я предлагаю, чтобы мы совместно с американцами разработали свои предложения о директивах комиссии. Я думаю, что наши взгляды более или менее сходятся.

СТАЛИН. Сколько времени мы намерены оставаться в Тегеране?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Я готов не есть, пока эти директивы не будут разработаны.

СТАЛИН. Речь идет о том, когда мы намерены закончить нашу конференцию.

РУЗВЕЛЬТ. Я готов находиться в Тегеране до тех пор, пока в Тегеране будет находиться маршал Сталин.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Если будет необходимо, то я готов навсегда остаться в Тегеране.

РУЗВЕЛЬТ. Я хочу сказать несколько слов. По-моему, если мы втроем дадим директивы нашей военной комиссии, то она сможет обсудить все вопросы.

СТАЛИН. Не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции. Я думаю также, что комиссия, состоящая из министров иностранных дел и представителя, назначенного президентом, по вопросам Балкан также не нужна, ибо все вопросы о Балканах мы можем решить здесь быстрее. Мы, русские, ограничены сроком пребывания в Тегеране. Мы могли бы пробыть здесь 1 декабря, но 2-го мы должны уехать. Президент помнит о том, что мы с ним условились о 3–4 днях.

РУЗВЕЛЬТ. Нам всем известно, что разногласия между нами и англичанами небольшие. Я возражаю против отсрочки операции «Оверлорд», в то время как г-н Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море. Военная комиссия могла бы разобраться в этих вопросах.

СТАЛИН. Мы можем решить эти вопросы сами, ибо мы больше имеем прав, чем военная комиссия. Если можно задать неосторожный вопрос, то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд», или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Если будут налицо условия, которые были указаны на Московской конференции, то я твердо убежден в том, что мы будем обязаны перебросить все имеющиеся у нас силы

против немцев, когда начнется осуществление операции «Оверлорд».

РУЗВЕЛЬТ. Мы очень голодны сейчас. Поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на том обеде, которым нас сегодня угощает маршал».

Меч

Очередному пленарному заседанию Тегеранской конференции предшествовала торжественная церемония, вылившаяся в демонстрацию единства союзников: от имени короля Георга VI и английского народа Черчилль преподнес советской делегации символический дар героям Сталинграда — огромный меч с двуручным эфесом и инкрустированными ножнами, выкованный потомственными оружейниками Великобритании.

После исполнения советского и британского государственных гимнов Черчилль открыл лежавший на столе футляр, достал меч, покоившийся на бархатной подушке, взял его обеими руками и сказал:

— Его Величество король Георг Шестой повелел мне вручить Вам для передачи городу Сталинграду этот почетный меч… На лезвии меча выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа».

Приняв подарок из рук Черчилля, Сталин вынул клинок, поцеловал его, поблагодарил за подарок. Затем он показал меч Рузвельту, уложил его в футляр и передал Ворошилову. Сопровождаемый автоматчиками — почетным караулом, — Ворошилов отнес меч в соседнюю комнату…

На открывшемся сразу же после церемонии втором пленарном заседании глав правительств атмосфера была не столь сердечной. Поскольку основной вопрос — открытие второго фронта — оставался неразрешенным.

Дискуссия продолжалась более трех с половиной часов, и все же благодаря упорству Черчилля проблема «Оверлорда» не выходила из тупика. После того как Черчилль дал понять, что при определенных обстоятельствах высадка может и вообще не состояться, Сталин порывисто встал с кресла и, повернувшись к Молотову и Ворошилову, сказал:

— Пойдемте, делать нам здесь нечего. У нас и на фронте хватает дел!

Положение спас Рузвельт — он старался быть посредником и даже чаще поддерживал Сталина, чем Черчилля.

— Мы очень голодны сейчас, — примирительно заметил он, — поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на чудесном обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин.

Спор вызывали все темы, затронутые на переговорах: и

вступление Турции в войну, и будущие границы Польши, и послевоенное устройство Германии, и наказание военных преступников… Однако настойчивость советских руководителей дала плоды: союзники торжественно обязались открыть второй фронт в мае 1944 года. Были достигнуты и другие обнадеживающие результаты. В совместной декларации трех держав говорилось: «Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим…»

Курская дуга

После многократных обсуждений Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин принял решение встретить наступление немецко-фашистских войск на Курской дуге огнем всех видов глубоко эшелонированной обороны, мощными ударами авиации и контрударами оперативных и стратегических резервов. Затем, измотав и обескровив врага, добить его мощным контрнаступлением на белгородско-харьковском и орловском направлениях, после чего провести глубокие наступательные операции на всех важнейших направлениях.

В разгар битвы на Курской дуге Сталин давал указание Жукову, когда вводить в дело Брянский и Западный фронты, для усиления Воронежского фронта использовал контрнаступление Степного фронта. Оценивая эту операцию, Жуков отметил, что если войска Степного фронта в ходе оборонительного сражения не были бы введены для усиления Воронежского фронта, то последний мог оказаться в крайне сложном положении. 12 июля Сталин приказал Жукову принять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов. Одновременно Верховный Главнокомандующий поручил Василевскому организовать наступление на Юго-Западном фронте в поддержку Воронежского и Степного фронтов.

Отмечая роль И. В. Сталина при разработке и осуществлении плана битвы на Курской дуге, Г. К. Жуков в мемуарах «Воспоминания и размышления» подчеркивал, что Верховный торопил его и Василевского с началом сражения, нам стоило большого труда доказать ему необходимость не спешить с началом действий и начинать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена. Конечно, при этом приходилось серьезно спорить и выслушивать от И. В. Сталина неприятные и незаслуженные слова. Но мы тогда мало обращали на это внимания».

«После смерти И. В. Сталина, — продолжал Г. К. Жуков, — появилась версия о том, что он единолично принимал военно-стратегические решения. Это не совсем так… Если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом сроков многих операций. И на этот раз с нашими соображениями Верховный Главнокомандующий согласился».

Основной план контрнаступления советских войск на

Курской дуге, разработанный и утвержденный Верховным Главнокомандующим еще в мае 1943 года, в ходе оборонительного сражения корректировался и многократно обсуждался в Ставке. Это был план второго этапа разгрома противника в районе Орла, Белгорода и Харькова и являлся частью плана всей летней кампании 1943 года.

Памятный разговор

С особой теплотой вспоминал А. И. Еременко встречу с И. В. Сталиным во фронтовой обстановке в период подготовки летом 1943 года Смоленской операции. Верховный прибыл на Калининский фронт, возглавляемый Андреем Ивановичем и готовивший удар по врагу силами левого крыла, 5 августа в село Хорошово. Вот короткие фрагменты из дневниковой записи об этой встрече.

«…Товарищ Сталин, ходивший до того по комнате, остановился посредине и принял от меня рапорт.

— Здравствуйте, товарищ Еременко, — произнес он мою фамилию с ударением на первом слоге и подал мне руку.

— Здравия желаю, товарищ Сталин! — ответил я.

Он улыбнулся как-то просто и тепло, приветливо потряс мою руку и, пристально глядя на меня, сказал:

— Вы, по-видимому, до сих пор обижаетесь на меня за то, что я не принял вашего предложения на последнем этапе Сталинградской битвы добить Паулюса. Обижаться не следует. Мы знаем, знает весь наш народ, что в Сталинградской битве вы командовали двумя фронтами и сыграли главную роль в разгроме фашистской группировки под Сталинградом, а кто доколачивал привязанного зайца, это уже особой роли не играет.

На эти, по сути дела, слова благодарности я ответил:

— Сталинград теперь уже история, а творец ее — наш народ, партия и вы лично, товарищ Сталин.

В этом месте Сталин вставил реплику:

— Все на Сталина валят, Сталин да Сталин. Это неправильно. Я, конечно, давал директивы, но вы же непосредственно там командовали и руководили этой битвой. Победил, безусловно, советский народ, во главе с великим русским народом, но им нужно было руководить.

После разговоров о кадрах и об оперативном искусстве товарищ Сталин внимательно посмотрел на карту, которую полтора часа назад я прикрепил к стене:

— Ну, теперь докладывайте, как вы спланировали Смоленскую операцию, — сказал он и, улыбнувшись в усы, с ехидцей добавил: — Вы Смоленск сдавали, вам его и брать.

Я ответил, что постараюсь выполнить приказ».

Суммируя впечатления о встрече со Сталиным, Андрей Иванович записал: «В его образе отчетливо выделялись сила, здравый смысл, развитое чувство реальности, широта познаний/ изумительная внутренняя собранность, тяга к ясности,

неумолимая последовательность, быстрота и твердость решений, умение молниеносно оценить обстановку, ждать, не поддаваться искушению, хранить грозное терпение».

Операция «Багратион»

План операции «Багратион» — кодовое наименование плана Белорусской операции 1944 года — обсуждался в Ставке Верховного Главнокомандования 22 и 23 мая. Участвовали командующие четырех фронтов: 1-го Прибалтийского (И. Х. Баграмян), 3-го Белорусского (И. Д. Черняховский), 2-го Белорусского (Г. Ф. Захаров) и 1-го Белорусского (К. К. Рокоссовский). Во время рассмотрения плана действий войск 1-го Белорусского фронта предложение Рокоссовского начать наступление вначале войсками правого фланга, и лишь затем левофланговой группировкой под Ковелем было одобрено. Сталин только рекомендовал Рокоссовскому обратить внимание на необходимость тесного взаимодействия с армиями 1-го Украинского фронта.

— Я предлагаю, — докладывал Рокоссовский, — прорывать здесь оборону противника двумя ударными группировками, действующими по сходящимся направлениям: с северо-востока — на Бобруйск — Осиповичи и с юга — на Осиповичи.

Такое решение вызвало вопрос Верховного Главнокомандующего:

— Почему вы распыляете силы фронта? Не лучше ли объединить их в один мощный кулак, протаранить этим кулаком оборону противника? Прорывать оборону нужно в одном месте.

— Если мы будем прорывать оборону на двух участках, товарищ Сталин, мы достигнем существенных преимуществ.

— Каких же?

— Во-первых, нанося удар на двух участках, мы сразу вводим в дело большие силы, далее, мы лишаем противника возможности маневрировать резервами, которых у него и так немного. И, наконец, если мы достигнем успеха хотя бы на одном участке, это поставит врага в тяжелое положение. Войскам же фронта будет обеспечен успех.

— Мне кажется, — настаивал Сталин, — что удар надо наносить один, и с плацдарма на Днепре, на участке 3-й армии. Вот что, пойдите подумайте часа два, а потом доложите Ставке свои соображения.

Рокоссовский вышел в небольшую комнату рядом с кабинетом Сталина. Вновь проанализировал собственное решение. Оно не вызывало у него сомнения.

Сталин вызвал Рокоссовского.

— Вы продумали решение, товарищ Рокоссовский?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Так что же, будем наносить один удар или два удара?

Сталин прищурился. В кабинете было тихо.

— Я считаю, товарищ Сталин, что два удара наносить целесообразней.

— Значит, вы не изменили своего мнения?

— Да, я настаиваю на осуществлении моего решения.

— Почему вас не устраивает удар с плацдарма за Днепром? Вы же распыляете силы!

— Распыление сил произойдет, товарищ Сталин, я с этим согласен. Но на это надо пойти, учитывая местность Белоруссии, болота и леса, а также расположение вражеских войск. Что же касается плацдарма 3-й армии за Днепром, то оперативная емкость этого направления мала, местность там крайне тяжелая, и с севера нависает сильная вражеская группировка, что нельзя не учитывать.

— Идите, подумайте еще, — приказал Верховный Главнокомандующий. — Мне кажется, что вы напрасно упрямитесь.

Вновь Рокоссовский один, вновь он продумывает одно за другим все «за» и «против» и вновь укрепляется во мнении: его решение правильное.

Когда его снова пригласили в кабинет, он постарался как можно убедительнее изложить свои доводы в пользу нанесения двух ударов. Он кончил говорить, и наступила пауза. Сталин за столом молча раскуривал трубку, затем поднялся, подошел к Рокоссовскому.

— Настойчивость командующего фронтом доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это гарантия успеха. Ваше решение утверждается, товарищ Рокоссовский.

Весь ход операции в июне — июле 1944 года на 1-м Белорусском фронте подтвердил правильность решения, которое так настойчиво защищал в Ставке Рокоссовский.

О жестокости Сталина

«Демократы» ставят в вину Сталину жесткую требовательность к подчиненным. Так, Д. Волкогонов пишет: «Верховный требовал от них (представителей Ставки в войсках. — *Авт.)* ежедневного доклада, письменного или по телефону. Если по каким-либо причинам доклад представителя Ставки задерживался или переносился, можно было ждать разноса. При этом Сталин делал это в грубой, бестактной форме… Вообще для Сталина как Верховного Главнокомандующего был присущ ярко выраженный силовой, репрессивный, жесткий стиль работы».

Да и немало других авторов очень любят распространяться о жестокости И. В. Сталина во время войны. Возможно, читателю будет небезынтересно суждение маршала А. М. Василевского, человека изумительной деликатности и отзывчивости, высказанное в беседе с одним из авторов книги. Значимость твердости характера Сталина как полководца для Василевского была неоспорима. А чтобы лучше оттенить это качество, он сопоставлял его с твердостью, характерной Шапошникову и Жукову.

Однажды только назначенный начальником Генерального штаба Борис Михайлович Шапошников докладывал Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину обстановку на фронтах и вдруг замялся. Затем признался, что о положении на двух фронтах пока ничего сказать не может, поскольку к установленному времени начальники штабов не передали сведений. Сталин тотчас задал вопрос:

— Вы с них потребовали немедленного донесения?

Шапошников заверил, что на этих фронтах знающие свое дело начальники штабов и донесения будут получены. Сталин спросил:

— Вы их наказали? Так нельзя оставлять нежелание предоставлять нам вовремя необходимую информацию.

— Они наказаны строго. Каждому начальнику штаба фронта я объявил выговор, — ответил Шапошников.

— Выговор? — удивленно произнес Сталин. — Да для генералов это не наказание. Выговоры объявляют в партячейке.

Борис Михайлович рассказал, что до революции существовал обычай — офицер, получивший выговор от начальника Генерального штаба, обязан был подать рапорт об освобождении от занимаемой должности. Сталин не стал дальше обсуждать случившееся. По мнению Василевского, очевидно, он остался

удовлетворенным ссылкой на прошлый опыт.

Жесткая требовательность была отличительной чертой характера Георгия Константиновича Жукова. «Он, — говорил А. М. Василевский, — и должен был быть очень требовательным. Это диктовалось военной, фронтовой обстановкой. Да и занимаемые высокие военные посты обязывали. Без жесткой требовательности приказы не выполняются. В бои посылают не уговорами. По себе, — признавался Александр Михайлович, — сужу, бывали обстоятельства, когда не всегда легко удавалось сдержаться, не накричать. Однако верно, что твердость является достоинством характера полководца, а грубость — не элемент руководства войсками. Эти два качества путать не следует. Собой нужно управлять. Случалось, Георгий Константинович бывал груб, мог оскорбить, унизить, крепко выругаться. Это его не украшало. Правда, он и сам сознавался, что чрезмерно сурово относился к недостаткам подчиненных, но не удавалось иначе. Беспощадный к другим, Жуков был воплощением четкости, умения мгновенно принимать решения, добиваться их практического воплощения.

— Когда мы, — продолжал Александр Михайлович, — как-то обратили внимание на появление в кремлевском кабинете И. В. Сталина сразу портретов Суворова и Кутузова, то заинтересовались: а кому из них он сам отдал бы больше предпочтения? Сталин часто ставил в пример то Суворова, то Кутузова. А вот кого ставил превыше — так и не сказал. Мне, — говорил Александр Михайлович, — кажется, что, высоко ценя по-своему и Суворова и Кутузова, Сталин хотел и стремился к тому, чтобы наши военачальники сочетали в себе замечательные качества и того и другого прославленного русского полководца, а не только удовлетворялись следованию заложенным ими традициям бить врага наверняка.

Часто общаясь с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, я, — говорил А. М. Василевский, — мог бы привести множество фактов проявления его душевной мягкости и участия. И в этом что-то было общее у Сталина и Шапошникова. И. В. Сталин, наделенный всей полнотой власти, был крайне беспощаден, когда дело касалось исполнения принятого решения. И эта его жесткая требовательность была чем-то сродни жесткой требовательности Жукова. Однако И. В. Сталин не допускал унижения человека, оскорбления личности даже при крайнем раздражении. Ему не нравилась грубость Жукова.

Уж кто-кто, а я, — говорил Александр Михайлович, — на себе испытал беспощадную требовательность И. В. Сталина. На всю жизнь запомнил день 17 августа 1943 года. В мой адрес была

направлена грозная телеграмма Верховного Главнокомандующего:

«Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки.

Я уже давно обязал Вас, как уполномоченного Ставки, обязательно присылать к исходу каждого дня операции специальные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений.

16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. И вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Вы не можете ссылаться на недостаток времени, так как маршал Жуков работает на фронте не меньше Вас и все же ежедневно присылает в Ставку донесения. Разница между Вами и Жуковым состоит в том, что он дисциплинирован и не лишен чувства долга перед Ставкой, тогда как Вы мало дисциплинированны и забываете часто о своем долге перед Ставкой.

Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта».

Таких телеграмм я, конечно, больше уже не получал. Таковы были требовательность, доверие и уважительность И. В. Сталина. Умел наводить порядок твердой рукой, кого бы это ни касалось», — заключил Александр Михайлович Василевский.

За боевое творчество и инициативу командиров

И. В. Сталин понимал, как важно развивать инициативу командного состава, его умение правильно принимать решение в любой, в том числе и самой сложной обстановке, какую ни один устав предусмотреть не в состоянии. Поэтому в свой приказ, вводящий устав в действие, он внес пункт 4, дающий возможность боевого творчества и широкой инициативы командиров. В нем было записано: «Указания устава надлежит применять, строго сообразуясь с обстановкой».

Метод разработки уставов с привлечением опытных командиров из войск и специалистов, которые давали весьма ценные рекомендации, прочно укоренился и применяется по сей день. Хотя и не все уставы рассматривались в Ставке, но докладывали о них обязательно.

В этой связи позволю себе рассказать читателям об одном поучительном эпизоде. Как-то в начале декабря 1944 года при очередном докладе обстановки Верховный Главнокомандующий спросил, как работает новое управление по изучению опыта войны. А. И. Антонов доложил, что работает, дескать, нормально, люди стараются и часто бывают на фронтах, сборники мы вам представляем.

— А по-моему, — заметил И. В. Сталин, — работает оно плохо, а вы за этим не следите. Известно ли Генштабу и управлению, что в этом году изданы два артиллерийских устава — и оба с серьезными нарушениями установленных правил и порядка в этом деле?

Мы с Антоновым переглянулись. Я ничего не знал и решил молчать. Антонов тоже замялся. Тогда Верховный Главнокомандующий, не дожидаясь ответа, потребовал тщательно разобраться, все проверить и через два дня ему доложить.

Оказалось, что без ведома Ставки командующим артиллерией Красной Армии Главным маршалом артиллерии Н. И. Вороновым были разработаны и представлены на утверждение два устава: 29 мая 1944 года — Боевой устав зенитной артиллерии, а 18 октября того же года — Боевой устав артиллерии Красной Армии. Оба устава были утверждены Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

В назначенный день наш доклад по обстановке на фронтах и по «делу об уставах» начался сразу после заседания Политбюро. И. В. Сталин долго ходил по кабинету и, обращаясь к членам

Политбюро, сказал:

— Надо по этому случаю издать приказ. Генштабу, наверное, неудобно писать про двух больших начальников, поэтому мы сами напишем.

29 мая 1944 года, — начал диктовать И. В. Сталин, — Главным маршалом артиллерии тов. Вороновым был представлен на утверждение зам. наркома маршала Жукова без предварительного одобрения со стороны Ставки Верховного Главнокомандования Боевой устав зенитной артиллерии Красной Армии (две части).

Затем, посмотрев в уставы, лежавшие у него на столе, продолжил:

— 18 октября 1944 года, также без представления и без доклада Ставке Верховного Главнокомандования, тов. Вороновым был внесен на утверждение маршала Жукова Боевой устав артиллерии Красной Армии.

Маршалом Жуковым без достаточной проверки, без вызова и опроса людей с фронта и без доклада Ставке указанные уставы были утверждены и введены в действие.

Немного помедлив, Сталин продолжал:

— Проверка показала, что эти уставы в связи с поспешностью, допущенной при их утверждении, имеют серьезные пробелы, они не учитывают ряда новых систем орудий и не увязаны с планом принятия уставов артиллерии Красной Армии.

Нужно сказать, что Верховный Главнокомандующий обычно пояснял причину, вызывающую необходимость того или иного приказа. Так он поступил и сейчас.

— Народный комиссариат обороны исходит из того, что устав — это не приказ, имеющий силу на короткий срок. Устав — это свод законов для Красной Армии на годы. Поэтому требуется перед утверждением устава тщательная его проверка с вызовом товарищей с фронта. В таком порядке был утвержден Боевой устав пехоты. В таком же порядке надо было вести работу при представлении на утверждение и этих уставов, чтобы не допустить ошибок и чтобы попусту не наказывать потом военнослужащих из-за нарушения дефектных уставов. Приходится установить, что тов. Воронов пренебрег этим методом выработки и представления на утверждение уставов, а маршал Жуков забыл о нем…

Теперь наступила очередь заключительной части приказа. Все присутствующие внимательно слушали. И. В. Сталин ровно произнес:

— В связи с этим… — И затем, чуть помедлив, словно подчеркивая смысл, продиктовал: — Первое. Отменяю, — опять

посмотрел в уставы, где были проставлены номера приказов, — приказы № 70 и 77 от 29 мая 1944 года и № 209 от 18 октября 1944 года заместителя наркома обороны СССР маршала Жукова об утверждении и введении в действие Боевого устава зенитной артиллерии и Боевого устава артиллерии Красной Армии.

Второе. Ставлю на вид Главному маршалу артиллерии товарищу Воронову несерьезное отношение к вопросу об уставах артиллерии.

Третье. Обязываю маршала Жукова впредь не допускать торопливости при решении серьезных вопросов.

Приказываю:

Для просмотра и проверки указанных выше уставов образовать комиссии:

а) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава зенитной артиллерии;

б) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава артиллерии.

Заместителю народного комиссара обороны СССР товарищу Булганину определить состав комиссий и представить мне на утверждение.

Настоящий приказ разослать всем командующим фронтами (округами), армиями, начальниками главных и центральных управлений и командующим родов войск Наркомата обороны СССР…

Мы, да и все другие, кого это касалось, запомнили этот урок навсегда.

Цит. по кн.: С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны.

Политическая необходимость

После освобождения Красной Армией Дебрецена в жизни Венгрии произошел решительный поворот — на заседании Временного национального собрания 21 декабря 1944 года было сформировано демократическое венгерское правительство. Но столица Венгрии — Будапешт — оставалась занятой фашистами. За взятие Будапешта вели борьбу войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского. Ударной 46-й армии было недостаточно. Малиновский поэтому просил Сталина дать ему несколько дней для переброски под Будапешт танковых соединений. В канун намечавшегося наступления между ними состоялся разговор.

«И. В. Сталин. Необходимо, чтобы вы в самое ближайшее время, буквально на днях, овладели столицей Венгрии — Будапештом. Это нужно сделать во что бы то ни стало. Сможете ли вы это сделать?

Р. Я. Малиновский. Эту задачу можно было бы выполнить дней через пять после того, как к Сорок шестой армии подойдет Четвертый гвардейский механизированный корпус. Его подход ожидается к 1 ноября. Тогда Сорок шестая армия, усиленная двумя гвардейскими механизированными корпусами — Вторым и Четвертым, — смогла бы нанести мощный, совершенно внезапный для противника удар и через два-три дня овладеть Будапештом.

И. В. Сталин. Ставка не может предоставить вам пять дней. Поймите, по политическим соображениям нам надо возможно скорее взять Будапешт.

Р. Я. Малиновский. Я отчетливо понимаю, что нам очень важно взять Будапешт по политическим соображениям. Однако следовало бы подождать прибытия Четвертого гвардейского механизированного корпуса. Лишь при этом условии можно рассчитывать на успех.

И. В. Сталин. Мы не можем пойти на отсрочку наступления на пять дней. Надо немедленно переходить в наступление на Будапешт.

Р. Я. Малиновский. Если вы дадите мне пять дней сейчас, то в последующие дни, максимум пять дней, Будапешт будет взят. Если же немедленно перейти в наступление, то Сорок шестая армия, ввиду недостатка сил, не сможет развить удар, она неминуемо ввяжется в затяжные бои на самых подступах к венгерской столице. Короче говоря, она не сумеет овладеть Будапештом с ходу.

И. В. Сталин. Напрасно вы упорствуете. Вы не понимаете политической необходимости нанесения немедленного удара по Будапешту.

Р. Я. Малиновский. Я понимаю всю политическую важность овладения Будапештом и для этого прошу пять дней…

И. В. Сталин. Я вам категорически приказываю завтра же перейти в наступление на Будапешт!»

Требование Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина быстро взять Будапешт имело веские основания, ибо привело бы к незамедлительному выходу Венгрии из войны, к тому же срывало планы союзников «упредить русских».

Маршал Малиновский приступил к выполнению приказа Верховного Главнокомандующего.

Штурм Будапешта завершился только 13 февраля 1945 года. В ходе Будапештской операции была окружена и уничтожена 188-тысячная немецкая группировка. За умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских войск, маршал Р. Я. Малиновский был награжден 26 апреля орденом «Победа».

Польский вопрос

По мере приближения Красной Армии к границам Польши одной из наиболее острых проблем становились взаимоотношения между СССР и западными союзниками по польскому вопросу. Позиция И. В. Сталина была тверда и непоколебима, когда речь шла о будущей советско-польской границе, создании дружественного СССР польского правительства и по другим насущным вопросам. Это наглядно видно из переписки Сталина с Черчиллем и Рузвельтом, стремящимися, как это было и перед Второй мировой войной, иметь враждебную Советскому Союзу Польшу.

В феврале 1944 года Сталин писал Рузвельту: «Как известно, Советское правительство официально заявило, что оно не считает границу 1939 года неизменной, и согласилось на линию Керзона. Тем самым мы пошли на весьма большие уступки полякам в вопросе границы. Мы вправе были ждать соответствующего же заявления от польского правительства. Польское правительство должно было бы сделать официальное заявление, что граница, установленная Рижским договором, подлежит изменению и что линия Керзона принимается им как линия новой границы между СССР и Польшей. Такое заявление о признании линии Керзона польское правительство должно было бы сделать столь же официально, как это уже сделало Советское правительство. Тем не менее польское правительство в Лондоне не сдвинулось с места, по-прежнему в своих официальных выступлениях высказываясь за то, что граница, которая была в трудную минуту навязана нам по Рижскому договору, должна остаться неизменной. Следовательно, здесь нет почвы для соглашения, ибо точка зрения нынешнего польского правительства, как видно, исключает возможность соглашения…»

В новом послании Сталин разъяснял американскому президенту:

«Оба Ваши послания от 20 февраля по польскому вопросу получил от г. Керра 27 февраля.

Ознакомившись с подробным изложением Ваших бесед с деятелями эмигрантского польского правительства, я еще и еще раз пришел к выводу, что такие люди не способны установить нормальные отношения с СССР. Достаточно указать на то, что они не только не хотят признать линию Керзона, но еще претендуют на Львов и Вильно. Что же касается стремления поставить под иностранный контроль управление некоторых советских территорий, то такие поползновения мы не можем принять к

обсуждению, ибо даже саму постановку вопроса считаем оскорбительной для Советского Союза…»

Сталин резко ответил на заявление Черчилля в послании от 7 марта, что вопрос о советско-польской границе придется отложить до созыва конференции о перемирии:

«Я думаю, что мы имеем тут дело с каким-то недоразумением. Советский Союз не воюет и не намерен воевать с Польшей. Советский Союз не имеет никакого конфликта с польским народом и считает себя союзником Польши и польского народа. Именно поэтому Советский Союз проливает кровь ради освобождения Польши от немецкого гнета. Поэтому было бы странно говорить о перемирии между СССР и Польшей. Но у Советского правительства имеется конфликт с эмигрантским польским правительством, которое не отражает интересов польского народа и не выражает его чаяний. Было бы еще более странно отождествлять с Польшей оторванное от Польши эмигрантское польское правительство в Лондоне».

За Польшу дрался как лев

После освобождения Польши от фашизма вопрос стоял ребром: каким должно быть это государство? Советский Союз тогда отвечал однозначно: Польша должна быть дружественной ему. Ответ, который давали западные союзники, гласил: Польша должна остаться такой, какой была до войны, и по существу продолжать следовать в фарватере капиталистических стран.

На всех союзнических конференциях по польскому вопросу шли жестокие баталии. Особенно острыми они были в Потсдаме. Иногда казалось, что наступил момент ударить кулаком по столу и хлопнуть дверью. Однако советская делегация проявляла терпение, которое можно назвать железным. Это относится прежде всего к Сталину. Он сражался как лев за то, чтобы Польша была дружественным Советскому Союзу социалистическим государством, а не пристежкой к западному блоку. И добился успеха: в конце концов было принято именно то решение, за которое боролся Советский Союз.

Цит. по кн.: А. А. Громыко. Памятное.

Стремление к сотрудничеству

С мощным победным натиском Красной Армии на Запад росло влияние Советского Союза, что вызывало у Черчилля все большее беспокойство. Особенно его волновало будущее Польши, Греции и Югославии. Он предложил провести предварительные переговоры в Москве. Назвал срок — октябрь 1944 года.

Сталин немедленно послал сердечное приглашение. До этого Рузвельт хотел встретиться в Гааге. Сталин отказался, сославшись на нездоровье.

Черчилль в сопровождении Идена и военачальников прибыл в Москву 9 октября. Ему был оказан радушный прием. Сталин был очень дружелюбен.

В Большом театре состоялось большое представление с участием артистов балета и Ансамбля песни и пляски Красной Армии. Черчилль был искренне тронут, когда его появление в ложе было встречено продолжительной овацией зрительного зала. Появление в ложе И. В. Сталина вызвало «почти страстную демонстрацию».

В британском посольстве состоялся торжественный ужин. Сталин приехал в длинном сером военном плаще и высокой фуражке с красным околышем. Под плащом на нем была маршальская форма с единственной наградой на груди. В сопровождении Молотова и посла Сталин поднялся по лестнице наверх. В гостиной висели портреты королевской семьи. Пристроившись к изображению Георга V, Сталин спросил английского переводчика Бирса: «Разве это не наш Николай II?» Бирс сказал, что они удивительно похожи, ведь оба монарха были кузенами.

Переговоры привели к ограниченным результатам. Польский вопрос не был решен из-за позиции английской стороны. Сталин категорически заявил, что Советское государство не потерпит в Польше правительство, активно враждебное Советскому Союзу. Относительно учета интересов союзников и СССР в Румынии, Греции, Югославии, Венгрии и Болгарии вопрос решился на удивление быстро.

По военным вопросам много внимания было уделено войне против Японии на дальневосточном театре. Сталин заверил, что через три месяца после поражения Германии Советский Союз начнет боевые действия против Японии. Для этой цели количество советских дивизий здесь будет доведено до шестидесяти, при условии, что американская сторона обеспечит снабжение через Петропавловск и возьмет на себя решение

«политических аспектов участия Советского Союза». Американцы должны были обеспечить продовольствие, транспорт и горючее для 1,5 миллиона войск, 3 тысяч танков, 5 тысяч самолетов и 75 тысяч машин.

На политических переговорах было достигнуто общее соглашение о разделе Германии, об обращении с военными преступниками и по другим вопросам.

И хотя еще оставались нерешенные проблемы, московские переговоры показали, что при проявлении доброй воли можно достигнуть общего понимания. Сталин продемонстрировал стремление советской стороны к сотрудничеству с западными союзниками.

Ялта

2 февраля 1945 года в Крым специальным поездом прибыли И. В. Сталин и В. М. Молотов и сразу направились в свою резиденцию.

Точно в назначенный час в воздухе показался четырехмоторный «Си-54», на борту которого находился У. Черчилль. Он обошел строй почетного караула. Кадры кинохроники запечатлели, как тучный английский премьер внимательно вглядывался в глаза советских воинов, словно пытался разгадать, что они за люди, откуда у них такое мужество. У. Черчилля встречали В. М. Молотов и другие официальные лица.

Затем совершил посадку американский воздушный лайнер. С помощью специального лифта-кабины Ф. Рузвельта спустили на летное поле. Два рослых солдата бережно перенесли его в «Виллис», в котором он медленно объехал строй почетного караула. Американского президента приехал встречать У. Черчилль. С советской стороны Ф. Рузвельта встречали В. М. Молотов и другие члены делегации.

И. В. Сталин был в Ялте, но ни английского премьера, ни американского президента не встречал.

Говорили, что Черчилль и Рузвельт были недовольны отсутствием Сталина при встрече. Черчилль якобы сказал Рузвельту: «Выразите маршалу наше неудовольствие, гостей принято встречать».

При встрече с Рузвельтом Сталин дал понять, что с его стороны этот жест не случаен: вы, союзники, столько лет тянули с открытием второго фронта, теперь приехали, когда Советский Союз не столь уж и нуждается в вашей помощи, один может справиться с фашистской Германией, тем самым еще и вам, союзникам, оказать помощь. Красная Армия была в 60 километрах от Берлина.

И Рузвельт, и Черчилль больше этого эпизода не касались.

Берлинская операция

«В конце октября и начале ноября 1944 года мне, — пишет маршал Г. К. Жуков, — пришлось основательно поработать над основными вопросами завершающей кампании войны, и прежде всего над планами операций на берлинском направлении». 7 марта 1945 года Сталин вызвал Жукова с фронта и поручил вместе с Антоновым посмотреть расчеты по Берлинской операции и доложить ему завтра в 13 часов.

«Мы, — продолжает Жуков, — еще раз рассмотрели основные наметки плана и расчеты на проведение Берлинской стратегической операции, в которой должны были участвовать три фронта. Поскольку об этом в Ставке и Генштабе неоднократно говорилось, мы сделали лишь уточнения в связи с затяжкой операции в Восточной Пруссии, в районе Данцига и в Прибалтике.

На следующее утро Верховный позвонил А. И. Антонову и передал, чтобы мы приехали не в 13, а в 20 часов.

Вечером при обсуждении вопроса о Берлинской операции присутствовал ряд членов Государственного Комитета Обороны. Докладывал А. И. Антонов.

Верховный Главнокомандующий утвердил все наши предложения и приказал дать фронтам необходимые указания о всесторонней подготовке решающей операции на берлинском стратегическом направлении».

Но и этим Сталин не ограничился при разработке плана Берлинской операции. Через некоторое время Жуков опять пишет в своей книге:

«29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отрабатывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлевский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на Западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших

направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьезная…

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении.

Достав свою фронтовую разведывательную карту, я положил ее перед Верховным. И. В. Сталин стал внимательно рассматривать всю оперативно-стратегическую группировку немецких войск на берлинском стратегическом направлении…

— Когда наши войска могут начать наступление? — спросил И. В. Сталин. Я доложил:

— 1-й Белорусский фронт может начать наступление не позже чем через две недели. 1-й Украинский фронт, видимо, также будет готов к этому сроку. 2-й Белорусский фронт, по всем данным, задержится с окончательной ликвидацией противника в районе Данцига и Гдыни до середины апреля и не сможет начать наступление с Одера одновременно с 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

— Ну что ж, — сказал И. В. Сталин, — придется начать операцию, не ожидая действий фронта Рокоссовского. Если он и запоздает на несколько дней — не беда…

Подойдя к письменному столу, он позвонил А. И. Антонову и приказал ему тотчас прибыть.

Через 15 минут А. И. Антонов был в кабинете Верховного.

— Как идут дела у Рокоссовского?

А. И. Антонов доложил обстановку и ход боевых действий в районе Данцига и Гдыни, после чего Верховный осведомился о положении дел у А. М. Василевского в районе Кенигсберга.

Алексей Иннокентьевич доложил обстановку на 3-м Белорусском фронте.

Обратившись к А. И. Антонову, Верховный сказал:

— Позвоните Коневу и прикажите 1 апреля прибыть в Ставку с планом операции 1-го Украинского фронта, а эти два дня поработайте с Жуковым над общим планом».

Кто первый ворвется — тот пусть и берет Берлин

1 апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жуков и командующий 1-м Украинским фронтом И. С. Конев. Сталин спросил: известно ли им, командующим фронтами, как складывается обстановка? Жуков и Конев ответили, что по тем данным, которыми они располагают у себя на фронтах, обстановка им известна. Тогда Сталин попросил начальника Оперативного управления Генштаба генерала Штеменко ознакомить их с полученной Генеральным штабом телеграммой, в которой сообщалось, что англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина раньше, чем это сделает Красная Армия. В телеграмме указывалось, что подготовка к выполнению операции идет вовсю, намечены направления главного удара, происходит стягивание войск и техники, командование группировкой войск для взятия Берлина возложено на фельдмаршала Монтгомери.

После зачтения СМ. Штеменко телеграммы Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин обратился к маршалам Г. К. Жукову и И. С. Коневу с вопросом:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Первым ответил Конев:

— Берлин будем брать мы и возьмем его раньше союзников.

Слегка усмехнувшись, Сталин заметил:

— Вот какой вы.

Затем серьезно задал вопрос:

— А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, и вам, по-видимому, придется производить большую перегруппировку.

Конев ответил:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Жуков доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт имеет достаточно войск и техники, прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния. Выслушав Жукова и Конева, Сталин сказал:

— Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на

фронты с уже утвержденными планами.

Конев вспоминал впоследствии, что при утверждении проекта операции Сталин провел на карте разграничительную линию вплоть до Люббена, что в 60 километрах от Берлина, но затем ее оборвал и дальше линию не провел. Он ничего не сказал при этом, однако, судя по всему, тем самым молчаливо предложил действовать далее исходя из обстановки. Возможно, в этом обрыве был негласный призыв к соревнованию?

Во время обсуждения в Ставке общего плана предстоящих действий на берлинском направлении в основном были определены цели и задачи 2-го Белорусского фронта. В своих мемуарах Г. К. Жуков отмечает: «Так как 2-й Белорусский фронт операцию начинал на четверо суток позже, маршал К. К. Рокоссовский не был вызван в Ставку для обсуждения Берлинской операции». Однако отдельные авторы до сих пор преподносят факт отсутствия Рокоссовского в Ставке как проявление неприязненного отношения к маршалу со стороны Сталина.

Наступление на Берлин назначалось на 16 апреля 1945 года.

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин сказал:

— Кто первый ворвется — тот пусть и берет Берлин!

Войска 1-го Белорусского фронта выступили с Кюстринского плацдарма (командующий — маршал Г. К. Жуков). Стремительно развивали наступление войска 1-го Украинского фронта (командующий — И. С. Конев). В связи с задержкой прорыва войсками 1-го Белорусского фронта одерского оборонительного рубежа гитлеровцев Ставка дала указание И. С. Коневу повернуть обе танковые армии для удара по Берлину с юга. Войскам 2-го Белорусского фронта (командующий — маршал К. К. Рокоссовский) предписывалось после форсирования Одера обойти Берлин с севера.

Впоследствии Г. К. Жуков писал: «Существуют неверные представления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин якобы не решением И. В. Сталина, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И. С. Конева по этому вопросу, сказанные им на сборе высшего командного состава центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда все было еще так свежо в памяти:

«Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идет успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: «У Жукова идет туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке».

Поэтому маневр, который совершили Рыбалко и Лелюшенко,

является прямым указанием товарища Сталина».

Следовательно, всякие измышления по этому вопросу должны быть исключены из нашей литературы».

24 апреля ударные соединения 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов соединились в районе Бранденбурга, замкнув кольцо окружения гитлеровцев в Берлине. Вместе с тем произошло смешение двух фронтов. Жуков и Конев обратились в Ставку с предложением о новой разграничительной линии между их фронтами, чтобы четко организовать взаимодействие войск и исключить ненужные споры, возникшие между командующими двух главных фронтов в самые последние дни войны. Сталину приходилось их мирить. По новой разграничительной линии центр Берлина входил в полосу действий армий 1-го Белорусского фронта. Войска Конева, которые к тому времени достигли Тиргартена, отводились, чтобы их место заняли войска Жукова. Конев вынужден был подчиниться приказу. Было изменено и направление действий войск Рокоссовского: в период штурма Берлина они успешно наступали в Западной Померании и Мекленбурге.

Англо-американские планы первыми войти в Берлин были сорваны. Подводя итоги Великой Отечественной войны, И. В. Сталин 9 февраля 1946 года говорил: «…В заграничной прессе все чаще и чаще появляются заметки, отмечающие высокие качества Красной Армии, мастерство ее бойцов и командиров, безупречность ее стратегии и тактики. Это и понятно. После блестящих побед Красной Армии под Москвой и Сталинградом, под Курском и Белгородом, под Киевом и Кировоградом, под Минском и Бобруйском, под Ленинградом и Таллином, под Яссами и Львовом, на Висле и Немане, на Дунае и Одере, под Веной и Берлином — после всего этого нельзя не признать, что Красная Армия является первоклассной армией, у которой можно было бы поучиться многому».

Стратег, политик

Битва за взятие Берлина проанализирована и рассмотрена обстоятельно и во всех подробностях. При этом, однако, иные военные историки и писатели нет-нет да непременно подчеркнут, что в ходе ее Сталин перессорил между собой Жукова, Конева и Рокоссовского, сталкивая их, интригуя, играя на самолюбии каждого и т. д., а уж про самого Сталина и говорить нечего: взял на себя руководство тремя фронтами, нацеленными на Берлин, чтобы всю победу приписать исключительно себе. И подобные побасенки какой год кочуют из одного сочинения в другое, казалось бы, солидных авторов.

Берлинскую операцию 1945 года Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин поручил осуществить трем полководцам — командующему 2-м Белорусским фронтом маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому, командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Советского Союза Г. К. Жукову и командующему 1-м Украинским фронтом маршалу Советского Союза И. С. Коневу. Все они на фронте с первого часа Великой Отечественной войны. Каждым одержаны блистательные победы над врагом. Все они совместно со Сталиным разрабатывали план Берлинской операции.

Интересный факт поведал Константин Симонов. Когда Сталин не увидел в романе Э. Казакевича «Весна на Одере» упоминания о Жукове, то на заседании комиссии по присуждению Сталинских премий, поддержав произведение писателя, отметил: «Не все там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что воевал он лучше Конева и не хуже Рокоссовского». Это не просто замечание писателю. В этом характерном замечании отношение Сталина к каждому полководцу — Жукову, Коневу, Рокоссовскому — на этапе решающего сражения Отечественной войны и Второй мировой войны в целом.

Все они четверо — Сталин, Жуков, Конев, Рокоссовский — снискали себе лавры победителей в Берлинском сражении — сражении, которое отличали скоротечность наступления Красной Армии на огромном театре военных действий; взаимодействие трех фронтов, различных родов и видов войск, частей военно-морского флота и войск польской армии; создание прочного окружения с одновременным рассечением крупных сил противника; умение ведения боевых действий в многонаселенной

и сильно укрепленной столице гитлеровской Германии. Подобного сражения не знала история мировых войн.

И то, что Сталин взял на себя руководство действиями трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского, — обеспечило тогда тесное взаимодействие этих фронтов и, следовательно, успех всей Берлинской операции. Когда Рокоссовский обиделся, что его с главного направления переводят на 2-й Белорусский фронт, Сталин сказал ему: «Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков». И то, что Рокоссовский поляк, не имело никакого значения, абсолютно ничего не решало: все было подчинено успеху общего замысла операции по взятию Берлина. А когда между Коневым и Жуковым возникли разногласия по поводу направления продвижения их армий, Сталин приказал перебросить подвижные войска Жукова и пустить их через образовавшийся прорыв на участке фронта Конева, центр Берлина тогда вошел в полосу действий армий 1-го Белорусского фронта, которыми командовал заместитель Верховного Главнокомандующего командующий фронтом маршал Жуков. Поэтому приписывать Сталину честолюбивые замыслы по меньшей мере глупо. Не менее глупо, а вернее — преступно заставлять людей видеть в победоносных маршалах завистников и интриганов.

Общее руководство Сталиным Берлинской операцией имело и внешнеполитическое значение. Верховный Главнокомандующий уже на второй день, 17 апреля 1945 года, после начала Берлинской операции телеграфировал Военному совету 1-го Белорусского фронта: «Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать».

Осуществляя общее руководство Берлинской операцией, Сталин срывал стремление политического и военного руководства Англии и США овладеть Берлином и ввести туда свои войска раньше, чем Красная Армия возьмет столицу Третьего рейха. Ведь, не встречая серьезного сопротивления немцев, войска союзников двигались в направлении Берлина.

В ходе Берлинской операции Сталин проявил себя решительным полководцем, мудрым политиком, искусным дипломатом и дальновидным государственным деятелем. Взятием Берлина победно завершилась Великая Отечественная война Советского Союза.

Срочное сообщение

В 4 часа 1 мая 1945 года генерал В. И. Чуйков доложил по телефону маршалу Г. К. Жукову, что начальник Генштаба германских сухопутных войск Кребс сообщил о самоубийстве Гитлера. В. И. Чуйков зачитал содержание письма Геббельса, к которому было приложено завещание Гитлера.

Ввиду важности сообщения, несмотря на поздний час, Жуков позвонил Сталину. Тот был на даче. К телефону подошел дежурный генерал, который сказал:

— Товарищ Сталин только что лег спать.

— Прошу разбудить его. Дело срочное и до утра ждать не может.

Сталин подошел к телефону. Жуков доложил о самоубийстве Гитлера и письме Геббельса с предложением о перемирии.

Сталин ответил:

— Доигрался, подлец! Жаль, что не удалось взять его живым. Где труп Гитлера?

— По сообщению генерала Кребса, труп Гитлера сожжен на костре.

Верховный сказал:

— Никаких переговоров, кроме безоговорочной капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести. Если ничего не будет чрезвычайного, не звоните до утра, хочу немного отдохнуть.

День великой победы

Выступление И. В. Сталина по радио 9 мая 1945 года.

«Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день победы над Германией, фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их

в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!»

За здоровье русского народа!

Тост И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа.

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой». Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие.

За здоровье русского народа!»

Парад Победы

«Примерно в конце мая сорок пятого года, — вспоминал маршал Рокоссовский, — по предложению Сталина в ознаменование великой Победы над гитлеровской Германией было решено провести в Москве Парад Победы.

Когда вся подготовительная работа была проведена, созвали совещание, на которое пригласили командующих фронтами. Был доложен ритуал парада. Остался открытым один вопрос: кто будет принимать Парад Победы и кто будет им командовать?

Один за другим выступали маршалы и единодушно предлагали:

— Парад Победы должен принимать товарищ Сталин.

Сталин, по своему обыкновению, ходил по кабинету, слушал выступающих, хмурился. Подошел к столу:

— Принимающий Парад Победы должен выехать на Красную площадь на коне. А я стар, чтобы на коне ездить.

Мы все горячо стали возражать:

— Почему обязательно на коне? Президент США Рузвельт — тоже верховный главнокомандующий, а на машине парады принимал.

Сталин усмехнулся:

— Рузвельт — другое дело, у него ноги парализованные были, а у меня, слава богу, здоровые. Традиция у нас такая: на коне на Красную площадь надо выезжать. — И еще раз подчеркнул: — Традиция! — После паузы посмотрел на меня и на Жукова и сказал: — Есть у нас два маршала-кавалериста: Жуков и Рокоссовский. Вот пусть один командует Парадом Победы, а другой Парад Победы принимает».

Генералиссимус

Отмечая исключительные заслуги Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в достижении Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 годов предлагалось:

1. Переименовать столицу СССР город Москва в город Сталиндар.

Сталин категорически отверг возможность такого решения. Его поддержал Молотов. И этого оказалось достаточным, чтобы Москва навсегда осталась Москвой.

2. Присвоить И. В. Сталину звание Генералиссимуса Советского Союза.

Вопрос о присвоении звания генералиссимуса обсуждался несколько раз, и каждый раз Сталин убеждал этого не делать.

За присвоение И. В. Сталину звания генералиссимуса выступили маршалы Жуков, Рокоссовский, Василевский, Конев. «Очень интересной была реакция Сталина на наше предложение, — так вспоминал И. С. Конев, — присвоить ему звание генералиссимуса. Это было уже после войны. На заседании Политбюро, где обсуждался этот вопрос, присутствовали Жуков, Василевский, я и Рокоссовский (если не ошибаюсь). Сталин сначала отказывался, но мы настойчиво выдвигали это предложение. Я дважды говорил об этом. И должен сказать, что в тот момент искренне считал это необходимым и заслуженным. Мотивировали мы тем, что по статуту русской армии полководцу, одержавшему большие победы, победоносно окончившему кампанию, присваивается такое звание.

Сталин несколько раз прерывал нас, говорил: «Садитесь», а потом сказал о себе в третьем лице:

— Хотите присвоить товарищу Сталину генералиссимуса. Зачем это нужно товарищу Сталину? Товарищу Сталину это не нужно. Товарищ Сталин и без этого имеет авторитет. Это вам нужны звания для авторитета. Товарищу Сталину не нужны никакие звания для авторитета. Подумаешь, нашли звание для товарища Сталина — генералиссимус. Чан Кайши — генералиссимус, Франко — генералиссимус. Нечего сказать, хорошая компания для товарища Сталина. Вы маршалы, и я маршал, вы что, меня хотите выставить из маршалов? В какие-то генералиссимусы? Что это за звание? Переведите мне.

Пришлось тащить разные исторические книги и статуты и объяснять, что это в четвертый раз в истории русской армии после Меншикова и еще кого-то, и Суворова.

В конце концов он согласился. Но во всей этой сцене была очень характерная для поведения Сталина противоречивость: пренебрежение ко всякому блеску, ко всякому формальному чинопочитанию и в то же время чрезвычайное высокомерие, прятавшееся за той скромностью, которая паче гордости».

Рокоссовский говорил, что Сталин согласие дал после того, как он заявил: «Товарищ Сталин, вы маршал и я маршал, вы меня наказать не сможете!»

27 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР И. В. Сталину было присвоено вновь учрежденное звание Генералиссимуса Советского Союза.

Молотов впоследствии не раз говорил: «Сталин жалел, что согласился на генералиссимуса. Он всегда жалел… Сталин только один, имейте в виду, а генералов-то много. Потом было ругался: «Как я согласился?» Вождь всей партии, всего народа и международного движения коммунистического и только генералиссимус. Это же принижает, а не поднимает! Он был гораздо выше этого! Генералиссимус — специалист в военной области. А он — и в военной, и в партийной, и в международной. Два раза пытались ему присвоить. Первую попытку он отбил, а потом согласился и жалел об этом».

26 июня 1945 года председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин подписал указы о награждении И. В. Сталина вторым орденом «Победа» и о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

Сталина убедили принять второй орден «Победа», поскольку вторым орденом «Победа» были награждены маршал Жуков и маршал Василевский.

Узнав о присвоении звания Героя Советского Союза, Сталин возмутился и решительно отказался принять «Золотую Звезду». Сталин заявил: «Подхалимы придворные! Такая высокая награда должна вручаться только воинам, проявившим героизм на поле боя! Я же в атаку с винтовкой наперевес не ходил и героизма не проявлял».

Фотографии И. В. Сталина с двумя Золотыми звездами — Золотой Звездой Героя Социалистического Труда и Золотой Звездой Героя Советского Союза — нет. Это художники рисовали И. В. Сталина с двумя Золотыми Звездами. Золотая Звезда Героя Советского Союза до конца жизни И. В. Сталина хранилась в Наградном отделе Президиума Верховного Совета СССР. Ее прикрепили к его кителю лишь после смерти перед гражданской панихидой.

Подготовка японской кампании

Генерал С. М. Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы войны» пишет:

«Летом 1944 года, когда второй фронт был все-таки открыт, союзники еще раз попытались повлиять на решение СССР по японскому вопросу. В конце июня глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Д. Дин обратился от имени начальника штаба армии США к начальнику нашего Генерального штаба Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому с настойчивой просьбой о всемерном ускорении вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Зная точку зрения Советского правительства, Александр Михайлович твердо заявил, что до окончательного разгрома фашистской Германии об этом не может быть и речи. На аналогичный запрос Черчилля И. В. Сталин тоже ответил, что позиция Советского правительства не изменилась.

Только на исходе сентября 1944 года, после очередного доклада в Ставке, мы получили от Верховного задание подготовить расчеты по сосредоточению и обеспечению войск на Дальнем Востоке.

— Скоро, видимо, потребуются, — заключил Сталин этот короткий и как бы мимолетный разговор.

Такие расчеты в начале октября были сделаны, а в середине того же месяца Сталин впервые воспользовался ими при переговорах с Черчиллем и Иденом, прибывшими в Москву.

Мне лично в тот раз довелось видеть премьер-министра Великобритании лишь однажды. Случилось это вечером, когда мы с генералом А. И. Антоновым явились на обычный доклад в Ставку. Еще в приемной нас предупредили, что у Сталина Черчилль и что Верховный распорядился, чтобы мы заходили, как только прибудем.

Черчилль со Сталиным сидели в креслах друг против друга и оба нещадно дымили: один — толстой сигарой, другой — неизменной трубкой. За письменным столом расположился переводчик.

Сталин представил нас и сказал, что господин Черчилль хочет послушать доклад об обстановке на фронтах. Антонов сделал такой доклад, но с некоторым отступлением от порядка, принятого в Ставке. В данном случае фронты представлялись последовательно с севера на юг и обстановка на них излагалась по так называемому сокращенному варианту. Черчилль подошел к столу, внимательно посмотрел разложенные на нем карты и задал только один вопрос: сколько войск у немцев против

Эйзенхауэра? Алексей Иннокентьевич ответил.

После этого нас отпустили, но мы остались в соседней комнате в надежде, что Черчилль скоро уедет и нам удастся положить на подпись Верховному некоторые неотложные документы. Минут через двадцать такая возможность действительно представилась.

Перед нашим уходом Сталин вызвал Поскребышева и распорядился:

— Виски и сигары, которые подарил мне Черчилль, отдайте военным. — Затем, обращаясь к нам, добавил: — Попробуйте, наверно, это неплохо.

Когда мы садились в машину, ящик с виски и коробка сигар находились уже там.

Переговоры с Черчиллем и Иденом велись вначале без участия военных, но когда опять дело коснулось Дальнего Востока, пригласили А. И. Антонова и Ф. И. Шевченко. Последний был уже генерал-лейтенантом и занимал пост начальника штаба Дальневосточного фронта. Советское правительство подтвердило свое обязательство начать войну против Японии.

Мы победили

Обращение И. В. Сталина к народу 2 сентября 1945 года

«Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции, Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали Вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец Второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же

воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила Советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918–1922 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир

для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам и Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!»

Карта СССР

В. М. Молотов говорил писателю Ф. И. Чуеву:

— Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей.

…Вспоминается рассказ А. И. Мгеладзе (Первый секретарь ЦК КП Грузии в последние годы жизни И. В. Сталина), дополненный Молотовым о том, как после войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах — небольшую, будто для школьного учебника. Сталин приколол ее кнопками на стену: «Посмотрим, что у нас получилось… На Севере у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика — это исконно русские земли! — снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы — вместе, молдаване — вместе. На Западе нормально. — И сразу перешел к восточным границам: — Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш, — Сталин провел трубкой по Китаю, — КВЖД наша. Китай, Монголия — все в порядке… Вот здесь мне наша граница не нравится!» — сказал Сталин и показал южнее Кавказа.

Часть 7
СССР при Сталине в послевоенное время

Денежная реформа

«Уже в ходе войны, — вспоминал народный комиссар финансов А. Г. Зверев, — исподволь мы начали готовиться к послевоенной денежной реформе. Помню, как-то в конце 1943 года часов в пять утра мне на дачу позвонил И. В. Сталин. Вечером я вернулся из Казахстана. Глава правительства извинился за поздний (правильнее было бы сказать — ранний) звонок и добавил, что речь идет о чрезвычайно важном деле. Вопроса, который последовал, я никак не ожидал. Сталин поинтересовался, что думает Наркомат финансов по поводу послевоенной денежной реформы.

Я ответил, что уже размышлял об этом, но пока своими мыслями ни с кем не делился.

— А со мною можете поделиться?

— Конечно, товарищ Сталин!

— Я вас слушаю.

Последовал 40-минутный телефонный разговор. Сталин выслушал меня, а затем высказал свои соображения о социальных и хозяйственных основах будущего мероприятия. Мне стало ясно, что он не впервые думает о реформе. В конце разговора он предложил мне приехать на следующий день в ГКО.

На сей раз беседа была долгой. Очень тщательно рассматривалось каждое предложение. Были подробно проанализированы перспективы перехода производства на мирный лад. Затем обсудили вопросы о том, как определить, у каких категорий населения оседает излишек денег? Чему равен размер государственного долга? Кто из граждан является кредитором по этому долгу? Сколько понадобится времени для напечатания новых денег? Год? Больше? Сталин дал мне ряд указаний общего характера, которые следовало понимать как директивы. Сталин специально, причем трижды, оговорил требование соблюдать абсолютную секретность при подготовке реформы. Он редко повторял сказанное им. Отсюда видно, какое значение придавал Сталин полному сохранению этой тайны».

О ходе работы Зверев регулярно сообщал Сталину. Подробный план мероприятий был наркомом изложен на заседании Политбюро ЦК партии. По окончании заседания решение письменно не оформлялось, чтобы даже в архиве Генерального секретаря ВКП(б) до поры до времени не оставалось лишних бумаг об этом важном деле.

Было получено разрешение Сталина начинать с художником из Гознака подбор рисунков на денежных купюрах. Через

некоторое время А. Г. Зверев показал И. В. Сталину два образца денежных купюр: на одном изображен Ленин, на другом — Сталин. Не говоря ни слова, И. В. Сталин взял в руки купюры со своим изображением, разорвал их и бросил в корзину. Оставил купюры с изображением Ленина.

О Лысенко и генетике

Об отношении Сталина к Лысенко и генетике написано много: поддерживал шарлатана в науке, душил генетику и т. д., дал неправильную установку по вопросам биологии. Мне кажется, ближе к истине изложение этих проблем И. А. Бенедиктовым, в прошлом наркомом, министром земледелия СССР. Так, в беседе с журналистом и ученым В. Литовым была высказана следующая точка зрения:

«Большинство оригинальных школ, выдвинувших советскую науку на передовые рубежи в мире, сложились и набрали силу в проклинаемый иными журналистами и литераторами сталинский период. Их расцвет приходится на конец 50-х — начало 60-х годов, после чего все постепенно пошло под откос. Знаменитые отечественные школы стали захиревать, в науке возобладали групповые интересы и монополизм именитых кланов, ученые, особенно гуманитарного профиля, стали мельчать прямо на глазах.

В конце 30-х годов, в первые послевоенные годы, когда страна испытывала острейшую нехватку сил и средств для выживания в схватке с фашизмом, а затем и восстановления из руин, мы просто не могли иметь роскошь содержания бесплодной, оторванной от жгучих требований жизни науки. Все, буквально все в те годы жестко подчинялось интересам укрепления экономического и оборонного потенциала, к любому вопросу подходили прежде всего именно под таким углом.

Научные исследования, проводившиеся Лысенко и его сторонниками, были четко нацелены на реальную отдачу и в ряде случаев уже приносили осязаемый практический эффект. Я имею в виду как повышение урожайности, так и внедрение новых, более перспективных сельскохозяйственных культур. Работы же Вавилова и его последователей каких-либо практических результатов не обещали даже в обозримом будущем, не говоря уже о тогдашнем настоящем.

Кстати, среди генетиков преобладали ученые буржуазной, дореволюционной закваски с элитарными, подчас явно антинародными замашками, афишировавшие свою «аполитичность» и преданность «чистой науке», которой, мол, не до «заземленных», практических нужд. Кое-кто из них чуть ли не в открытую солидаризировался с человеконенавистническими расовыми «теориями» фашизма и даже работал на их подтверждение. Один из таких академических снобов — биолог Тимофеев-Ресовский — пошел даже на прямое предательство

Родины, добровольно оставшись в фашистской Германии, где всю войну протрудился в научно-исследовательском институте в Берлине, тесно связанном со спецслужбами гитлеровского рейха.

Симпатии такие люди, естественно, не вызывали. Но главное, повторяю, в том, что тогдашние генетики не сумели доказать важность и перспективность своего направления.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня очевидно, что проявленный здесь чрезмерный «практицизм» притормозил развитие «большой науки». Но виновны за этот просчет скорее те, кто нес прямую ответственность за академическую науку, а также в определенной мере и я, как министр земледелия Союза. Сталин, который от данной проблемы стоял довольно далеко, постоянно, кстати, побуждал нас, руководителей министерского ранга, следить за перспективными научными направлениями, последними достижениями и техническими новинками, защищать талантливых ученых от нападок и интриг бездарностей и завистников.

Но допущенный просчет все же решающего значения не имел. И сейчас, с высоты прошедших десятилетий, я по-прежнему считаю, что проводившийся партией курс на всемерное приближение сельскохозяйственной науки к жизни, к ее потребностям и нуждам был в своей основе правильным. Да и сам Вавилов, возглавлявший тогда Институт растениеводства, фактически признавал это, давал неоднократные обещания преодолеть чрезмерно узкую специализацию его исследований, переориентировать деятельность института в сторону сельскохозяйственной практики. Но своих обещаний, к сожалению, не сдержал.

Лысенко был крупный, талантливый ученый, много сделавший для развития советской биологии, в чем не сомневался и сам Вавилов, который, кстати, и двинул его в большую науку, чрезвычайно высоко оценив первые шаги молодого агронома. Ведь это факт, что на основе работ Лысенко созданы такие сорта сельскохозяйственных культур, как яровая пшеница «Лютенцес-1173», «Одесская-13», ячмень «Одесский-14», хлопчатник «Одесский-1», разработан ряд агротехнических приемов, в том числе яровизация, чеканка хлопчатника. Преданным учеником Лысенко, высоко чтившим его до конца своих дней, был и Павел Пантелеймонович Лукьяненко, пожалуй, наш самый талантливый и плодовитый селекционер, в активе которого 15 районированных сортов озимой пшеницы, в том числе получившие мировую известность «Безостая-1», «Аврора», «Кавказ». Что бы ни говорили «критики» Лысенко, в зерновом клине страны и по сей день преобладают сельскохозяйственные

культуры, выведенные его сторонниками и учениками. Побольше бы нам таких «шарлатанов»!

Успехи генетиков пока куда скромней — и не от этой ли слабости позиций, низкой практической отдачи крикливые обвинения своих соперников? Хотя, разумеется, я этих успехов не отрицаю, просто убежден в том, что воцарившаяся монополия одной научной школы приносит немалый вред…

Да, ряд лысенковских положений не нашел экспериментального подтверждения, а кое-какие из них и просто оказались ошибочными. Но назовите мне хотя бы одного ученого, который бы не ошибался, не выдвигал ложных гипотез. Что же, «шарлатаном» объявлять его за это?

Теперь о борьбе вавиловского и лысенковского направлений. Здесь бытует немало спекуляций, искажающих истинную картину происходившего. Во-первых, эта борьба шла с переменным успехом: бывали, и не раз, моменты, когда Лысенко оказывался в меньшинстве. В решениях, например, Февральского пленума ЦК 1947 года говорилось об ошибочности ряда направлений его деятельности. Хорошо помню резкую критику Лысенко заведующим Отделом науки Центрального Комитета партии Юрием Ждановым, который, правда позднее, в ходе разгоревшейся дискуссии изменил свою точку зрения.

Далее. Как бы ни драматизировались гонения на генетиков, фактом остается то, что многие ученые этого направления, подвергнутые резкой критике на известной сессии ВАСХНИЛ в 1948 году, где сторонники Лысенко взяли верх, продолжали, хотя и в ухудшившихся условиях, свою работу. Немчинов, Дубинин, Раппопорт, Жебрак — называю лишь тех, кого помню, — все они оставались в науке, несмотря на довольно резкое осуждение Лысенко и его сторонников, и, что весьма характерно, отказывались от «покаяний». Что касается репрессий, то их применяли отнюдь не за те или иные взгляды, а за конкретные вредительские действия, хотя и здесь, видимо, имелись случаи произвола и беззакония, кстати, и по отношению к ученым, находившимся от генетиков по другую сторону научных баррикад…

После развенчания Лысенко и его сторонников все ключевые участки в биологической науке, воспользовавшись благоприятным моментом, заняли его научные противники. Уже одно это говорит о том, что «поголовное уничтожение генетиков» — злобная выдумка, подхваченная, к сожалению, несведущими журналистами и литераторами.

Не помню точно, кажется, в 1940 году в Центральный Комитет партии обратились с письмом двое ученых-биологов —

Любищев и Эфроимсон. В довольно резких тонах они обвиняли Лысенко в подтасовке фактов, невежестве, интриганстве и других смертных грехах. В письме содержался призыв к суровым оргвыводам по отношению к «шарлатану»…

Мне довелось принять участие в проверке письма. Лысенко, конечно же, оправдывался, приводил разные доводы, когда убедительные, когда нет, но никаких «контрсанкций» по отношению к обидчикам не требовал. Это был его стиль — не превращать науку в конкурентную борьбу с обязательным устранением проигравших. Он страстно, фанатически верил в свою правоту, испытывая подчас наивные надежды, что противники в силу неопровержимости фактов рано или поздно придут к таким же выводам и «сложат оружие» сами, без оргвыводов со стороны руководящих инстанций. «Вот видите, — сказал по этому поводу Сталин, органически не выносивший мелких склок и дрязг, характерных для научной и творческой среды. — Его хотят чуть ли не за решетку упечь, а он думает прежде всего о деле и на личности не переходит. Хорошее, ценное для ученого свойство».

И второй, весьма типичный для Лысенко факт. Когда арестовали Вавилова, его ближайшие сторонники и «друзья», выгораживая себя, один за другим стали подтверждать «вредительскую» версию следователя. Лысенко же, к тому времени разошедшийся с Вавиловым в научных позициях, наотрез отказался сделать это и подтвердил свой отказ письменно. А ведь за пособничество «врагам народа» в тот период могли пострадать люди куда с более высоким положением, чем Лысенко, что он, конечно же, прекрасно знал…

В научной полемике, которая разгорелась между ними в 30-х годах, Лысенко и его сторонники продемонстрировали куда больше бойцовских качеств, твердости, настойчивости, принципиальности. Вавилов же, как признавали даже его единомышленники, лавировал, сдавал одну позицию за другой, старался сохранить хорошие отношения «и с вашими и с нашими»…

Определенное малодушие и слабость проявил Вавилов и находясь под следствием, когда, не выдержав психологического давления следователей, оговорил не только себя, но и других, признав наличие вредительской группы в Институте растениеводства, что, естественно, обернулось мучениями и страданиями совершенно невинных людей. Но об этом, правда, я узнал намного позже. В тот же период ни я, как нарком земледелия, ни тем более Сталин во все перипетии борьбы между Лысенко и Вавиловым, в обстоятельства его ареста не входили…

Лысенко же даже под угрозой четвертования не оговорил бы ни себя, ни тем более других. У него была железная воля и стойкие моральные принципы, сбить с которых этого человека представлялось просто невозможным. Другое дело, что иногда он впадал в необъяснимое упрямство и раздражение, начинал подводить под свои эмоции «теоретическую» базу.

Полагаю, что не случайно к Лысенко так тянулась научная молодежь. Для выходцев из рабоче-крестьянской среды он был своим, наглядным примером того, сколь многого может достигнуть простой человек, одержимый жаждой истины, страстным желанием превратить науку в мощный рычаг улучшения жизни людей. Все это, конечно же, сказывалось на отношении Сталина, стремившегося активнее вовлечь в науку рабоче-крестьянскую молодежь, к Лысенко.

Недостатки ученого Сталин видел довольно отчетливо. При мне Сталин, правда в тактичной форме, не раз отчитывал Лысенко за стремление подвести «марксистский базис под жакетку», то есть распространить марксистскую идеологию и терминологию на сферы, не имевшие к ним прямого отношения. В таком же духе Сталин сделал критические пометки на одобренном им в целом докладе, с которым Лысенко выступил на известной сессии ВАСХНИЛ в 1948 году.

Небезынтересно отношение Сталина к невыполненным лысенковским обещаниям поднять урожайность пшеницы в 4–5 раз. «Товарищ Лысенко, по-видимому, поставил малореальную задачу, — сказал как-то он. — Но даже если удастся повысить урожайность в полтора-два раза, это будет большой успех. Да и не стоит отбивать у ученых охоту к постановке нереальных, с точки зрения практиков, задач. То, что сегодня кажется нереальным, завтра может стать очевидным фактом. К тому же в нашей науке немало ученых «пескарей», предпочитающих спокойную жизнь, без нереальных задач. Накажем Лысенко — таких «пескарей» станет еще больше».

Заладили: генетика и кибернетика, кибернетика и генетика. Всюду только это и слышишь. Поверить иным литераторам и журналистам, так у нас в сталинский период и науки-то не существовало, были лишь гонения на нее да сплошные ошибки…

Да, ошибки делались, просчеты допускались, в любом деле без них не обойтись. Но правда в том, что в 30-е годы таких ошибок делалось несравненно меньше, чем сегодня, да и сам климат в науке был более здоровым, творческим и, если хотите, нравственным. По крайней мере, тогда погоду делали истинные ученые, сегодня — посредственности и бездари, создавшие такую обстановку, в которой истинные ученые просто задыхаются».

Философская дискуссия

Институт философии Академии наук СССР в 1940–1943 годах подготовил и выпустил три тома «Истории философии». Написанные выразительным и доходчивым языком, они впервые давали глубокий и систематический марксистский анализ истории развития мировой философской мысли. Ценное научное издание было удостоено Сталинской премии. В обиходе тома любовно прозвали «Серой лошадью», видимо, по цвету обложки.

К сожалению, многотомный труд остался незавершенным. Изданный в 1943 году, на переломном рубеже Отечественной войны, третий том «Истории философии» подвергся критике за неверное изложение немецкой классической философии. По этому поводу Центральный Комитет ВКП(б) в 1944 году принял Постановление «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII — начала XIX в.». В нем отмечалось, что неудовлетворительно выявлена принципиальная противоположность марксистского диалектического метода идеалистической диалектике Гегеля, не подвергнуты основательной критике реакционные социально-политические идеи немецкой идеалистической философии. Том был изъят из обращения.

В 1945 году вышла книга Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Автор с 30-х годов занимался изучением западноевропейской философской мысли, был соредактором трехтомника «История философии». Чтобы купить книгу, с утра у магазинов выстраивались длинные очереди. Читатели, особенно студенты, книгу приняли: в ней содержалось много ценных сведений.

По книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» И. В. Сталин высказал серьезные замечания, а именно: не показано, что возникновение марксизма означало великий революционный переворот в философии, недостаточно раскрыта реакционность немецкой философии, особенно философии Гегеля, изложение страдает аполитичностью, оторванностью от политической борьбы и др.

Сталин предложил по книге Александрова провести философскую дискуссию. Такая дискуссия состоялась в январе 1947 года в Институте философии Академии наук СССР. Ее итоги не удовлетворили Сталина. В июне того же года была проведена философская дискуссия по книге Александрова «История западноевропейской философии» в Центральном Комитете ВКП(б). В ходе дискуссии выступил член Политбюро ЦК ВКП(б),

секретарь ЦК А. А. Жданов. Текст выступления А. А. Жданова был предварительно просмотрен и тщательно отредактирован И. В. Сталиным. Достаточно сказать, что почти на каждой из 40 страниц текста имелись уточнения или дополнения И. В. Сталина.

В дискуссии 1947 года приняли участие все ведущие работники философского фронта. Дискуссия вышла за рамки рассмотрения собственно историко-философских проблем.

Она способствовала устранению недостатков в развитии философской науки, благотворно сказалась на улучшении всей идеологической деятельности партии. С 1947 года стал издаваться журнал «Вопросы философии».

О призвании художественной интеллигенции

В 1946–1948 годах И. В. Сталин высказался по широкому кругу научных и идеологических проблем — наряду с философией и по вопросам литературы и музыки. По его инициативе были приняты решения Центрального Комитета партии и проведены свободные дискуссии, позволившие определить дальновидные и решительные меры по развитию советской культуры.

Сталин как политический и государственный деятель видел перспективы и направлял послевоенную духовную жизнь страны. Еще Максим Горький ценил Сталина за умение разбираться в литературных процессах и заботливое отношение к советским писателям, это отмечали Фадеев и Шолохов, Федин и Леонов, другие писатели. Сталин и после войны не изменил своей привычке знакомиться и поддерживать новые талантливые произведения писателей и поэтов, любил и знал Сталин и музыку. Он приглашал музыкантов и певцов в Кремль, пел с ними, как писала В. В. Барсова, русские, украинские и грузинские народные песни. Композитор и дирижер А. В. Александров отмечал, что Сталин помогал ансамблю красноармейской песни и пляски выбирать репертуар, полезны были и его советы по аккомпанировке и оркестровке выбранных произведений. Естественно, выводы и высказывания Сталина о развитии литературы и искусства вошли в постановления Центрального Комитета ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь», об опере «Великая дружба» и др.

Когда сейчас пишут о научных и идеологических кампаниях и дискуссиях 1946–1948 годов, то подчеркивают, будто рупором или даже орудием в руках Сталина был А. А. Жданов — член Политбюро ЦК, секретарь ЦК ВКП(б). В «Воспоминаниях» Хрущев пишет, что «Жданов сыграл тогда отведенную ему роль, но все-таки он выполнял прямые указания Сталина, думаю, если бы Жданов лично определял политику в этих вопросах, то она не была бы такой жесткой». Утверждение более чем сомнительное. Политику в области литературы и искусства определяло коллективное руководство партии, а Жданов и Сталин «в этих вопросах» стояли на одной позиции — выступали за художественный реализм и высокую идейность советской литературы и искусства, за то, чтобы у деятелей советской

культуры не было других интересов, кроме интересов народа, интересов государства.

Жданов был верным сподвижником Сталина. Будучи разносторонне образованным марксистом, глубоким знатоком художественной литературы и музыки, Жданов непосредственно участвовал в определении политики и выработке действенных мер по развитию духовной сферы жизни советского общества. И ничего необычного нет в том, что Жданов направлял тексты своих выступлений Сталину и получал от него поправки и предложения. Дело шло о выработке установок Центрального Комитета ВКП(б) — установок по одному из остросоциальных и деликатных участков творческой деятельности, сложному направлению работы с художественной интеллигенцией.

Сталин любил Жданова, выступал с ним по проблемным вопросам истории. К тому же музыкально одаренный Жданов очаровывал своей игрой на фортепьяно и, обладая красивым голосом, исполнением романсов. После смерти Жданова комнату, где они сиживали часами, Сталин приказал присоединить к большому залу на Ближней даче. Объясняли это так, что Сталин не мог находиться там с кем-либо другим, приезжавшим на дачу.

1946–1948 годы — время знаменательное. Советская страна совершала переход на рельсы мирного строительства и закладывала фундамент дальнейшего совершенствования государства и общества.

Сталин добивался, чтобы литература и искусство содействовали упрочению советского общества, оказывали благотворное воздействие на происходящие общественно-политические процессы, чтобы художественная интеллигенция духовно сплачивала советский народ, помогала государству правильно воспитать молодежь.

Предоставляя литературе и искусству возможность свободно развиваться, Центральный Комитет партии выступил против проповеди безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. ЦК партии выступил против духа низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. Это было своевременное и дальновидное предупреждение.

После окончания мировой войны США и страны Запада, видя, что военным путем покончить с Советским Союзом не удалось, сделали ставку на разложение СССР изнутри. Эту ставку с циничной откровенностью изложил ведущий американский разведчик Аллен Даллес:

«…Мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей…

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению, посеяв там хаос, мы незаметно заменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания… Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства… мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности… мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

В обстановке жесткого противоборства Центральный Комитет ВКП(б) призывал художественную интеллигенцию проникнуться высоким предназначением своего искусства. Речь шла о том, чтобы создавались произведения, будь это литературное произведение или кинофильм, драматический или музыкальный спектакль, которые нужны и народам нашей страны, и всему миру, которые воспитывают человека социальной справедливости, нравственной чистоты и гуманистического отношения к людям. Через эти решения ЦК партии ни Сталин, ни Жданов не навязывали свои вкусы, хотя, признаться, им, как немногим другим, было присуще чувство социально значимого и эстетически красивого. Они — и Сталин и Жданов — решительно выступили против господства «права творить плохо».

Теперь же «либеральная» пропагандистская машина решения ЦК ВКП(б) по литературе и искусству сводит к оскорблениям известных писателей, композиторов, кинорежиссеров. Да, писатель М. Зощенко назван «пошляком и подонком литературы». Назван за то, что советских людей, ведущих самоотверженную борьбу против немецко-фашистских захватчиков, уподобил обезьянам, издевался над героической обороной Ленинграда. А что, его нужно было щадить? Чем он отличался от давнего и злобного антисоветчика Черчилля, в 1942 году заявившего: «… Русские не являются человеческими существами. В шкале природы они стоят ниже орангутангов!»

Но одно дело — резкая оценка творчества, другое дело — отношение к писателю, композитору, кинорежиссеру. Композиторы Д. Д. Шостакович, С. С. Прокофьев, А. И. Хачатурян были раскритикованы за «формалистические извращения,

антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам». Но в эти же годы им было присвоено почетное звание народного артиста РСФСР, присуждались Сталинские премии. Шостакович отмечал: «В моей работе было много неудач и срывов». На совещании деятелей советской музыки, проведенном ЦК ВКП(б), подчеркивалось, что нельзя разрушать храм искусства, созданный великими мастерами музыкальной культуры.

1946–1948 годы убеждают, что деятельность Коммунистической партии и ее выдающихся теоретиков и организаторов Сталина и Жданова была направлена на развитие советской литературы и искусства, на создание высокого уровня культуры, который необходим социалистическому обществу.

Вопросы языкознания

Летом 1950 года вышел в свет труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». До сих пор его автор подвергается обстрелу ядовитыми стрелами и оскорбительным наветам.

На деле политик Сталин показал себя глубоким знатоком в области лингвистики, его суждения о роли языка в жизни общества, о языке и мышлении, о языке и нациях и по другим вопросам не утратили значения и сегодня. «Язык, — писал Сталин, — есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного Понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе». В произведении показано, что словарный состав языка находится в состоянии почти непрерывного изменения, причем пополнение его новыми словами происходит в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п., другими словами, в органической связи с практикой.

Сталин дал определение марксизма как революционной науки. Марксизм как наука о законах развития природы и общества не может стоять на одном месте — он развивается и совершенствуется. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов.

Марксизм является врагом всякого догматизма. Сталин выступил против начетчиков и талмудистов, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания.

Сталин показал неразрывное единство ленинизма и марксизма, что ленинизм является новым этапом в развитии марксизма. Этот вывод важен и сегодня, потому что некоторые ученые отрывают и противопоставляют ленинизм марксизму, выдавая их за разные учения.

В работе получила дальнейшее развитие марксистская теория базиса и надстройки. «Базис, — определяет Сталин, — есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения». Капиталистический базис имеет свою надстройку,

социалистический — свою. Надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Сталин показал, что марксист не может считать язык надстройкой над базисом, смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьезную ошибку. Ошибочно, писал Сталин, отождествлять и смешивать язык с культурой, культура и язык — две разные вещи. Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же как средство общения является всегда общенародным языком, и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру.

Сталин развернул дискуссию по вопросам языкознания и принял в ней участие, дискуссия, отмечал он, оказалась весьма полезной прежде всего потому, что она выставила на свет божий аракчеевский режим в языкознании и разбила его вдребезги. В труде подчеркивалось, что наука будет обречена на гибель, если в ней будет установлена монополия на истину того или иного учения, правда, когда развернулась борьба против диктата Лысенко в биологической науке, Сталин занял его сторону, объяснив, по каким уважительным причинам. Польза развернувшейся дискуссии еще была и в том, что она показала значение научной дискуссии для развития любой области научного знания, научной деятельности, а в данном случае — открыла путь развитию советского языкознания.

Видные общественные деятели Канады Шарлотта и Дайсон Картер писали тогда в своей книге «Мы видели социализм»: «Только тот факт, что вождь Советского Союза в настоящее время посвящает себя научной работе, не имеющей абсолютно никакого отношения к военной области, демонстрирует сам по себе… громадную разницу между военной истерией «нашего мира» и спокойным мирным трудом советского народа».

Учебник политэкономии

Написание учебника по марксистской политической экономии И. В. Сталин рассматривал как историческое дело. Он считал, что без такой книги мы не можем дальше двигаться вперед. Новое общество строится на научной основе идей Маркса, Энгельса и Ленина о коммунизме. Наши люди должны знать экономическую теорию, экономические законы. Если они будут их знать, мы все задачи решим. Если не будут знать — мы погибнем. Никакого коммунизма у нас не получится.

Существовавший учебник по политэкономии члена-корреспондента Академии наук СССР Л. А. Леонтьева не удовлетворял Сталина. В книге при популярном изложении упускались некоторые важные экономические проблемы. Поправить учебник редактированием или вписыванием отдельных положений не представлялось возможным. Нужно писать новый учебник по марксистской политэкономии.

Сталин продумывал характер и содержание нового учебника. Он сделал много закладок в «Капитале» Маркса, экономических работах Ленина, некоторых произведениях Энгельса. На беседы в Кремль Сталин приглашал видных экономистов и философов. Среди приглашенных были Д. Т. Шепилов, К. В. Островитянов, Л. А. Леонтьев, Л. Гатовский, П. Ф. Юдин, А. М. Румянцев. В развернувшейся по инициативе и при участии Сталина экономической дискуссии приняли участие многие ученые.

Решением Политбюро ЦК партии по предложению Сталина был утвержден авторский коллектив учебника во главе с Шепиловым. Для ученых были созданы все условия, чтобы они занялись написанием марксистского учебника по политэкономии. Было установлено — готовый учебник представить в ЦК к концу 1953 года.

Написанные главы авторы направляли Сталину. Все материалы подвергались всестороннему обсуждению. По свидетельству авторов, Сталин дискутировал с ними не просто на равных, а поражал их своими знаниями, будь то из истории первобытного общества, Древней Греции и Рима, Средних веков или из истории развития капиталистического общества, восхищал своим умением разъяснять сложные категории политической экономии, знанием экономических трудов, а главное — мастерским увязыванием самых отвлеченных экономических понятий с злободневными вопросами современной жизни.

Шепилов это описал так: «Каждый раз мы возвращались от Сталина в свою обитель в состоянии душевной взволнованности и

большого творческого подъема. Мы, естественно, гордились тем, что выполняем научную работу, имеющую такое важное значение, и под непосредственным руководством Сталина. Мы снова и снова убеждались, как глубоко и свободно владеет Сталин политической экономией, философией, исторической наукой. Как обширны его знания фактов, в том числе фактов, относящихся к давно отшумевшим историческим эпохам. Как мастерски он умеет применять абстрактные категории политэкономии для анализа конкретной действительности». Другие говорили по существу то же самое, разумеется, другими словами.

Сталин написал предисловие к учебнику. Многое в главах им было не только тщательно отредактировано, но выправлено и зачастую написано заново. Сталин добивался, чтобы строго был выдержан предмет учебника, не переключался на освещение других вопросов. Он добивался единого стиля изложения. Он требовал, чтобы учебник содержал все основное, касающееся как экономики нашей страны, так и экономики капитализма и колониальной системы. Теоретические положения и правка Сталина принимались авторским коллективом не потому, что это написал Сталин, а потому, что были четко сформулированные научные положения и выводы, потому, как говорили они, что так четко и убедительно написать им самим это не удавалось. Не знаю, сохранились ли эти макетные листы, по ним можно вполне убедиться, что Сталин не пожелания высказывал, а передавал авторам собственноручно написанный текст. Между тем лжецы не унимаются и поныне: Сталин взялся, мол, писать учебник по политэкономии и «не осилил». Предела клевете нет!

Не могу умолчать, что после «Секретного доклада» Хрущева на XX съезде партии и Шепилов стал как-то отходить от прежней оценки участия Сталина в создании марксистского учебника по политической экономии. Видимо, сказалась двойственность его положения: ведь этот доклад он помогал писать Хрущеву после нескольких лет работы со Сталиным и под его непосредственным руководством по написанию марксистского учебника политэкономии. Ради правды скажу, что в разговорах, которые у меня были с Дмитрием Трофимовичем Шепиловым до 1957 года, и в беседах после его возвращения в Москву он признавался, что политэкономом Сталин был сильным и многое из его экономических суждений забыто зря.

Создавая учебник по марксистской политической экономии, Сталин считал, что учебник должен быть настольной книгой молодых специалистов, учить грамотному хозяйствованию. Сталин полагал, что марксистский учебник по политической экономии нужен еще и потому, что он расскажет нашим

зарубежным друзьям, «каким образом мы вырвались из капиталистической неволи, каким образом преобразовали мы экономику страны в духе социализма, как мы добились дружбы с крестьянством, как мы добились того, что наша недавно еще нищая и слабая страна превратилась в страну богатую, могущественную, что из себя представляют колхозы, почему мы, несмотря на обобществление средств производства, не уничтожаем товарного производства, денег, торговли и т. д.».

Сталину не суждено было увидеть новый учебник политэкономии, которому он посвятил столько времени и отдал столько сил. Первое издание учебника вышло в 1954 году.

Октябрьский пленум

На Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года с большой речью выступил И. В. Сталин. Практически она заняла все рабочее время заседания — полтора часа из двух часов работы Пленума. Стенографирование то ли не велось, то ли нет стенограммы. Теперь опубликованы воспоминания участников Пленума Л. П. Ефремова, К. М. Симонова, Д. Т. Шепилова. От последнего слышал и рассказы о речи Сталина. Говорили о поднимавшихся на Пленуме вопросах П. Ф. Юдин, А. М. Румянцев, Д. И. Чесноков.

Сталин разъяснил, почему обновлен состав ЦК КПСС:

— Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желания для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах, на повседневной работе по осуществлению генеральной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных оппортунистических элементов, стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма. И политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить эти враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей.

Не ясно ли, что нам надо поднимать роль партии, партийных комитетов? Можно ли забывать об улучшении работы партии в массах, чему учил Ленин? Все это требует притока молодых, свежих сил в ЦК — руководящий штаб нашей партии, как мы и поступили, следуя указаниям Ленина. Вот почему мы расширили состав ЦК. Да и сама партия немного выросла.

Сталин подверг резкой критике Молотова, хотя и подчеркнул, что он преданный нашему делу человек. Сталин сказал, что нельзя пройти мимо недостойных поступков Молотова. Он дал английскому послу согласие на издание в нашей стране буржуазных газет и журналов. Разве не ясно, что буржуазная печать будет оказывать вредное влияние на умы и мировоззрение советских людей? Он внес предложение передать Крым евреям. У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. Молотову не следует быть адвокатом

незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Молотов мирится, что его супруга информирует о важных решениях Политбюро враждебных нам лиц. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

Сталин раскритиковал и Микояна: «Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Что тут ему не ясно? Мужик — наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна…Он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе».

«Вообще, — говорил Сталин, — Молотов и Микоян, оба побывавшие в Америке, вернулись оттуда под большим впечатлением о мощи американской экономики. Я знаю, что и Молотов, и Микоян — храбрые люди, но они, видимо, здесь испугались подавляющей силы, какую видели в Америке. Факт, что Молотов и Микоян за спиной Политбюро послали директиву нашему послу в Вашингтоне с серьезными уступками американцам в предстоящих переговорах».

Сталин говорил, что освобождение от важных постов Молотова, Кагановича, Ворошилова и других видных партийных и государственных деятелей вызвано необходимостью назначения на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников, полных здоровых сил и энергии. Он призвал поддержать новых работников в их ответственной деятельности.

«Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, — отмечал Сталин, — то они и так остаются видными политическими и государственными деятелями».

Сталин предложил решить организационные вопросы, вместо Политбюро образовать Президиум ЦК КПСС, расширить состав Президиума ЦК и Секретариата ЦК КПСС. Он сказал, что в списке находятся все члены Политбюро старого состава. Он тепло отозвался о А. Я. Андрееве, но его нет в составе Президиума ЦК только по состоянию здоровья: оглох и нуждается в лечении.

Сталин был последователен. Он обратился к Пленуму: «Меня освободите от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Мне тяжело. Нет сил. Изберите себе другого секретаря».

Сразу выступил Маленков и сказал: «Нет необходимости доказывать, что Сталин должен остаться и премьером, и Генеральным секретарем. Иначе просто невозможно».

Взяв снова слово, Сталин сказал: «На Пленуме решать вопросы надо по-деловому».

Пленум избрал Сталина. Участники Пленума приветствовали это решение стоя, горячими аплодисментами.

Сейчас немало любителей поспекулировать на обращении Сталина к Пленуму об освобождении. Нет смысла пересказывать эти глупости. Неужели подобным пустомелям невдомек, что обращение Сталина к Пленуму ЦК КПСС было мужественным актом политического и государственного руководителя, смотрящего далеко вперед и предвидящего дальние последствия предлагаемого решения. Ведь оценивая в целом положительно итоги XIX съезда КПСС, Сталин на Пленуме ЦК отметил:

«…Многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями».

Конечно, теперь можно гадать, что было бы, если бы Пленум принял отставку Сталина? Но очень вероятно, что это спасло бы — именно спасло — Сталина, а не просто продлило бы его жизнь. Будучи мудрым политиком и мыслителем, Сталин, безусловно, оказывал решающее воздействие на ход дел в партии и стране.

Расширенный президиум ЦК

По завершении работы XVIII съезда ВКП(б) Пленум ЦК 22 марта 1939 года избрал 9 членов Политбюро ЦК: А. А. Андреева, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, Л. М. Кагановича, М. И. Калинина, А. И. Микояна, В. М. Молотова, И. В. Сталина, Н. С. Хрущева и 4 членов Секретариата ЦК: А. А. Андреева, А. А. Жданова, Г. М. Юшаленкова, И. В. Сталина.

Через тринадцать лет, 5 октября 1952 года, открылся XIX съезд КПСС. Победно была завершена Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии. Восстановив в короткий срок народное хозяйство, СССР приступил к мирному социалистическому строительству. Появилась возможность мирного сосуществования и сотрудничества стран с различным общественным строем.

XIX съезд постановил впредь именовать партию Коммунистической партией Советского Союза (КПСС). Новые задачи пятилетки, рост партии требовали, чтобы руководящие партийные органы проявляли политическую зрелость и организационную гибкость, умение без серьезных ошибок решать социально-экономические проблемы и вопросы идейно-воспитательной работы.

В соответствии с новым Уставом КПСС Пленум ЦК 16 октября 1952 года избрал 25 членов Президиума ЦК: В. М. Андрианова, А. Б. Аристова, Л. П. Берию, Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, С. Д. Игнатьева, Л. М. Кагановича, Д. С. Коротченко, В. В. Кузнецова, О. В. Куусинена, Г. М. Маленкова, В. А. Малышева, Л. Г. Мельникова, А. И. Микояна, Н. А. Михайлова, В. М. Молотова, М. Г. Первухина, П. К. Пономаренко, М. З. Сабурова, И. В. Сталина, М. А. Суслова, Н. С. Хрущева, Д. И. Чеснокова, Н. М. Шверника, М. Ф. Шкирятова; 11 кандидатов в члены Президиума ЦК: Л. И. Брежнева, А. Я. Вышинского, А. Г. Зверева, Н. Г. Игнатова, И. Г. Кабанова, А. Н. Косыгина, Н. С. Патоличева, Н. М. Пегова, А. М. Пузанова, И. Ф. Тевосяна, П. Ф. Юдина и 1 ˚Секретарей ЦК КПСС: А. Б. Аристова, Л. И. Брежнева, Н. Г. Игнатова, Г. М. Маленкова, Н. А. Михайлова, Н. М. Пегова, П. К. Пономаренко, И. В. Сталина, М. А. Суслова, Н. С. Хрущева.

И после того, как был избран расширенный Президиум ЦК, и особенно в последние годы это решение не находит правильного объяснения, наоборот, длительное время используется для критики И. В. Сталина. И тон этому, пожалуй, задал Н. С. Хрущев. В своих «Воспоминаниях» он пишет: «На первом же Пленуме

после съезда он предложил создать вместо Политбюро Президиум ЦК партии в составе 25 человек и назвал поименно многих новых людей. Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю. Спрашивал Маленкова, он ответил, что сам не знает. По своему положению Маленков должен был принимать участие в формировании Президиума, подборе людей и составлении списка, но не был к этому допущен. Может быть, это сделал сам Сталин? Сейчас я по некоторым признакам предполагаю, что он при подборе новых кадров воспользовался помощью Кагановича. Внутри Президиума действовало более узкое Бюро. Президиум фактически и не собирался, все вопросы решало Бюро. Это Сталин выдумал такую, совершенно неуставную форму: никакое Бюро не было предусмотрено в Уставе.

Для чего Сталин создал Бюро Президиума? Ему было, видимо, неудобно сразу вышибать Молотова и Микояна, и он сделал расширенный Президиум, а потом выбрал Бюро узкого состава. Как он сказал, для оперативного руководства. И туда ни Молотова, ни Микояна не ввел, то есть «подвесил» их. Я убежден, что если бы Сталин прожил еще какое-то время, то катастрофой кончилась бы жизнь и Молотова, и Микояна. Вообще же сразу после XIX съезда партии Сталин повел политику изоляции Молотова и Микояна, не приглашал их никуда — ни на дачу, ни на квартиру, ни в кино, куда мы прежде ходили вместе».

Другие авторы утверждают, что-де наличие многих новых деятелей объективно ослабляло позиции той руководящей группировки, которая сложилась ранее. И все это, мол, направлено на то, чтобы в любой момент заменить ветеранов партийно-государственного руководства.

Однако если посмотреть состав расширенного Президиума ЦК, то станет ясным, что в него введены И. В. Сталиным новые руководящие кадры, вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны с фашистской Германией и выросшие за годы нового приступа к социалистическому строительству. Такое решение Сталина было продиктовано заботой о том, чтобы руководящее ядро партии передало свой огромный опыт молодым руководителям, а молодые руководители, в свою очередь, лучше овладевали опытом старших товарищей, работая с ними бок о бок. Только в таком сочетании можно было успешно решать новые задачи партии на новом, послевоенном этапе развития Советского Союза.

Часть 8
Смерть Сталина

Заключение консилиума

«5 марта 1953 г. в 12 час. дня

Состояние больного на утро 5 марта резко ухудшилось. Расстройства дыхания усилились и были особенно резко выражены во вторую половину ночи и утром 5.III. В начале девятого у больного появилась кровавая рвота, не обильная, которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести. В 11 час. 30 мин. после нескольких рвотных движений вновь наступил коллапс с сильным потом, исчезновением пульса на лучевой артерии; из коллапса больной выведен был с трудом после инъекций камфоры, кофеина, кардиозола, строфантина и т. д.

Электрокардиограмма, снятая в 11 час. утра, показала острые нарушения коронарного кровообращения с очаговыми изменениями преимущественно в задней стенке сердца.

Причиной кровавой рвоты консилиум считает сосудисто-трофические поражения слизистой оболочки желудка.

21.50. Товарищ И. В. Сталин скончался.

Третьяков, Лукомский, Тареев, Коновалов, Мясников, Филомонов, Глазунов, Ткачев, Иванов».

Обращение ЦК КПСС по поводу смерти И. В. Сталина

«КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ, КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Дорогие товарищи и друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Имя СТАЛИНА — бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ СТАЛИН создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее; вместе с Лениным товарищ СТАЛИН был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ СТАЛИН привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране. Товарищ СТАЛИН привел нашу страну к победе над фашизмом по Второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ СТАЛИН вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР.

Смерть товарища СТАЛИНА, отдавшего всю свою жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира.

Весть о кончине товарища СТАЛИНА глубокой болью отзовется в сердцах рабочих, колхозников, интеллигентов и всех трудящихся нашей Родины, в сердцах воинов нашей доблестной Армии и Военно-Морского Флота, в сердцах миллионов трудящихся во всех странах мира.

В эти скорбные дни все народы нашей страны еще теснее сплачиваются в великой братской семье под испытанным

руководством Коммунистической партии, созданной и воспитанной Лениным и Сталиным.

Советский народ питает безраздельное доверие и проникнут горячей любовью к своей родной Коммунистической партии, так как он знает, что высшим законом всей деятельности партии является служение интересам народа.

Рабочие, колхозники, советские интеллигенты, все трудящиеся нашей страны неуклонно следуют политике, выработанной нашей партией, отвечающей жизненным интересам трудящихся, направленной на дальнейшее усиление могущества нашей социалистической Родины. Правильность этой политики Коммунистической партии проверена десятилетиями борьбы, она привела трудящихся Советской страны к историческим победам социализма. Вдохновляемые этой политикой народы Советского Союза под руководством партии уверенно идут вперед к новым успехам коммунистического строительства в нашей стране.

Трудящиеся нашей страны знают, что дальнейшее улучшение материального благосостояния всех слоев населения — рабочих, колхозников, интеллигентов, максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества всегда являлись и являются предметом особой заботы Коммунистической партии и Советского Правительства.

Советский народ знает, что обороноспособность и могущество Советского государства растут и крепнут, что партия всемерно укрепляет Советскую Армию, Военно- Морской Флот и органы разведки с тем, чтобы постоянно повышать нашу готовность к сокрушительному отпору любому агрессору. Внешней политикой Коммунистической партии и Правительства Советского Союза являлась и является незыблемая политика сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами.

Народы Советского Союза, верные знамени пролетарского интернационализма, укрепляют и развивают братскую дружбу с великим китайским народом, с трудящимися всех стран народной демократии, дружественные связи с трудящимися капиталистических и колониальных стран, борющимися за дело мира, демократии и социализма.

Дорогие товарищи и друзья!

Великой направляющей, руководящей силой советского народа в борьбе за построение коммунизма является наша Коммунистическая партия. Стальное единство и монолитная сплоченность рядов партии — главное условие ее силы и могущества. Наша задача — как зеницу ока хранить единство

партии, воспитывать коммунистов как активных политических бойцов за проведение в жизнь политики и решений партии, еще более укреплять связи партии со всеми трудящимися, с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, ибо в этой неразрывной связи с народом — сила и непобедимость нашей партии.

Партия видит одну из своих важнейших задач в том, чтобы воспитывать коммунистов и всех трудящихся в духе высокой политической бдительности, в духе непримиримости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета СССР, обращаясь в эти скорбные дни к партии и народу, выражают твердую уверенность в том, что партия и все трудящиеся нашей Родины еще теснее сплотятся вокруг Центрального Комитета и Советского Правительства, мобилизуют все свои силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране.

Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества.

Да здравствует великое, всепобеждающее учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина!

Да здравствует наша могучая социалистическая Родина! Да здравствует наш героический советский народ! Да здравствует великая Коммунистическая партия Советского Союза!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

5 марта 1953 года

Причина смерти Сталина

Иосиф Виссарионович Сталин скончался в 21 час 50 минут 5 марта 1953 года.

Известно, что в субботу, 28 февраля, Сталин вечером в Кремле вместе с членами Президиума ЦК КПСС смотрел кинокартину. Затем он всем предложил поехать на Ближнюю дачу, поскольку 1 марта воскресенье. Около 24 часов в Кунцево приехали Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, остальные — разъехались по домам. На даче продолжался просмотр кинофильмов, шла беседа. На столе в хрустальных вазах, как всегда, были фрукты, подали виноградный сок. Пишут, что было легкое грузинское вино.

Кто пишет, что расходиться стали в четыре часа утра 1 марта, кто — в пять часов. Хрущев вспоминал, что, как обычно, их провожал Сталин. «Он много шутил, замахнулся вроде бы пальцем и ткнул меня в живот, назвав Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Мы тоже уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не случилось…» Охранник Рыбин писал, что гостей проводил полковник Хрусталев. Берия оставался на даче.

Одни утверждают, что, проводив гостей, Сталин сказал Хрусталеву: «Я ложусь отдыхать. Вызывать вас не буду. И вы можете спать». По словам Рыбина, «подобное распоряжение Сталин никогда не давал». Другие свидетельствуют, что обслуживающему персоналу примерно так сказал Хрусталев, выдав это за слова Сталина.

Удивительно, но факт, что в одном случае в правительственном сообщении говорилось, что удар у Сталина случился 1 марта в Кремле, в другом — удар произошел в Кунцево.

Пишут, что 1 марта на заседании Президиума ЦК КПСС Каганович потребовал от Сталина создания особой Комиссии по расследованию «Дела врачей», отмены приказа Сталина о депортации всех евреев в отдельную зону СССР. Порванный партийный билет Каганович бросил в Сталина, Кагановича поддержали другие члены Президиума ЦК, кроме Берии и Хрущева. Сталин разъярился. Микоян заявил, «если через полчаса мы не выйдем свободными из этого помещения, армия займет Кремль». У Сталина случился удар. Он упал без сознания. Желая привести его в чувство, Молотов подал стакан коньяка. Придя в чувство, Сталин велел всем удалиться, кроме Берии и Маленкова,

которым сказал, что его отравил Молотов. Впоследствии Молотов это отрицал.

Одновременно пишут, что 1 марта Сталин находился на Ближней даче. Обычно он вставал в 12 или 13 часов. На сей раз вызова от него не последовало. В 23 часа пришла почта, и тогда ее решили доложить Сталину. Сталина нашли лежащим на ковре возле стола в малой столовой. Он был в пижаме. Еще не потерял сознание, но говорить уже не мог. Сталина перенесли в большой зал, уложили на тахту, укрыли пледом.

Не могу не отметить одного важного обстоятельства. На даче у Сталина было много сигнальных кнопок. Я сам их видел, когда, кажется, 7 или 8 марта был в Кунцево. Сопровождавшие ответственные работники сталинского секретариата Алексей Алексеевич Стручков и Владимир Федорович Морозов разъясняли, что это было сделано, чтобы в случае надобности Сталин из любого места мог тотчас вызвать кого-либо из обслуживающего персонала. Они показали, где предположительно упал или лежал после кровоизлияния Сталин. До сигнальной кнопки было сантиметров двадцать, возможно, больше. Однако, прочитав довольно много книг об этих трагических событиях, не встречал упоминания о таких сигнальных кнопках. На торце стола в большом зале и на подоконнике лежали бумаги, написанные характерным сталинским почерком синим карандашом и поправленные красным карандашом. Сопровождавшие пояснили, что Сталин готовился к очередному, мартовскому снижению цен на продукты.

Первому о случившемся со Сталиным охранники доложили Маленкову. Тот предложил им самим искать Берию. Затем позвонил Хрущеву. В три часа ночи 2 марта на дачу приехали Берия и Маленков. Позднее Хрущев. Берия накричал на одного охранника: «Ты чего паникуешь? Видишь, товарищ Сталин крепко спит. Не создавай шума, нас не тревожь и товарища Сталина».

Затем на дачу снова приехали Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, пригласив с собой Ворошилова и Кагановича. По словам Хрущева, «условились также, что вызовем и врачей». Охранники, как ни удивительно, врачей не вызывали. Врачи прибыли на дачу 2 марта. До их приезда обслуживающий персонал пытался оказать первую помощь своими средствами.

Дети Сталина — Светлана Аллилуева и Василий Сталин — 1 марта дозвониться на дачу не смогли. Светлану отвезли на дачу утром 2 марта. Одновременно на дачу вызвали и Василия. Василий, как пишет Рыбин, «с порога закричал: «Сволочи, загубили отца!» Лишь Ворошилов пробовал успокоить Василия,

заявляя: «Мы принимаем все меры для спасения жизни товарища Сталина». Василия объявили пьяницей и сняли звание генерала.

У постели больного Сталина было установлено круглосуточное дежурство. Дежурили попарно: Хрущев с Булганиным, Ворошилов с Кагановичем, Берия с Маленковым. Сталина кормили с ложечки, давали бульон и сладкий чай. Хрущев писал, что однажды Сталин левой рукой пожал ему руку. Едва Сталин подал признак жизни, Берия бросился его целовать, заявляя о своей преданности.

О 1 марте, о каждом последующем дне с 1 по 5 марта написано столько противоречивого, столько несостыковок, что это тема специального разбора. В данном случае важно обратить внимание на длительное безучастие к судьбе больного Сталина членов Президиума ЦК КПСС. Пишут, что особую нервозность в эти дни проявляли Берия и Хрущев, как бы желая удостовериться, скоро ли произойдет развязка — кончина Сталина. Есть свидетельство, что Сталин не только произносил звуки «дз-з-з», но и якобы сказал: «Что они со мной сделали?»

5 марта, когда Сталин еще дышал, Маленков, Хрущев и Берия распределили между собой ключевые партийно-государственные должности: Маленков — Председатель Совета Министров СССР, Хрущев — Первый секретарь ЦК КПСС, Берия — первый заместитель Председателя Совмина и одновременно министр внутренних дел, с этим министерством вскоре будет объединен КГБ. Договорились также о ликвидации сформированного Сталиным расширенного состава Президиума ЦК КПСС.

О первом заседании после смерти Сталина Президиума ЦК КПСС пишет Шепилов:

«Когда все вошли в кабинет, началось рассаживание за столом заседаний. Председательское кресло Сталина, которое он занимал почти 30 лет, оставалось пустым, на него никто не сел. На первый от кресла Сталина стул сел Г. Маленков, рядом с ним — Н. Хрущев, поодаль — В. Молотов; на первый стул слева сел Л. Берия, рядом с ним — А. Микоян, дальше с обеих сторон разместились остальные.

Меня поразила на этом заседании столь не соответствовавшая моменту развязанность и крикливость все тех же Берии и Хрущева. Они были по-веселому возбуждены, то тот, то другой вставляли скабрезные фразы. Восковая бледность покрывала лицо В. Молотова, и только чуть сдвинутые надбровные дуги выдавали его необычайное душевное напряжение. Явно расстроен и подавлен был Г. Маленков. Менее горласт, чем обычно, Л. Каганович. Смешанное чувство скрытой тревоги, подавленности, озабоченности, раздумий царило в

комнате.

Это не было стандартное заседание с организованными высказываниями и сформулированными решениями. Отрывочные вопросы, возгласы, реплики перемешивались с рассказами о каких-то подробностях последних дней и часов умершего. Не было и официального председательствующего. Но в силу ли фактического положения, которое сложилось в последние дни, в силу ли того, что вопрос о новой роли Г. Маленкова был уже обговорен у изголовья умирающего, — все обращались к Маленкову. Он и редактировал то, о чем приходили к решению».

Те, кто остался после смерти Сталина, захватили все главенствующие должности в партии и государстве. Все они стали членами сильно укороченного Президиума ЦК КПСС. Другими словами, произошел тихий государственный переворот.

Убийцей Сталина уже тогда, полвека назад, называли Берию. В подтверждение приводили сказанные Молотову во время похорон Сталина слова самого Берии: «Это я «убрал» Сталина»». Бросали обвинения Маленкову, Хрущеву и Булганину. Подозревали и Кагановича, будто принудившего свою племянницу Розу дать яд Сталину. Подозрений со временем стало больше. Но, как бы они ни казались убедительными, сами подозрения не являются доказательствами, фактов же нет.

Сталину шел 74-й год. Он старел. К врачам не обращался. Но смерть его наступила не в результате болезни.

В таком случае, значит, кто-то хотел и добивался устранения Сталина с политической арены, боясь, что послевоенный сталинский режим будет и сильнее, и прочнее, и во многом новым, более социалистическим и демократическим. Что в устранении Сталина были заинтересованы определенные американские, английские и германские империалистические силы, это и в доказательстве не нуждается. В речи на съезде 14 октября Сталин показал, что господствующей тенденцией будущего общественно-политического развития стран Запада становится американский гегемонизм, подавление буржуазно-демократических свобод и национально-освободительных движений. На пути этих агрессивных сил стоял международный авторитет Сталина — борца против фашизма, за мир и демократию.

Были и внутри страны те, кто хотел и добивался устранения Сталина из социально-политической жизни. Это их имел в виду Сталин, когда говорил в октябре 1952 года на Пленуме ЦК: «Некоторые выражают несогласие с нашими решениями», «политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить эти враждебные попытки и

добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей». Действительно, не в одночасье появились особая линия Берии 1953 года, двойственная политика Хрущева 1956 года. Настроены против Сталина были и ряд известных политических и государственных деятелей, которых он сместил с высоких постов не по возрасту, а за консерватизм и неквалифицированность, за отсутствие политической инициативы и неумение бороться за новое, что при всех их прошлых заслугах тормозило дело социализма.

Сталин строил планы за три, возможно больше, новые пятилетки создать такую экономическую базу СССР, которая обеспечивала дальнейший подъем экономики и благосостояния народа, гарантировала нашу Родину от всяких случайностей. С учетом произошедших изменений в нашей стране и мире в целом Сталин по-новому поставил и дал научное решение кардинальных проблем строительства социализма в СССР: о характере экономических законов, товарном производстве, законе стоимости и др. Сталин развернул дискуссию ученых и сам принял участие по марксистской политической экономии, по важнейшим вопросам марксистской науки, в том числе по вопросам языкознания. Издав в.1952 году труд «Экономические проблемы социализма в СССР», Сталин начал работать над второй частью «Экономических проблем социализма». Написанное давал читать Молотову. Сталин поставил задачу — написать новую Программу КПСС и начал определять ее основные идеи.

Словом, Сталин был в поиске новых подходов к выработке марксистской концепции в связи с новым этапом нашего развития, новых практических путей развития советского общества, выработке политики долгосрочных взаимоотношений мира социализма со странами капитала. В этих условиях Сталин своими сподвижниками видел выросших за годы Отечественной войны новых партийных и государственных работников, видных ученых, многих из которых он ввел в расширенный состав ЦК и обновленный Президиум ЦК КПСС.

И Сталин со свойственными ему твердой волей и пониманием стоящих задач взялся за решение конкретных дел. Не все из старого состава Политбюро ЦК партии были готовы к такому повороту. Поэтому считали: надо строить социализм, но лучше без Сталина. Не этим ли объясняется, почему не спешили к Сталину, когда их вызвали 1 марта, почему, приехав, не вызвали врачей, почему положились на самотек событий роковых дней, почему отмахивались от предложений обслуживающего персонала, детей Сталина — Светланы Аллилуевой и Василия Сталина. И многие другие «почему». При всей загадочности

событий 1 марта бесспорно одно — Сталин без помощи врачей пробыл более 10 часов. А первые приехавшие на Ближнюю дачу известны. Это Берия, Маленков, Хрущев, Булганин. Они чаще всего за все эти пять дней приезжали к больному Сталину. Они, как теперь ясно из многих воспоминаний, в том числе и Хрущева, сдерживали или мешали другим, даже врачам, оказывать помощь Сталину.

И парадокс судьбы. Когда в 1923 году тяжело больной Ленин обратился к Сталину с просьбой достать для него яд, Сталин убедил Ленина, что они, его соратники и друзья, сделают все, чтобы врачи облегчили страдания Ленина, вернули ему работоспособность. И вот через 30 лет, в 1953 году, когда тяжело был болен Сталин, ему, как пишет охранник Рыбин, «сделали какой-то сильнодействующий укол. От него тело вздрогнуло, зрачки расширились. И минут через пять наступила смерть. Оказывается, подобный укол, способный поднять или окончательно погубить больного, полагалось делать лишь после согласия близких родных. Но Светлану и Василия не спросили. Все решил Берия».

В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев утверждает: «Как только Сталин умер, Берия засиял. Он словно переродился и помолодел. Тело Сталина еще в гроб не уложили, а он уже, громко говоря, стал отмечать победу. Берия был уверен, что момент, который он так долго ждал, наконец, наступил».

Подозрения в убийстве Сталина вполне могли пасть на Берию, поскольку он контролировал окружение Сталина, хотя давно уже не был руководителем МГБ и МВД, а был сосредоточен на практической работе в области ракетостроения и атомной энергии.

Давним противником Сталина был Хрущев. Об этом свидетельствуют Каганович и Молотов. Так, Молотов говорил: «Хрущев в душе был противником Сталина. Сталин — все и вся, а в душе другое. Личное озлобление его на любые шаги толкает. Озлобление на Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли фактически. После такого озлобления он на все идет, только бы запачкать имя Сталина.

…Хрущев против Сталина пошел и против ленинской политики, он хотел изменения ленинской политики, которую проводил Сталин, которую поддерживали мы вместе со Сталиным, в конце концов».

В кругу своих приближенных Хрущев признавался: «Ленин в свое время отомстил царской семье за брата, а я отомщу Сталину, пусть мертвому, за сына, покажу, где живет «кузькина мать».

Хрущев жестоко отомстил генералу Василию Сталину за

высказанное подозрение при виде мертвого отца: «Убили Сталина, сволочи!»

Хрущев уже после закрытия XX съезда КПСС на закрытом заседании 25 февраля 1956 года выступил со своим обоснованием культа личности Сталина. И после этого Хрущев изливал поток самых грубых и необоснованных обвинений в адрес Сталина, приписывал ему никогда не произносимые слова, например, «стоит мне пошевельнуть мизинцем — и Тито не будет», и проч. А во время официального визита в Венгрию в одном из выступлений, транслировавшемся по радио, Хрущев, говоря о Сталине, помнится, заявил: «Все злодеи всегда погибали от рук своих приближенных». В печатном тексте речи этого уже не было. Не без ведома Хрущева родился компромат на Сталина как агента царской охранки. Вместе с тем по указанию Хрущева был уничтожен завизированный им проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 октября 1941 года о возможной сдаче Москвы. И нельзя не задуматься, почему Хрущев так быстро расправился с Берией, которому не предъявили обвинений в насильственном устранении Сталина.

В неожиданной смерти И. В. Сталина участие Берии и Хрущева еще ждет своего исследования, изучения архивов и воспоминаний современников.

Проанализировать прошлое надо и ради правильного понимания самого прошлого, а главное — ради настоящего и вашего будущего.

Как и день 1 марта, так и день 5 марта 1953 года остается нераскрытой тайной.

Со смертью И. В. Сталина если не насовсем, то, во всяком случае, надолго ушла эпоха политических гениев.

Часть 9
Сталинский стиль руководства. Миф о «культе личности» Сталина

Энциклопедические познания

Формально Сталин не имел университетского образования, хотя Тифлисская православная семинария давала объем знаний, близкий к высшему образованию. Несмотря на суровые кары, И. Джугашвили в семинарии упорно занимался самообразованием — читал классическую русскую и мировую литературу, труды выдающихся естествоиспытателей. Он штудировал марксистские сочинения, особенно «Капитал» Маркса. Как и для многих большевиков, тюрьмы были его университетами. Сталин до 1917 года не раз бывал за границей — в Стокгольме, Лондоне, Кракове, Вене. Так, в венских библиотеках изучил массу специальной литературы для написания своей работы «Марксизм и национальный вопрос».

И возглавив большевистскую партию, Сталин продолжал неустанно пополнять свои знания. Он создал в кремлевской квартире большую личную библиотеку, включающую труды Маркса, Энгельса и Ленина, книги по важнейшим разделам науки, военной теории, истории и др. Светлана Аллилуева отмечала, что многие книги с пометами Сталина пропали.

Энциклопедичность знаний Сталина подчеркивали видные политики и ученые, писатели и артисты, военачальники и дипломаты. Иден писал, что Сталин изначально произвел на него впечатление своим умом, прекрасной осведомленностью по всем его касающимся вопросам. Де Голль признавался, что Сталин обладает искусством диалога в большей степени, чем Черчилль с Рузвельтом.

Свои обширные знания в разных областях науки и культуры Сталин использовал в практической деятельности в интересах Советской страны, поставил на службу народу. Да, у Сталина были и ошибки, и самонадеянное упрямство в отстаивании неверных положений. Однако все же его взгляды оказывались в подавляющем большинстве случаев правильными, а практические предложения — необычайно полезными. Сегодня оправдался кем только не ошельмованный вывод Сталина о неизбежном обострении классовой борьбы по мере продвижения социализма. И сегодня учеными разных специальностей признается правильность оценки Сталиным в работе «Марксизм и вопросы языкознания» учения Марра о языке. Не авиаконструктор Яковлев, а Сталин предложил перед войной реалистичные пути создания новых моделей самолетов. Сталин наметил Жукову и Василевскому наиболее удачное направление ударов по немецко-фашистской группировке под Сталинградом. И подобных

примеров из нашей жизни много.

Еще в 1928 году Сталин назвал литературу «орудием в деле организации масс» и призвал писателей к активной роли в пропаганде задач социалистического переустройства общества. В беседе с писателями у Максима Горького он высказался о методе социалистического реализма. Сталин в своих докладах и речах широко использовал образы из произведений русской классической литературы. Он успевал читать произведения советских писателей, публикуемые даже в литературно-художественных журналах. Сталин при обсуждении работ, представленных на соискание Сталинских премий, показывал пример глубокого художественного анализа произведений, предлагал книги еще неизвестных авторов.

Удивительна была широта научных и художественных интересов Сталина. Объем прочитанного им в день составлял до 500 страниц. Он обладал необыкновенной памятью на факты, высказывания, даты, цифры и т. д. из самых различных областей знания и общественной жизни. Рассказывают, когда перед парадом 7 ноября 1941 года Сталин спросил Буденного про Агапкина, тот удивился: при чем здесь какой-то дворник из фильма «Волга-Волга»? Сталин пояснил: «Вы путаете. У Александрова дворник Охапкин. Я спрашиваю про автора марша «Прощание славянки» композитора Агапкина. Он будет дирижировать оркестром?»

Суждения Сталина по многим экономическим, политическим, научным, нравственным и международным проблемам и сейчас поражают своей основательностью и прозорливостью, продуманностью и осторожностью. К сожалению, эта черта не всегда отличала последующих лидеров страны.

Человек мысли

«Для его современника уже пребывание рядом со Сталиным, тем более разговор с ним или даже присутствие при разговоре, возможность услышать его высказывания в узком кругу представлялись чем-то особым, — писал видный советский государственный деятель А. А. Громыко. — Ведь свидетель того, что говорил и делал Сталин, сознавал, что перед ним находится человек, от воли которого зависит многое в судьбе страны и народа, да и в судьбе мира.

Это вовсе не противоречит научному, марксистскому взгляду на роль личности в истории. Выдающиеся личности являются продуктом условий определенного конкретного времени. Но, с другой стороны, эти люди могут сами оказывать и оказывают влияние на развитие событий, на развитие общества. Маркс, Энгельс, а затем и Ленин глубоко обосновали это в своих философских трудах.

Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, что же человек хочет. В то же время Сталин мог терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы четко сформулировать мысль.

Глядя на Сталина, когда он высказывал свои мысли, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительными были глаза, он их временами прищуривал. Это делало его взгляд еще острее. Но этот взгляд таил в себе тысячу загадок…

Сталин имел обыкновение, выступая, скажем, с упреком по адресу того или иного зарубежного деятеля или в полемике с ним, смотреть на него пристально, не отводя глаз в течение какого-то времени. И надо сказать, объект его внимания чувствовал себя в эти минуты неуютно. Шипы этого взгляда пронизывали.

Когда Сталин говорил сидя, он мог слегка менять положение, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, иногда мог легким движением руки подчеркнуть мысль, которую хотел выделить, хотя в целом на жесты был очень скуп. В редких случаях повышал

голос. Он вообще говорил тихо, ровно, как бы приглушенно. Впрочем, там, где он беседовал или выступал, всегда стояла абсолютная тишина, сколько бы людей ни присутствовало. Это помогало ему быть самим собой.

Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное, нестандартностью мышления.

Что касается зарубежных деятелей, то следует добавить, что Сталин их не особенно баловал своим вниманием. Уже только поэтому увидеть и услышать Сталина считалось у них крупным событием.

В движениях Сталин всегда проявлял неторопливость. Я никогда не видел, чтобы он, скажем, заметно прибавил шаг, куда-то спешил. Иногда предполагали, что с учетом обстановки Сталин должен поскорее провести то или иное совещание, быстрее говорить или торопить других, чтобы сэкономить время. Но этого на моих глазах никогда не было. Казалось, само время прекращает бег, пока этот человек занят делом.

Очень часто на заседаниях с небольшим числом участников, на которых иногда присутствовали также товарищи, вызванные на доклад, Сталин медленно расхаживал по кабинету. Ходил и одновременно слушал выступающих или высказывал свои мысли. Проходил несколько шагов, приостанавливался, глядел на докладчика, на присутствующих, иногда приближался к ним, пытаясь уловить их реакцию, и опять принимался ходить.

Затем он направлялся к столу, садился на место председательствующего. Присаживался на несколько минут. Были и такие моменты. Наступала пауза. Это значит, он ожидал, какое впечатление на участников произведет то, о чем идет речь. Либо сам спрашивал:

— Что вы думаете?

Присутствовавшие обычно высказывались кратко, стараясь по возможности избегать лишних слов. Сталин внимательно слушал. По ходу выступлений, замечаний участников он подавал реплики…

Что касается литературы, то могу определенно утверждать, что Сталин читал много. Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях. Он знал неплохо русскую классическую литературу. Любил, в частности, произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Труднее мне говорить о его знаниях в области иностранной литературы. Но, судя по моим некоторым наблюдениям, Сталин был знаком с книгами Шекспира, Гейне, Бальзака, Гюго, Ги де Мопассана — и последнего очень хвалил, — а также с произведениями многих

других западноевропейских писателей. По всей видимости, много книг прочитал и по истории. В его речах часто содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник.

Одним словом, Сталин был образованным человеком, и, видимо, никакое формальное образование не могло дать ему столько, сколько дала работа над собой. Результатом такого труда явился известный сталинский язык, его умение просто и популярно формулировать сложную мысль».

Цит. по кн.: А. А. Громыко. Памятное.

Простота

В манере поведения Сталина справедливо отмечали неброскую корректность. Он не допускал панибратства, хлопанья по плечу, по спине, которое иной раз считается признаком добродушия, общительности и снисходительности. Даже в гневе — а мне приходилось наблюдать и это — Сталин обычно не выходил за рамки допустимого. Избегал он и нецензурных выражений.

Много раз мне приходилось наблюдать Сталина в общении с другими советскими руководящими деятелями того времени. К каждому из них у него имелся свой подход. Некоторые проявления фамильярной формы общения со Сталиным могли позволить себе лишь Ворошилов и Молотов. Объяснялось это в основном тем, что знал он их лучше, чем других, и притом давно — еще по подпольной работе до революции.

Находясь за обеденным столом, Сталин держался свободно, независимо от уровня гостей или хозяев.

В ходе протокольных мероприятий на конференциях Сталин задавал вопросы Рузвельту, Черчиллю и сам охотно отвечал, если его спрашивали. Разговоры касались кроме политических тем также и чисто житейских, вплоть до оценки достоинств тех или иных блюд, напитков, выяснения их популярности в различных странах.

В Ялте, например, Сталин похваливал грузинские сухие вина, а потом спросил:

— А вы знаете грузинскую виноградную водку — чачу? — Ни Черчилль, ни Рузвельт о чаче и слыхом не слыхивали. А Сталин продолжал: — Это, по-моему, лучшая из всех видов водки. Правда, я сам ее не пью. Предпочитаю легкие сухие вина.

Черчилля чача сразу заинтересовала:

— А как ее попробовать?

— Постараюсь сделать так, чтобы вы ее попробовали.

На другой день Сталин послал и одному, и другому в подарок чачу.

О внешности И. В. Сталина писали уже не раз. Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин, писал маршал Г. К. Жуков, во время беседы производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память заставляли во время беседы с ним даже очень искушенных и значительных людей внутренне собраться и

быть начеку.

И. В. Сталин не любил сидеть и во время разговора медленно ходил по комнате, время от времени останавливаясь, близко подходя к собеседнику и прямо смотря ему в глаза. Взгляд у него был острый и пронизывающий. Говорил он тихо, отчетливо, отделяя одну фразу от другой, почти не жестикулируя. В руках чаще всего держал трубку, даже потухшую, концом которой любил разглаживать усы. Говорил с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные сравнения, литературные примеры, метафоры.

Смеялся И. В. Сталин редко, а когда смеялся, то тихо, как будто про себя. Но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку. Зрение у него было очень острое, и читал он без очков в любое время суток. Писал, как правило, сам от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку.

Трудно сказать, какая черта характера у него преобладала. Человек разносторонний и талантливый, И. В. Сталин не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар.

Распорядок дня И. В. Сталина был несколько необычный. Работал он, главным образом, в вечернее и ночное время. Вставал не раньше 12 часов дня. Приспосабливаясь к распорядку дня И. В. Сталина, до поздней ночи работали ЦК партии, Совет Народных Комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы.

Магическая сила вождя

В своих воспоминаниях Н. К. Байбаков пишет:

«Я вижу свой долг в том, чтобы рассказать о Сталине объективно, показать, в чем заключалась его магическая сила вождя, умевшего владеть самыми драматическими ситуациями в стране и в мире, неотступно держать под личным контролем все государственное руководство столько лет, в том числе и в годы, когда решалась судьба нашего Отечества. Его сила в том, что он умел сразу схватывать самую суть любого события или явления, судьбоносного для народа, искал истину путем сопоставления многих данных и мнений.

Сталин всегда был хорошо информирован и о сути, и о деталях каждого обсуждаемого в правительстве вопроса. Многие поражались до мистической оторопи его осведомленности во всем. Он знал многих директоров крупных государственных предприятий и в лицо, и по имени-отчеству. Я иногда допускал мысль, что он мог иметь целую группу очень надежных и толковых информаторов, глубоко законспирированных и действующих в любой точке, где вершились дела, в данный момент решающие для государства. Есть немало прямых и косвенных подтверждений тому в свидетельствах многих людей.

Проблемы развития нефтяной отрасли не раз рассматривались на совещаниях у Сталина и более широко — с привлечением руководителей нефтяных комбинатов и трестов. И мне стал понятен подход Сталина к принятию ответственных решений, основанных на изучении как можно большего круга фактов и мнений, чтобы из многочисленных, казалось бы, второстепенных звеньев извлечь главное звено, решающее.

Сталин был тут дотошен, вникал во все мелочи, умел выявлять то, что истинно думают его собеседники, не терпя общих и громких фраз. Чтобы говорить со Сталиным, нужно было отлично знать свой предмет, быть предельно конкретным и самому иметь определенное мнение. Своими вопросами он как бы подталкивал к тому, чтобы собеседник сам во всей полноте раскрывал суть вопроса.

— А как вы смотрите, товарищ Байбаков (Сталин делал ударение на втором слоге), на дальнейшие перспективы развития «Второго Баку»? Что вам еще может потребоваться?..

Он проницательно приглядывался к людям, к тому, кто как себя держит, как отвечает на вопросы. Чувствовалось, что все это его интересовало, и люди раскрывались перед ним именно через их заинтересованность делом.

Не всегда при обсуждении спорных вопросов Сталин высказывал свою точку зрения. Но мы, участники кремлевских совещаний, утверждались в уверенности: Сталин в любом сложном деле знает, что предпринять. Никогда, ни разу не принимал пустых или расплывчатых директив, а с особой тщательностью продумывал и определял все пути к безусловному, верному решению и его выполнению. Только тогда, когда окончательно убеждался, что нужное решение найдено и оно реально выполнимо, Сталин твердо подытоживал: — Итак, я утверждаю.

Не скрываю того, что я был в числе тех, кто учился у Сталина, считая, что его ясный и решительный стиль должен быть присущ руководителям любого ранга…

Бытует и доныне мнение, будто существовали некие особые запретные темы, например, тема репрессий, с которыми к Сталину обращаться опасно, а то и вовсе не возможно. Это, мол, могло повлечь за собой тяжкие последствия, мол, Сталин не терпел таких обращений.

Я лично убедился во многих случаях, что, наоборот, Сталин уважал смелых и прямых людей, тех, кто мог говорить с ним обо всем, что лежит на душе, честно и прямо. Сталин таких людей слушал, верил им, как натура цельная и прямая.

Ему нравились знающие свое дело люди, особенно «новая волна» специалистов, пришедших на производство в советское время, питомцы нового строя, которых он мог по справедливости считать и своими питомцами, и нас он слушал, как мне кажется, с особым чувством — это нам, тогда молодым людям из рабфаков и институтов, предстояло обживать будущее. Вот почему, заметив чье-нибудь дарование, присматривался к нему — каков сам человек, если трус — не годится, если дерзновенный — нужен. И он таких всячески поддерживал, выдвигал на руководящие посты, ведь не зря знаменитые «сталинские наркомы» — это 30—35-летние люди (в основном) с неизрасходованной энергией и верой, что будущее будет построено именно ими».

Из книги Н. К. Байбакова «От Сталина до Ельцина».

Лишних слов не любил

Нарком вооружений Д. Ф. Устинов вспоминал:

«…Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он многое доверял членам Политбюро ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.

При всей своей властности, суровости, я бы сказал, жесткости он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивавшая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло.

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: «А что вы думаете по этому поводу?» или «А как вы относитесь к такому предложению?» Причем характерный акцент делался именно на слове «вы». Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа.

…Следует, видимо, упомянуть и о том, что на заседаниях и совещаниях, которые проводил И. В. Сталин, обсуждение вопросов и принятие по ним решений осуществлялись нередко без протокольных записей, а часто и без соответствующего оформления решений. Случалось, что кому-то из участников совещания или заседания поручалось подготовить предложения, переработанные с учетом состоявшегося обмена мнениями, и представить на подпись.

Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И. В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных

решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное, свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их.

Цит. по кн.: Д. Ф. Устинов. Во имя победы. Записки наркома вооружения.

Слово Сталина

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров СССР Я. Е. Чадаев:

«Выступление Сталина всегда было событием. Его выступления всегда ждали. А когда он говорил, все слушали его внимательно, с захватывающим интересом, чуть ли не благоговейно. Его речи не были насыщены набором красивых оборотов и фраз. Это были речи, которые зажигали слушателей, зажигали их сознательно и разумно действовать так и идти туда и решать задачи так, как начертала партия. Он всегда оставался сдержанным в словах, но эти слова были простыми, ясными, понятными. Они содержали такую большую логику, глубинную огромную внутреннюю правду, что их трудно было не понять, не подчиниться, не выполнить их. Сталин непроизвольно привязывал к себе, убеждал и потрясал содержанием своих речей…»

Цит. по кн.: Куманев Г. А. Рядом со Сталиным.

Стиль работы

Главный маршал авиации А. Е. Голованов, непосредственно общавшийся с Верховным Главнокомандующим, так характеризовал «стиль» Сталина: «Изучив человека, убедившись в его знаниях и способностях, он доверял ему, я бы сказал, безгранично. Но не дай бог, как говорится, чтобы этот человек проявил себя где-то с плохой стороны. Сталин таких вещей не прощал никому. Он не раз говорил мне о тех трудностях, которые ему пришлось преодолевать после смерти Владимира Ильича, вести борьбу с различными уклонистами, даже с теми людьми, которым он бесконечно доверял, считал своими товарищами, как Бухарина например, и оказался ими обманутым. Видимо, это развило в нем определенное недоверие к людям. Мне случалось убеждать его в безупречности того или иного человека, которого я рекомендовал на руководящую работу…

Сталин всегда обращал внимание на существо дела и мало реагировал на форму изложения. Отношение его к людям соответствовало их труду и отношению к порученному делу. Работать с ним было не просто. Обладая самыми широкими познаниями, он не терпел общих докладов и общих формулировок. Ответы должны были быть конкретными, предельно короткими и ясными. Если человек говорил долго, попусту, Сталин сразу указывал на незнание вопроса, мог сказать товарищу о его неспособности, но я не помню, чтобы он кого-нибудь оскорбил или унизил. Он констатировал факт. Способность говорить прямо в глаза и хорошее и плохое, то, что он думает о человеке, была отличительной чертой Сталина. Длительное время работали с ним те, кто безупречно знал свое дело, умел его организовать и руководить. Способных и умных людей он уважал, порой не обращая внимания на серьезные недостатки в личных качествах человека».

Из книги Ф. И. Чуева «Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы».

Собранность и четкость

Ялтинская конференция и связанные с нею заботы отнимали у И. В. Сталина очень много времени. Тем не менее он успевал следить за положением на фронтах, принимать решения, связанные с боевыми действиями войск. В Кореиз, в Юсуповский дворец, приезжали командующие войсками и армиями. Сталин беседовал с ними обычно в присутствии Антонова, у которого всегда под рукой оказывались карты с уже нанесенной обстановкой и с графическим изображением будущей операции.

За несколько часов до очередного заседания конференции Сталин собирал членов делегации, давал почти каждому определенное задание: изучить такой-то вопрос, то-то выяснить, с тем-то связаться. Чувствовалось, что он тщательно и всесторонне готовится к каждой встрече с главами союзных держав. Сталин обладал превосходной памятью и все же не полагался на нее. Еще и не раз все проверял, просматривал документы, записи, выслушивал мнения членов делегации.

Он и других учил не полагаться на память. Я помню, он как-то спросил меня:

— А почему вы не записываете?

— Я запомню.

— Все запомнить невозможно. К тому же запись приучает к точности.

С тех пор я всегда имел при себе блокнот и карандаш.

Перед обсуждением вопроса о выделении американских кораблей по ленд-лизу для Тихоокеанского флота Сталин специально вызвал меня и спросил, готов ли я ответить на все вопросы, которые могут возникнуть по этому поводу за «круглым столом».

Поражало спокойствие Сталина. В самые жаркие моменты спора, когда Черчилль не мог усидеть на месте, Сталин оставался сдержанным и невозмутимым, говорил ровным голосом, как всегда взвешивая каждое слово. И выходил из спора победителем. Его железная логика сокрушала все хитросплетения оппонента.

Из книги Н. Г. Кузнецова «Курсом к победе».

Подбор и расстановка кадров

В беседе с журналистом и ученым В. Литовым бывший нарком, министр земледелия СССР Иван Александрович Бенедиктов рассказывал:

«При Сталине продвижение в высшие эшелоны управления осуществлялось только по политическим и деловым качествам — исключения, конечно, были, но довольно редкие, подтверждавшие общее правило. Главным критерием являлось умение человека на деле и в кратчайшие сроки изменить ситуацию к лучшему. Никакие соображения личной преданности и близости к «вождю», так называемый «блат», не говоря уже о семейно-родственных связях, в расчет не брались. Более того, с людей, которым Сталин особо симпатизировал, точнее, ставил в пример другим, спрос был и жестче, и строже. Я имею в виду В. М. Молотова, Г. К. Жукова, Н. А. Вознесенского, авиаконструктора А. Н. Яковлева и некоторых других…

Существовавшая в те годы подлинно большевистская система подбора и расстановки кадров приводила к тому, что на ключевых постах в партии, государстве, армии действительно оказывались наиболее талантливые и подготовленные в профессиональном отношении люди, совершавшие по нынешним меркам невозможные вещи, буквально чудеса. Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов, В. А. Малышев, И. Ф. Тевосян, Б. Л. Ванников, А. И. Шахурин, Н. С. Патоличев — перечисляю лишь немногих, все они обладали выдающимися способностями и дарованиями и, что немаловажно, заняли высшие посты в самом расцвете своих сил. При Сталине Советское правительство по возрастному составу было едва ли не самым молодым в мире. Меня, к примеру, назначили наркомом земледелия СССР в 35 лет, и это являлось не исключением, а скорее правилом. Большинство наркомов было примерно такого же возраста, даже моложе, да и многим секретарям обкомов партии в тот период едва перевалило за 30 лет. Лозунг «Молодым везде у нас дорога» в 30-е и 40-е годы последовательно, с железной настойчивостью и твердостью проводился в жизнь. Начав свою работу в сельскохозяйственном учреждении совсем еще молодым человеком, я был твердо уверен, что все успехи по службе зависят исключительно от моих личных достоинств и усилий, а не от сложившейся конъюнктуры или заступничества влиятельных родственников. Как и многие мои сверстники, я знал, что если проявлю себя должным образом на деле, то мне не дадут засидеться на месте, не позволят долгие годы «выслуживать» один чин за другим, растрачивая энергию и

напор молодости на перекладывание канцелярских бумаг, а сразу же дадут дорогу, «двинут» через несколько ступеней «наверх», туда, где действуют и решают.

Могу с полным основанием сказать, что курс на выдвижение молодежи был сознательной, всесторонне продуманной и взвешенной линией как самого Сталина, так и других членов Политбюро ЦК нашей партии. И эта линия полностью оправдала себя, Убежден, что, если бы мы вступили в войну с шестидесятилетними наркомами и командующими армиями, ее результаты могли бы быть иными… Хотя бы потому, что решить невиданные по сложности задачи и выдержать чудовищное напряжение военных лет, а затем восстановительного периода сумели бы лишь творчески, нешаблонно мыслящие и действующие молодые люди.

Вспоминается в этой связи Дмитрий Федорович Устинов, бывший в период войны наркомом вооружений. Совсем еще молодой человек, не имевший, естественно, большого жизненного и инженерного опыта, он смело, на свой страх и риск, принимал за несколько часов решения, связанные со строительством и оснащением военных заводов, которые обычно требуют многомесячной работы целых коллективов и проектных институтов и столь же многомесячных согласований с различными инстанциями… И, как признавали специалисты, не ошибался в расчетах.

Или Авраамий Павлович Завенягин, много сделавший и для обороны, науки и техники. «Это невозможно, немыслимо, противоречит мировому опыту», — возмущались по поводу сроков выдвигавшихся им проектов наши высокоинтеллектуальные научные «светила» и специалисты. Но Завенягин добивался своего и совершал это «невозможное» и «немыслимое».

Или возьмите высший командный состав Красной Армии. Конечно, репрессии 1937–1938 годов ослабили его, дали возможность некоторым маршалам и генералам старой закваски усилить свои позиции. Но параллельно с этим шел и процесс подбора и роста талантливых людей, умеющих воевать по-современному. В целом накануне войны в своем преобладающем большинстве руководящие должности и в армии, и в Генштабе заняли достойные люди, способные военачальники, правильность выдвижения которых была подтверждена жестоким опытом самих сражений. Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, К. Т. Мерецков, другие наши прославленные военные деятели сумели превзойти на полях битв лучших полководцев гитлеровской Германии, обладавшей, бесспорно, самой сильной

армией капиталистического мира.

И дело не только в исконной талантливости, патриотизме и революционном энтузиазме нашего народа. Все эти замечательные качества, как показывает опыт последних десятилетий, утрачиваются чуть ли не полностью, когда нет порядка и должной организации дела, когда отсутствует подлинно большевистская система выявления, продвижения и стимулирования талантливых людей.

Не могу согласиться с утверждениями иных «знатоков» истории о том, что молодые и способные «люди были привлечены в государственный и партийный аппарат, чтобы заполнить «вакуум», образовавшийся в результате репрессий 30-х годов. Во-первых, наряду с молодежью бок о бок работали и старые, опытные кадры, обеспечивалось довольно эффективное сочетание молодости с опытом. Во-вторых, и это главное, на ключевые посты даже после репрессий 1937 года конкурентов, включая опытных, заслуженных деятелей, вполне хватало. Говорю это с полным основанием, поскольку хорошо помню тогдашнюю ситуацию в наркоматах сельскохозяйственного профиля. Да и в других картина была примерно такой же. Помню и недовольство ветеранов с дореволюционным партийным стажем назначением молодых наркомов. Все было… Но ЦК твердо отстаивал свою линию, не делая никаких скидок на бывшие заслуги и героические дела.

Что бы ни говорили о Сталине, при нем на руководящих постах находилось несравненно больше одаренных, талантливых людей, чем при Хрущеве, не говоря уже о его преемниках. Кстати, и спрос за упущения был конкретный, индивидуальный, а не размыто-коллегиальный, как сейчас, когда пропадают миллиарды, приходят в запустение целые регионы, а ответственных днем с огнем не сыщешь! В наше время ситуация подобного рода была просто немыслимой. Нарком, допустивший перерасход двух-трех тысяч рублей, рисковал даже не своим постом — жизнью! Может быть, кое-кому это и покажется жестоким, однако с точки зрения государственных, народных интересов такой подход, на мой взгляд, полностью оправдан…

Вспоминается в этой связи такой эпизод. В конце 30-х годов, будучи наркомом земледелия СССР, я одновременно занимал пост председателя Главного выставочного комитета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, располагавшейся тогда на территории нынешней ВДНХ. Сталин и другие члены Политбюро уделяли работе выставки большое внимание, считая ее главным центром распространения стахановского движения в области сельского хозяйства. Как-то во время осмотра экспонатов Сталин

обратил внимание на то, что некоторые овощи, фрукты, а также зелень, доставленные на выставку с передовых хозяйств юга, имели, мягко говоря, не совсем товарный вид.

— В чем дело, товарищ Бенедиктов? — спросил он. — Это выставка передовых достижений или залежалого товара?

— Продукция на выставку поступает по железной дороге, на что, естественно, уходит несколько дней. Госконтроль возражает против доставки ее самолетами, ссылаясь не неоправданные расходы.

— Госконтроль смотрит на дело со своей, ведомственной колокольни. А вы должны подойти к вопросу с государственных позиций и не губить нужное дело формализмом. Для того вы нарком и председатель выставки, чтобы защищать эти позиции и бороться с таким формализмом. Люди своими глазами должны увидеть, какие овощи и фрукты можно выращивать. Надо вызвать у них желание и тягу к передовому опыту, к его распространению. А ваша пожухлая продукция к этому не располагает. Экономите тысячи, а теряете миллионы.

Так уж устроен мир: обычно выделяют и приближают к себе людей, родственных по духу, по отношению к работе, жизни. Человек глубокого аналитического ума, решительный, волевой и целеустремленный, Сталин поощрял такие же качества и у своих подчиненных, испытывая очевидную симпатию к людям твердых и независимых суждений, способным отстаивать свою точку зрения перед кем угодно, и, наоборот, недолюбливал малодушных, угодливых, стремящихся «приспособиться» к заранее известному мнению вождя. И если по отношению к молодым, начинающим работникам допускалось определенное снисхождение, своего рода «скидка» на первоначальную робость и отсутствие опыта, опытным и даже очень заслуженным деятелям подобные «человеческие слабости» никогда не прощались. «Толковый специалист, — сказал как-то об одном из них Сталин. — Но ставить на руководящую работу нельзя. Слишком угодлив. Такой из любви к начальству наделает вреда больше, чем самый лютый враг. И не спросишь за это — мнение-то согласовано с руководством».

Приходилось, правда довольно редко, возражать Сталину и мне. Спорить с ним было нелегко, и не только из-за давления колоссального авторитета. Сталин обычно глубоко и всесторонне продумывал вопрос и, с другой стороны, обладал тонким чутьем на слабые пункты в позиции оппонента. Мы, хозяйственные руководители, знали твердо: за то, что возразишь «самому», наказания не будет, разве лишь его мелкое недовольство, быстро забываемое, а если окажешься прав, выше станет твой авторитет в

его глазах. А вот если не скажешь правду, промолчишь ради личного спокойствия, а потом все это выяснится, тут уж доверие Сталина наверняка потеряешь, и безвозвратно. Потому и приучались говорить правду, невзирая на лица, не щадя начальственного самолюбия».

Скромность

Нарком Военно-Морского флота СССР, Главнокомандующий Военно-Морским флотом СССР И. Г. Кузнецов вспоминал:

«Работал Сталин много. И в редкие минуты отдыха он не мог обойтись без дела. Иногда разговор в служебном кабинете затягивался. Он смотрел на часы:

— Пора ужинать. Прошу ко мне.

Его квартира находилась в том же здании в Кремле, где и рабочий кабинет. Сам он обычно пользовался внутренним ходом, а мы спускались к вешалке, одевались и входили в квартиру через арку со двора.

Вспоминаю, с каким любопытством я впервые поднимался по ковровой дорожке красного цвета на второй этаж. Я и не ожидал увидеть богато обставленную большую квартиру, но все же был до крайности удивлен скромностью обстановки. Небольшая прихожая была отделана деревом. Прямо из нее — дверь в столовую. Все комнаты, расположенные вдоль одной стены, с окнами на Царь-пушку и Успенский собор видны через открытые двери столовой. В спальне — простая кровать и ничего лишнего.

Создавалось впечатление, что Сталин привык с давних пор к заведенной обстановке, к известной всем одежде (китель, шинель, фуражка) и не любил никаких перемен. Так, в пору, когда он носил серый полувоенный китель с отложным воротником, я всего один раз видел его в новом кителе более темного цвета. В конце войны он сменил свой китель на маршальский мундир, который продолжал неизменно носить и став генералиссимусом.

Небогатыми были и сервировка и меню стола. Мы усаживались, каждый сам себе клал на тарелку немудреную еду, и опять продолжались те же разговоры, что велись в служебном кабинете.

В праздник 1 Мая, в День Воздушного флота нас приглашали на дачу. В этом случае встречи тоже носили полуофициальный характер. Обед проходил обычно на лужайке. Стол человек на сорок-пятьдесят накрывался еще до приезда гостей, на него ставили холодные закуски. Рядом, на отдельном столе, в баках с закрытыми крышками стояли горячие блюда. Каждый брал свою тарелку, подходил к бакам и выбирал по своему вкусу суп, борщ или уху. Первым это обычно делал сам хозяин.

Стол и здесь не отличался излишествами даже в большие праздники. В самом начале провозглашались различные тосты, а через несколько минут за столом снова велись деловые разговоры.

По времени обед долго не затягивался, и только однажды гости, помнится, после обеда развлекались игрой в городки и на бильярде».

Из книги адмирала флота СССР Н. Г. Кузнецова «Курсом к победе».

Нельзя же так

Народный художник СССР, президент Академии художеств А. М. Герасимов стал художественным летописцем И. В. Сталина. Еще в 1938 году получила известность его картина «И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов в Кремле». В 1949 году его картину «И. В. Сталин у гроба А. А. Жданова» выдвинули на Сталинскую премию. Посмотрев картину, И. В. Сталин сказал:

— Ничего особенного в картине нет. Герасимов немолодой художник. Поощрялся. Нужны ли еще поощрения? Надо как следует подумать и оценить — достоин ли он еще премии?

Члены комитета по Сталинским премиям не знали, что ответить.

Сталин заключил:

— Потом, нельзя же так: все Сталин и Сталин. У Герасимова — Сталин. У Тоидзе — Сталин. У Яр-Кравченко — тоже Сталин.

Придворным скульптором стал народный художник СССР С. Д. Меркуров. Он получил Сталинскую премию первой степени за монументальное изображение И. В. Сталина для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Хотя фильмов «Сталин» нет, образ И. В. Сталина запечатлен во многих игровых кинокартинах. Кроме того, в фильмах тех лет зачастую в кадре или кадрах показывались портреты И. В. Сталина, о нем говорили герои кинолент, цитировались его высказывания. Сохранилось несколько документальных кинохроник, в которых запечатлен И. В. Сталин (доклад о новой Конституции, в годы Отечественной войны, в юбилейных торжествах по поводу 70-летия). Ряд документальных фильмов о себе Сталин запретил выпускать на экран. В документальном фильме о Грузии потребовал снять заголовок «Фильм о родине великого Сталина», заметив: «А если бы не было Сталина, то и фильма о Грузии не было бы снято?» По поводу документального фильма «Сталинский Урал» сказал, что Урал не его собственность, фильм должен быть об Урале.

Вредная теория

Письмо И. В. Сталина в Детиздат при ЦК ВЛКСМ

«Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина».

Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений.

Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку.

И. Сталин.

16 февраля 1938 г.»

Не занимайтесь эсеровщиной

К 60-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина в 1939 году были изданы биографии, написанные М. И. Калининым — «К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина», Е. М. Ярославским — «Сталин — это Ленин сегодня», и Краткая биография И. В. Сталина.

Доктор исторических наук Раиса Павловна Конюшая вспоминает:

«В 1946 году Центральный Комитет, Политбюро и идеологический отдел ЦК вновь ставят перед И. В. Сталиным вопрос об издании его краткой биографии. На этот раз он соглашается посмотреть макет подготовленного в ИМЭЛ второго издания биографии. Первое издание вышло в 1939 году и поместилось на полосах «Правды». Сталин спросил у своего помощника, кто был автором первого издания, добавив, что оно ему нравится: кратко обо всем без восхвалений…

Помощник А. Н. Поскребышев позвонил в Институт Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ). Директор института сказал, что автором был Василий Дмитриевич Мочалов. Это мой муж.

Среди ночи стук в дверь (тогда не боялись открывать дверь стучавшему даже ночью). Передо мной директор ИМЭЛ.

— Пожалуйста, разбудите Василия Дмитриевича — нам нужно быть с ним у Иосифа Виссарионовича.

Василий Дмитриевич явился домой около 7 часов утра. Очень веселый.

— Ну и молодец наш Иосиф Виссарионович: такого жару дал авторам второго издания своего жизнеописания. Долго будут помнить! Сейчас примусь записывать услышанное (на полях «Правды», держа ее на коленях, ухитрился сделать пометки). А ты иди в Институт к А. П. Жуковой. Ей поручено перенести правку И. В. Сталина на его экземпляре Биографии на другой экземпляр. Оригинал через два-три часа будет направлен в Центральный партийный архив для сейфового хранения.

В большом волнении просматривала редакторскую правку И. В. Сталина, стараясь запомнить ее. В 9 часов утра была приглашена в дирекцию. В. С. Кружков собрал партийный актив, чтобы информировать о встрече со Сталиным, начал свой рассказ так:

— Сурово встретил нас Иосиф Виссарионович, а именно такими словами: «Вы что, эсеровщиной занимаетесь? Народ, партия — ничто, Сталин — все? Сталин стар. Сталин скоро умрет. Хотите, чтобы народ в панику впал — раз все делал он, то без

него конец?»

Затем уже спокойнее стал говорить о своих поправках, о дополнениях. Всюду, где большие дела приписывались Сталину, зачеркивал и писал: «Под руководством партии» совершено то-то…

Большое значение имеет сделанная И. В. Сталиным вставка о том, как «в борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухаринымы и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя *то руководящее ядро* нашей партии в составе Сталина, Молотова, Калинина, Ворошилова, Куйбышева, Фрунзе, Дзержинского, Кагановича, Орджоникидзе, Кирова, Ярославского, Микояна, Андреева, Шверника, Жданова, Шкирятова и других, которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был товарищ Сталин».

Большой, важный текст был предложен И. В. Сталиным по женскому вопросу, о роли женщин в труде, в социалистическом строительстве.

Пишу о том, что мне известно об отношении И. В. Сталина к тексту *макета* его Биографии. Она была доработана в соответствии с критикой Сталина».

Приводится с сокращениями по тексту, помещенному в 16-м томе Сочинений И. В. Сталина.

Культ личности

Вскоре после безвременной кончины И. В. Сталина в печати стали появляться статьи о вреде культа личности. При этом подчеркивалось, что Марксу, Энгельсу, Ленину и Сталину было глубоко чуждо и антипатично какое-либо проявление культа личности. Затем исчезло цитирование высказываний Сталина, осуждающих неоправданное восхваление личностей и принижение роли масс, появились статьи, осуждающие культ Сталина. И, наконец, 25 февраля 1956 года состоялось закрытое заседание XX съезда КПСС с речью Хрущева «О культе личности и его последствиях».

Сталин в руководстве партии являлся самым творческим и знающим марксистом-ленинцем, его труды, его логика, его воля оказывали большое воздействие на работу партии, формировали кадры. Ни Хрущев, ни Берия, ни Маленков, инициаторы борьбы с культом Сталина, не могли быть сравнимы со Сталиным, не отличались знанием марксистско-ленинской теории. Их борьба с «культом личности» по существу являлась борьбой за власть после Сталина.

«Культ личности» больше истолковывают не столько как известное отступление от принципа демократического централизма в партийной жизни и государственном управлении в Советском Союзе, сколько как нарушение в некоторой части социалистической законности. А еще точнее, как осуждение борьбы Сталина против троцкистов, зиновьевцев, национал-уклонистов и других противников Советской власти. При этом скрывается, что партия, Сталин боролись с допускаемыми искривлениями, добивались освобождения несправедливо осужденных и возвращения им заслуженных наград и званий, восстановления на работе, а то и служебного повышения. Ведь если в 90-х годах активизировали борьбу против Советской власти носившие партийный билет, то можно представить, сколько и какие были скрытые и явные враги у Советской власти в годы ее становления и выживания в капиталистическом окружении. Борьба против таких врагов являлась высшим проявлением социалистической законности и социалистического гуманизма.

Ссылаются на слова Шолохова: «Был культ, но была и личность». Выражение и образное, и емкое. Сталин — личность действительно гениальная. И от этого никуда не уйти, какие бы старания ни прилагали его многочисленные противники и недоброжелатели. Но сводить личность Сталина только и

исключительно к «культу личности» неправомерно. Это и есть чуждое марксистско-ленинскому материалистическому пониманию общественного развития и роли выдающейся личности извращение, носящее не столько идеологический, сколько откровенно политический характер, политическую направленность. Это к тому же и искажение истории большевистской Коммунистической партии, истории борьбы за утверждение социализма в Советском Союзе да и вообще мировой истории.

Все это показывает необходимость действительно научного исследования жизни и деятельности И. В. Сталина, его роли и значения в развитии нашей страны и в судьбах мира. Жонглирование «культом личности» лишь на руку противникам социализма и вульгаризаторам марксизма-ленинизма.

И одно воспоминание. В конце года 1961—1962-го начали мы — секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев и я, его помощник, — работать над книгой под первоначальным названием «Авторитет руководителя партии и культ личности». Задумали рассмотреть эту проблему с точки зрения марксистско-ленинского освещения истории, экономики и политики. Собрали большой материал. Обсуждали сами, привлекли ряд товарищей. Когда оставалось немного, чтобы завершить первый вариант, Леонид Федорович вдруг сказал: «Давай прекратим эту работу». Пришлось переключаться на новую тему — методологические проблемы естествознания и общественных наук.

Как-то разговорились: что делать с прежним текстом?

Леонид Федорович сказал: «Давай отложим на потом». Он посчитал, что и вопрос об авторитете, и вопрос о «культе личности» нужно бы еще обмозговать. О «культе личности» говорил взвешенно. К его чести — не изображал себя обиженным на Сталина, который снял его с должности главного редактора газеты «Правда».

А что касается вопроса «авторитета руководителя», хотелось бы остановиться на двух моментах.

К анализу подхода Сталина к экономическим проблемам я привлек своего друга Александра Польщикова — главного редактора «Экономической газеты» — газеты ЦК КПСС. Вдумчивый экономист и взыскательный редактор, он дал интересные материалы. И доверительно написал, что Хрущев при решении народно-хозяйственных задач допускает элементы волюнтаризма. Леонид Федорович ознакомился с текстом и оставил у себя. Спустя какое-то время сообщил, что бумагу показывал Хрущеву. И добавил: об этом молчи.

Порой и сейчас Ильичева упрекают за то, что он первый

сказал о десятилетии Хрущева. Но первым это выражение употребил Секретарь ЦК партии Б. Н. Пономарев в докладе о 93-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Другое дело, что Ильичев в докладе «Об очередных задачах идеологической работы партии» на июньском Пленуме (1963 год) ЦК КПСС дал политико-экономическое обоснование этому десятилетию, что на деле открывало путь для насаждения нового культа, на сей раз культа Хрущева. Пожалуй, это и послужило основанием для вывода в 1965 году Л. Ф. Ильичева из состава Секретариата ЦК КПСС.

Густо подчерненная правда

Вспоминая доклад Н. С. Хрущева на XX парт-съезде, Н. К. Байбаков пишет:

«Все это я помнил, знал. Мы были все дети своего сурового времени. И все же я никак не мог себе представить и поверить, что произвол и беззаконие все эти годы творились в таких, как показывалось в докладе, масштабах. Но ведь Хрущев был соратником Сталина, а теперь руководитель партии. Как же было не верить ему? Конкретные, жуткие факты, имена, названные им, безусловно, проверены и точны.

И все же что-то смутно настораживало — особенно какая-то неестественная, срывающаяся на крик нота, что-то личное, необъективная передержка.

Вот Хрущев, тяжело дыша, выпил воды из стакана, воспаленный, решительный. Пауза. А в зале все так же тихо, и в этой гнетущей тишине он продолжает читать свой доклад уже о том, как Сталин обращался со своими соратниками по партии, о Микояне, о Д. Бедном. Факты замельчили, утрачивая свою значимость и остроту. Разговор уже шел во многом не о культе личности, а просто о личности Сталина в жизни и быту. Видно было, что докладчик целеустремленно «снижает» человеческий облик вождя, которого сам еще недавно восхвалял. Изображаемый Хрущевым Сталин все же никак не совмещался с тем живым образом, который мне ясно помнился. Сталин самодурствовал, не признавал чужих мнений, изощренно издевался? Это не так. Был Сталин некомпетентен в военных вопросах, руководил операциями на фронтах «по глобусу»? И опять — очевидная и грубая неправда. Человек, проштудировавший сотни и сотни книг по истории, военному искусству, державший в памяти планы и схемы почти всех операций прошедшей войны? Зачем же всем этим домыслам, личным оценкам соседствовать с горькой державной правдой, с истинной нашей болью? Да разве можно в наших бедах взять и все свалить только на Сталина, на него одного?

Выходила какая-то густо подчерненная правда».

Из книги Н. К. Байбакова «От Сталина до Ельцина».

Послесловие
Заветы Сталина

Жизнь отпустила В. И. Ульянову (Ленину) всего семь лет на строительство нового, социалистического общества в нашей стране. Чувствуя ухудшение здоровья, он с ноября 1922 года надиктовал несколько писем к предстоящему XII съезду партии большевиков и статей по «наиболее важным» вопросам государственного, хозяйственного и партийного устройства и внешней политики молодого Советского государства. Сам Владимир Ильич выражал удовлетворение высказанными мыслями и соображениями, рассматривал их как политическое завещание партии большевиков.

Уже при жизни Ленина богатство его политического завещания Троцкий, Зиновьев, Каменев да и Бухарин сводили исключительно к ленинскому замечанию о характере Сталина. Таким путем они пытались не допустить Сталина к руководству социалистическим строительством в Советском Союзе. Троцкистское извращение политического завещания Ленина в «Секретном докладе» XX съезду КПСС Хрущев использовал для развенчания «культа личности» Сталина. Подобное же троцкистское истолкование политического завещания Ленина допустил Микоян в мемуарах «Так было»: «…Характеристику Сталина, данную Лениным в так называемом «завещании», надо считать абсолютно правильной и точной, подтвержденной всеми последующими событиями.

Я подчеркиваю — правильность сейчас…»

Нынешними властными структурами троцкистская оценка жизни и деятельности И. В. Сталина поставлена на службу оправдания развала СССР, борьбы с социалистическими идеями и научным марксистско-ленинским учением, разнузданной антикоммунистической кампании.

После смерти В. И. Ленина тридцать лет И. В. Сталин возглавлял большевистскую Коммунистическую партию, руководил строительством социализма в нашей стране. Его твердое и умное руководство позволило Советскому Союзу выстоять и развиваться в ненавидящем нас капиталистическом окружении, а впоследствии создать антигитлеровскую коалицию и внести решающий вклад в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии — этих главных врагов социального прогресса и человеческой культуры. Сталин способствовал развитию и упрочению новых демократических и

социалистических стран в Центральной и Юго-Восточной Европе и на огромных пространствах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. В эпоху Сталина Советскому Союзу была обеспечена надежная геополитическая безопасность.

После победного завершения Великой Отечественной войны и окончания Второй мировой войны И. В. Сталин в 1946 году четко и обоснованно изложил наши ближайшие задачи и планы на более длительный период, гарантирующие нашу Родину от всяких случайностей. Много глубоких теоретических идей и актуальных практических задач Сталин выдвинул в научном труде «Экономические проблемы социализма в СССР». Сейчас все это перечеркнуто, но и тогда было не понято даже деятелями из ближайшего окружения Сталина. Например, А. И. Микоян в мемуарах «Так было» труд Сталина уничижительно назвал брошюрой и ополчился на Г. М. Маленкова и делегатов XIX съезда КПСС, высоко оценивших эту книгу и ее основные идеи: «Я был поражен: зачем это было делать? А что я говорил на съезде, не отражало моего мнения по этому вопросу».

В послевоенный период Сталин с новой силой подчеркнул необходимость творческого развития марксистско-ленинского учения, развернул дискуссии по актуальным вопросам философии и языкознания, литературы и искусства, по проблемам кино и другим важным темам. При этом во многих случаях принял личное активное участие, высказал основательные положения и важные мысли. Все это, к сожалению, отторгается нынешней властью, предается анафеме и сегодняшней научной и творческой интеллигенцией.

Сейчас иные авторы занимаются подсчетом, сколько дней И. В. Сталин был в своем рабочем кремлевском кабинете. Да Сталин все послевоенные годы работал, его творческая мысль все время выдвигала новые идеи. Можно их по-разному оценивать, но нельзя делать вид, что их не существовало. Молотов вспоминал: «Сталин работал над второй частью «Экономических проблем», давал мне кое-что почитать, но куда все это делось, ничего не известно».

Какой это разительный контраст с Горбачевым, Ельциным, Путиным, за которых думали и писали другие, даже иностранные советники. И которые либо предавались пустой болтовне о «социальном равенстве», либо пьянствовали, либо ездили по чужим странам и весям. Когда же тут страной, народом заниматься!

Советских людей Сталин предупреждал, что строить процветающее социалистическое государство придется в условиях вражды и постоянных угроз новой войны со стороны бывших

союзников по антигитлеровской коалиции — империалистических США и Англии и их союзников. В 1946 году Сталин назвал отставного премьер-министра Черчилля поджигателем войны. На его речь в Фултоне, преодолев тысячу километров, прибыл подлинный соавтор — президент США Трумэн. Сталин провидчески отмечал: «Господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война».

В том же 1946 году Сталин предсказывал, что Соединенные Штаты Америки и Великобритания будут сознательно создавать «капиталистическое окружение» для Советского Союза. А на вопрос «Считаете ли Вы, что фактически монопольное владение США атомной бомбой является одной из главных угроз миру?» ответил: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб».

Одновременно Сталин выразил твердую уверенность, что возможности мирного сосуществования Советского Союза с Соединенными Штатами Америки и другими капиталистическими странами «не уменьшаются, а могут даже увеличиваться».

И. В. Сталин формально не оставил никакого политического завещания. Иосифу Виссарионовичу шел семьдесят четвертый год. Практически он был здоров, не обращался последние несколько лет за помощью к врачам. Его смерть — результат

насилия, насильственного устранения из социально-политической жизни советского общества, а по существу из мировой истории.

Завещанием И. В. Сталина по праву следует считать речь на XIX съезде КПСС 14 октября 1952 года и почти двухчасовое выступление на Пленуме Центрального Комитета КПСС 16 октября того же года.

В этих материалах Сталин излагал и развивал те идеи и выводы, которым была посвящена вся его жизнь и революционно-созидательная деятельность. Он подвел итог одному периоду и говорил, что требуется на новом этапе строительства социализма в нашей стране и утверждения мира во всем мире.

Сталин говорил, что теперь недостаточно одного признания справедливости социализма. Теперь мало одной храбрости, если надо ради защиты социализма пойти на смерть. Теперь нужно сознательно строить социализм, знать экономические законы его развития, быть квалифицированным специалистом в своем деле, быть человеком высокоидейным и нравственно богатым.

Особые требования Сталин предъявил к руководящим кадрам партии и государства, к советским деятелям. Им должны быть присущи твердая марксистско-ленинская закалка, самоотверженность в осуществлении генеральной линии партии, умение распознавать и преодолевать сопротивление враждебных оппортунистических элементов, непримиримость в борьбе с буржуазной идеологией и моралью, с антикоммунизмом.

Сталин решительно раскритиковал политические ошибки Молотова, теоретические отступления Микояна. И это был не личный выпад Сталина против старых членов Политбюро ЦК. Не с грязью их смешал Сталин, как пишет Микоян. Нет, на их примере Сталин показал, что идейно стойкими партийными и государственными деятелями, высококвалифицированными и инициативными работниками должны быть все, особенно руководители высшего ранга. Этот завет Сталина был впоследствии предан забвению, что и привело к печальным последствиям. Сталин на послесъездовском Пленуме ввел в состав Центрального Комитета и расширенного Политбюро ЦК много новых, выдвинувшихся за годы Отечественной войны и послевоенного восстановления страны способных и талантливых партийных и хозяйственных работников, ученых и военных деятелей. И еще врачи не констатировали кончину Иосифа Виссарионовича, а уже Хрущев, Маленков, Берия и другие всех выдвиженцев Сталина вычеркнули из состава Центрального Комитета и из состава расширенного Политбюро ЦК. Вот с чего начался разгром КПСС, приведший к развалу СССР!

И. В. Сталин говорил участникам Пленума ЦК КПСС, что

политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей. И предупреждал, что для того, чтобы вырастить политического, государственного деятеля, нужны большие усилия. Для этого потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля. Все это свидетельствует, что Сталин думал и заботился, кому, в чьи руки вручить эстафету нашего великого дела, чтобы ее успешно понесли вперед.

Сталин призывал поднимать роль Коммунистической партии, ее партийных комитетов. Он требовал не забывать наказа Ленина о важности улучшения работы партии в массах. Отмечая, что некоторые выражают несогласие с нашими решениями, Сталин боролся за единство в руководстве партии. Если Хрущев сузил состав руководящих органов, то Горбачев намного увеличил состав Политбюро ЦК, введя амбициозных и националистических деятелей. Это в конечном итоге привело к параличу функционирование высшего руководящего политического органа.

Важны, говорил Сталин, конкретные практические дела. «Наша партия и наша страна, — отмечал И. В. Сталин, — всегда нуждались и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и поддержке братских народов за рубежом».

В речи на XIX съезде КПСС Сталин подчеркнул, что теперь буржуазия — главный враг освободительного движения — стала более реакционной, потеряла связи с народом. Теперь от ее либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности» — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт.

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт.

Сталин выразил уверенность, что знамя буржуазно-демократических свобод, знамя национальной независимости и национального суверенитета поднимут демократические и патриотические силы капиталистических стран. Сегодня произошло поправение западного мира, разгромлены или

ослаблены коммунистические и рабочие партии. Однако вывод Сталина, что демократические, патриотические и миролюбивые силы могут обеспечить свободную и спокойную жизнь народов, сохраняет свой смысл.

Дипломатический корреспондент «Нью-Йорк таймс» спросил Сталина: «Где, по вашему мнению, источники современного международного напряжения?» Сталин ответил: «Везде и во всем, где только проявляются агрессивные действия политики «холодной войны», ведомой против Советского Союза».

Сейчас уповают на то, что «холодная война» осталась в прошлом.

Но геополитическая захватническая политика США — реальный факт. Как раньше против СССР, так и теперь против России ведут США политику превращения России в американскую полуколонию, источник дешевого сырья, интеллектуальной и физической рабочей силы. За минувшие полвека ничего не изменилось. Однако решительного сталинского протеста со стороны нынешних руководителей России что-то так и не слышно.

Сталин говорил, что нужна поддержка других стран.

Однако Горбачев предал ГДР, поссорил нас с Польшей, предоставив ложную информацию о Катыни.

Сейчас пошла мода приравнивать сегодняшних президентов России к русским царям. А вот со Сталиным сравнивать боятся. И неспроста. Потому, что Сталин был несравненным политическим, государственным деятелем, победоносным полководцем, выдающимся мыслителем, человеком обширных знаний и высокой культуры. Ему равных не было во всем современном буржуазном мире.

Потому, что для Сталина не было ничего выше интересов социализма, многонационального Советского Союза, заботы о науке и культуре страны, хлопот о благе и уровне жизни простых советских людей.

Потому, что Сталин любил, растил и приближал талантливых людей, умелых организаторов, людей смелой мысли и преданных нашему великому делу. Он не терпел верноподданных болтунов, льстецов и лгунов.

Потому, что Сталин боролся против мира, основанного на угнетении и эксплуатации человека человеком; мира, несущего разрушительные войны и гибель миллионов людей; мира, сеющего вражду между разными народами и исповедующими разные религии.

Потому, что Сталин справился сам и требовал от других смело преодолевать сопротивление враждебных

оппортунистических элементов, стремящихся не допустить или по крайней мере задержать строительство социализма.

Потому, что Сталин творчески развивал и обогащал марксистско-ленинское учение, беспощадно и строго аргументированно разоблачал ревизионистов и любых фальсификаторов марксизма-ленинизма.

Потому, что Сталин вел скромный образ жизни, был чужд державной помпезности и мещанской роскоши, был добр и внимателен к людям и одновременно требовательным и нетерпимым к любому предательству.

Вот почему его ненавидят противники.

Вот почему, перефразируя слова Пушкина, его пример должен быть другим наука!

И. В. Сталин был и остался великим сыном великого советского народа.

Библиография

• *Аллилуев В. Ф.* Хроника одной семьи: Аллилуевы — Сталин. М., 1995.

• *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. М., 1990.

• *Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984.

• *Баграмян И. Х.* Так шли мы к Победе. М., 1977.

• *Байбаков Н. К.* От Сталина к Ельцину. М., 1998.

• *Безыменский Л.* Гитлер и Сталин, перед схваткой. М., 2000.

• *Белади Т., Краус Т.* Сталин. Пер. с венгр. М., 1989.

• *Бережков В.* Рядом со Сталиным. М., 1998.

• *Берия Серго.* Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

• *Булок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. 1–2. Смоленск, 1994.

• Был ли Сталин агентом Охранки? /Редактор-составитель Ю. Фельщтинский. М., 1999.

• *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973.

• *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967.

• *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

• *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. М., 1990.

• *Воробьев В. Ф.* И. В. Сталин — организатор побед на фронтах Гражданской войны. М., 1949.

• *Ворошилов К. Е.* Сталин и Вооруженные Силы СССР. М., 1980.

• Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984.

• *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т.3. Кн.1. М., 1971.

• *Гареев М. А.* Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. М. — Уфа, 1996.

• *Генкина Э. Б.* Приезд товарища Сталина в Царицын (в 1918 году). Сталинград, 1937.

• *Гленц Д., Хауз Дж.* Когда столкнулись титаны. Как Красная Армия остановила Гитлера. Нью-Йорк, 1995.

• *Грабин В.* Оружие победы. М., 1967.

• *Грей Ян.* Сталин. М., 1995.

• *Громов Е. С.* Сталин: власть и искусство. М., 1988.

• *Громыко А. А.* Памятное. В 2-х кн. М., 1988.

• *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т.1., 1973.

• *Жилин П.* Как фашистская Германия подготовила нападение на Советский Союз. М., 1965.

• *Жилин П.* О войне и военной истории. М., 1984.

• *Жомини А.* Очерки военного искусства. Т. 1–2. М., 1939.
• *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1–3. М., 1990.
• *Жухрай В. М.* Просчет Адольфа Гитлера: Новое о И. В. Сталине. М., 1995.
• *Жухрай В. М.* Сталин: правда и ложь. М., 1996.
• *Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982.
• Зимняя война 1939–1940. Кн.1.
• И. В. Сталин и финская кампания. М., 1998.
• Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947.
• Иосиф Сталин в объятиях семьи. М., 1993.
• *Иссерсон Г. С.* Новые формы борьбы. Опыт исследования современных войн. М., 1940.
• История Коммунистической партии Советского Союза. Т.5. Кн.1. М., 1970.
• История внешней политики СССР. 1945–1980. Т.2. М., 1981.
• История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1950.
• История Второй мировой войны. 1939–1945. Тт. 1—12. М., 1976–1982.
• Какая же она, правда о Сталине? М., 1998.
• *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
• *Колесник А.* Хроника жизни семьи Сталина. М., 1990.
• *Колпакиди А. М., Прудникова Е. А.* Двойной заговор. Сталин и Гитлер: Несостоявшиеся путчи. М., 2000.
• *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. 1943–1945. М., 1981.
• *Конев И. С.* Сорок пятый. М., 1966.
• *Корнейчук А. Е.* Фронт. М., 1943.
• *Косолапое Р. И.* Слово товарищу Сталину. М., 1995.
• *Кузнецов Н. Г.* Накануне. М., 1966.
• *Куманев В. А., Куликова И. С.* Противостояние: Крупская — Сталин. М., 1994.
• *Куманев Г. А.* Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М… 1999.
• *Ленин В. И.* Последние письма и статьи. М., 1975.
• *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1976.
• *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965.
• Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988.
• *Медведев Р.* Свита и семья Сталина. М., 1991.
• *Мерецков К. А.* На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1968.
• *Микоян А. И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 1999.

• *Михалков С.* Я был советским писателем. М., 1992.
• *Мухин Ю.* Катынский детектив. М., 1995.
• *Мухин Ю.* Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993.
• *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970.
• *Ортенберг Д.* Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995.
• Памяти павших. Великая Отечественная война 1941–1945. М., 1995.
• *Патон Е. О.* Воспоминания. М., 1958.
• Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тт. 1–2. М., 1957.
• Полководцы. М., 1995.
• Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1979.
• *Похлебкин В. В.* Великий псевдоним. М., 1996.
• *Радзинский Э. С.* Сталин. М., 1997.
• *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997.
• Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958.
• *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1968.
• *Ротмистров П. А.* Время и танки. М., 1972.
• *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947.
• *Рыбин А. Т.* Рядом со Сталиным. М., 1992.
• *Рыбин А. Г.* Сталин предвидел. М., 1992.
• *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М., 1968.
• Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Пер. с англ. М., 1995.
• *Семенов С. Н., Кардашов В. И.* Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М., 1997.
• *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992.
• XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., 1934.
• *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988.
• *Смирнов С. С.* Маршал Жуков. М., 1989.
• Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967.
• Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 1995.
• *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1953.

• *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950.

• *Сталин И. В.* Об оппозиции. Статьи и речи 1921–1927 гг. М.—Л., 1928.

• *Сталин И. В.* Сочинения. В 13 т. М., 1945–1951.

• *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 14, 15, 16. М., 1997.

• Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

• *Суворов В. А. (Резун).* Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1994.

• *Суворов В. А. (Резун).* Последняя республика (Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну). М., 1995.

• *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1997.

• Тегеран. Ялта. Потсдам. Сб. документов. М., 1970.

• *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956.

• *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. М., 1997.

• *Троцкий Лев.* Сталин. Тт. 1–2. М., 1990.

• *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. Политическая биография. М… 1968.

• *Устинов Д. Ф.* Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М., 1988.

• *Ustinov P.* Russia. Boston — Toronto, 1983.

• Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1951.

• *Фейхтвангер Лион.* Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937.

• *Феклисов А. С.* За океаном и на острове. Записки разведчика. М., 1994.

• *Фостер У.* История трех Интернационалов. М., 1959.

• *Хрущев Никита.* Воспоминания. М., 1997.

• *Хрущев Н. С.* О культе личности и его последствиях. «Известия ЦК КПСС». М., 1989, № 3.

• *Черчилль У.* Вторая мировая война. Тт. 1–4. М., 1955.

• *Чуев Ф. И.* Солдаты Империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998.

• *Чуев Ф.* Так говорил Каганович. М., 1992.

• *Шабалов А. А.* Одиннадцатый удар товарища Сталина. Ростов-на-Дону, 1996.

• *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды, М., 1974.

• *Шахурин А. И.* Крылья победы. М., 1983.

• *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Тт. 1–2. М., 1958.

• *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. Тт. 1–2. М., 1991.

• *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1–2.

М., 1975.

• *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. Пер. с англ. М., 1980.

• *Яковлев А. С.* Цель жизни. М., 1967.

• *Яковлев Н. Д.* Об артиллерии и немного о себе. М., 1984.

notes

1

Павел Сергеевич Аллилуев — брат Надежды Сергеевны.